

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ: СИМБИОЗ НАУКИ И ПРАКТИКИ

**Посвящается памяти
заслуженного деятеля науки Российской Федерации,
заслуженного юриста России, доктора юридических наук, профессора
Витрука Николая Васильевича**

Белгород, 2021

ББК 67.400
УДК 342
К 65

Ответственный редактор –
профессор М.В. Мархгейм

К 65 Конституционализм: симбиоз науки и практики : Материалы Международного круглого стола, посвященного памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста России, доктора юридических наук, профессора Н.В. Витрука (Белгород, 11-12 ноября 2021 г.). – Белгород, 2021. 208 с.

ISBN 978-5-6047064-4-2

В настоящем издании систематизированы материалы Международного круглого стола, а также цикла мероприятий, ежегодно проводимых в юридическом институте НИУ «БелГУ» в ноябре в знак уважения и памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста России, доктора юридических наук, профессора Витрука Николая Васильевича.

Материалы адресованы научным и практическим работникам, аспирантам, магистрантам, студентам, а также всем, кто интересуется теоретическими и практическими проблемами конституционализма.

ISBN 978-5-6047064-4-2

ISBN 978-5-6047064-4-2

© Авторы статей, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Тонков Е.Е.	НЕВЕРНОСТЬ КОНСТИТУЦИИ	6
Мархгейм М.В.	ГРАЖДАНСТВО В ЛАБИРИНТАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА РОССИИ	14
Беляева Г.С.	К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СТРУКТУРЕ	24
Дегтярева Е.В.	ПРАВОСОЗНАНИЯ	
Гончарова Л.Н.	ЗНАЧЕНИЕ КОДИФИЦИРОВАННЫХ НОРМАТИВНЫХ АКТОВ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	27
Макогон Б.В.	ГУМАНИЗАЦИЯ В ПРОЦЕССЕ ПРАВОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	32
Новикова А.Е.	ИНДИКАТОРЫ ПРАВООЩИТНЫХ РИСКОВ	37
Стус Н.В.	СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ – ЗВЕНО	43
Макогон Б.В.	ОГРАНИЧИТЕЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ	
Безуглая А.А.	ПАРЛАМЕНТСКИЕ СЛУШАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ФОРМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПАЛАТ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ	48
Гелуненко В.В.	КОНСТИТУЦИОННАЯ ИНВЕРСИЯ СВОБОДЫ СЛОВА	51
Задорожная Е.В.	КОНСТИТУЦИЯ ТРЕНДОВ И ТРЕНДЫ КОНСТИТУЦИИ	55
Тресков А.П.	КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ПРИНЦИП ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ	61
Тульнев М.А.	ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕАГИРОВАНИЯ НА ВЫЯВЛЕННЫЕ КОНСТИТУЦИОННЫМ СУДОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРОБЕЛЫ И КОЛЛИЗИИ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ	70
Чаплицкий Ф.Ф.	ПРИСЯГА В ОВД: ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ	75
Артыков Д.З.	АМНИСТИЯ КАК АКТ ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИЗМА	81
Афанасьева М.П.	ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАВНОДОСТУПНОСТИ ПУБЛИЧНОЙ СЛУЖБЫ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ КОНСТИТУЦИОННЫЕ АНАЛОГИИ	86
Белоусов Н.В.	ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ИНТЕРЕСОВ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ КОНСТИТУЦИОННЫЙ ОПЫТ	92
Гнездюков В.А.	ПРОЦЕСС И ПОРЯДОК ОБЖАЛОВАНИЯ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ВЗЫСКАНИЙ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ НА ПРИМЕРЕ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ	98
Дегтярев С.Н.	ГЕНЕЗИС КОНСТИТУЦИОННОЙ ФОРМАЛИЗАЦИИ БРАКА В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ	102
Джамиль Э.З.	РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ РАВНОПРАВИА И СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СТОРОН В ЕВРОПЕЙСКОМ СУДЕ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА	106

Земляной А.В.	ГАРАНТИИ РЕАЛИЗАЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН РОССИИ, НАХОДЯЩИХСЯ ЗА ЕЁ ПРЕДЕЛАМИ, НА РЕЗУЛЬТИРУЮЩЕМ ЭТАПЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА	111
Кодаш С.С.	КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	122
Лицавкин М.Ю.	НОВЫЕ КОНСТИТУЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ СТАТУСА ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ	125
Мокроусова К.А.	НЕКОТОРЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ АДМИНИСТРАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ «СИРИУС» КАК ИСПОЛНИТЕЛЬНО-РАСПОРЯДИТЕЛЬНОГО ОРГАНА	126
Петербургский А.П.	РАЗВИТИЕ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ В РОССИИ	131
Чабаненко Л.В.	К ВОПРОСУ О ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ	135
Шамаева К.В.	К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	139
Шерстнев В.Н.	СОВРЕМЕННОЕ КОНСТИТУЦИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СУДОУСТРОЙСТВА В РОССИИ	143
Андреева С.Ю.	ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ СПОРЫ И СПОСОБЫ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ	148
Багрова О.О.	ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ЦЕНЗЫ	152
Безух Т.А.	ЭЛЕКТРОННОЕ ГОЛОСОВАНИЕ В РОССИИ	157
Вишневский В.М.	ПРАВА И СВОБОДЫ КАК ЭЛЕМЕНТЫ	161
Жданов В.Ю.	ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ	
Иванчикова Е.В.	ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ВЫБОРАХ И РЕФЕРЕНДУМАХ	166
Кобылинская Л.А.	СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА КАК ИСТОЧНИК ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	170
Крайнюкова А.А.	ГОЛОСОВАНИЕ В ЭПОХУ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ: РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ	175
Мандриков А.Ю.	НАЦИОНАЛЬНАЯ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	179
Обухова А.М.	ИНСТИТУТ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ КАК ОСНОВА ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ВЫБОРОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	183
Ушакова Л.Ю.	НОТАРИАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ В РОССИЙСКОМ ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРАВЕ	187
Фирулин Н.Д.	Н.В. ВИТРУК И КОНСТИТУЦИОННОСТЬ ИНСТИТУТА СУДИМОСТИ: УСТРЕМЛЕНИЯ НАСТОЯЩЕГО ГУМАНИСТА	191

Фурманов Д.А.	ФИНАНСИРОВАНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ	196
Чумакова И.О.	ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ КАК СУБЪЕКТ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В РОССИИ	200
Карабутов А.А.	НОВЕЛЛЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ГРАЖДАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»	203

Тонков Евгений Евгеньевич,
директор юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации
(Белгород, Россия)

НЕВЕРНОСТЬ КОНСТИТУЦИИ

«Одним из основных принципов конституционализма как теории и практики является верность конституции, ее результативность, показателем которой служат конституционность и конституционный порядок» [1, с. 245].

Н.В. Витрук

Аннотация: Выдающийся российский государственный деятель и правовед Николай Васильевич Витрук внес неоспоримый вклад в развитие конституционно-правовой науки. Огромное внимание он уделял философско-правовому осмыслению конституции, обоснованию ее особого места и статуса в иерархии правовых ценностей. По мнению автора статьи, проявившие себя после принятия Конституции Российской Федерации противоречивые тенденции в различных сферах жизни общества, получили свое отражение и в праве, которое является универсальной системой нормативного регулирования социальных процессов. В результате коллизии и пробелы проникают сегодня на все уровни отечественного законодательства, создавая условия для возрождения (пока еще не формализованной) сословной системы социальной стратификации населения. Смысл и назначение конституции в цивилизованном обществе состоит в эффективной охране и защите прав и свобод человека. Однако, являясь главным политико-правовым документом страны, Конституция Российской Федерации ввиду своей декларативности не в силах устранить имеющиеся противоречия, оставляя возможность лицам, приближенным к властным структурам, использовать юридические коллизии и пробелы в корыстных целях, рассматривая верность конституционным идеалам и принципам как устаревшую ритуализованную форму бытия.

Ключевые слова: конституция, право, государство, население, свобода, ценности, принципы, справедливость, противоречия, суд, стратификация.

Конституция Российской Федерации 1993 г., отразив перемены во всех сферах нашего общества, впервые за всю историю развития российской государственности провозгласила приоритет общечеловеческих интересов над всеми другими ценностями государства и общества. Она закрепила основную

обязанность государства и всех его органов в сфере признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, провозгласила землю и другие природные ресурсы основой жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории [2].

Если защита человека, его прав и свобод от посягательства со стороны государства – задача демократического общества, то защита человека, его прав и свобод от общества с его разнообразными, пользующимися политическим влиянием группами, которое тоже способно посягать на права и свободы, является обязанностью государства.

Защита человека, его прав и свобод требует от государства активных действий и предоставления ему соответствующих прав. Человек, его права и свободы должны защищаться государством с помощью различных норм права, однако для признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека необходимы существенные усилия государства в материальной и духовной сферах, а также, что, вероятно, самое главное, – его желание эти усилия предпринимать.

Противоречивые тенденции в различных сферах жизни российского общества не могли не найти своего отражения в праве, которое является универсальной системой нормативного регулирования социальных процессов, вследствие чего противоречия пронизывают сегодня все уровни системы отечественного законодательства. Несмотря на относительную самостоятельность, право, как и другие виды социальных норм, осуществляет специфические регулятивные функции не изолированно, а в тесном взаимодействии с другими социальными регуляторами, в частности, моралью.

Как отмечал в этой связи Г. Гегель, который первым с философской точки зрения наиболее полно и всесторонне исследовал характер связи и взаимодействия противоречивых предметов и явлений, «...все, что существует, находится в отношении, и это отношение есть истина всякого существования. Благодаря отношению существующее – не абстрактно, не стоит само по себе, а есть лишь в другом, но в этом другом оно есть отношение с собою, и отношение есть единство соотношения с собою и соотношения с другими» [3, с. 301].

Вся доступная нам реальность есть совокупность предметов и явлений, находящихся в самых разнообразных отношениях и связях друг с другом. Любые предметы и события – звенья одной бесконечной цепи, объемлющей все существующее в мире в единое целое. При этом имеется в виду не только ориентированность на безусловное исполнение законов и совершенствование

правоприменительной практики (хотя и то, и другое чрезвычайно важно), но наполнение государственной деятельности качественно иным содержанием, подразумевающим, в том числе, использование нравственного потенциала общества.

Известно, что один из лидеров Великой французской революции М. Робеспьер, ставший впоследствии жертвой своего детища (помним, что «революция пожирает своих героев»), призывал заменить честь честностью, власть моды – властью разума, нормы приличия – обязанностями, правила хорошего тона – моделью поведения благопристойных людей. Моральное переосмысление основных ценностных ориентиров и нравственных идеалов, подтвержденное законодворческими инициативами революционеров, отражало результат качественного изменения общественного правосознания. Аналогичная ситуация спустя 120 лет повторилась и в России. Роль социальных и правовых норм не сводится к созданию ограничений для личности, но рассматривается в качестве фактора, определяющего поведение индивидуума в жизненно-важных ситуациях и регулирующего отношения людей для достижения максимально возможного уровня свободы каждого из нас.

При всем многообразии и разнохарактерности отношений между правовыми ограничениями и правовыми возможностями в процессе реализации конституционных норм общим основанием для них является диалектическое противоречие, представляющее собой универсальную онтологическую структуру, присутствующую во всех сферах бытия. Основными признаками диалектических противоположностей правовых ограничений и правовых возможностей являются взаимополагание, взаимопроникновение и асимметрия, что означает наличие в каждом случае ведущей (доминирующей) и ведомой (подчиненной) сторон, каждая из которых характеризуется своей тенденцией изменений.

Как отмечалось в ст. 4 французской Декларации прав человека и гражданина 1789 года, «свобода состоит в возможности делать все, что не вредит другому: таким образом, осуществление естественных прав каждого человека ограничено лишь теми границами, которые обеспечивают другим членам общества пользование этими же правами» [4, с. 98].

Конституция предназначена для эффективной охраны и защиты прав и свобод человека, в чем заключаются её смысл и цель в цивилизованном обществе. Права человека и его интересы приоритетны по отношению ко всем иным правам, свободам и интересам, если они не ограничивают, а тем более, если не нарушают законные права, свободы и интересы других.

Как справедливо отмечал Н.В. Витрук, «не умаляя роли законодательных и исполнительных органов государственной власти в законодательном регулировании и осуществлении правоохранительной деятельности, следует признать, что основное звено, вершина в системе правовой охраны – это суды, осуществляющие правосудие» [5, с. 88].

Судебные органы являются ведущим субъектом правоохранительной деятельности, так как именно судебное рассмотрение служит высшей инстанцией на пути защиты нарушенных прав и свобод граждан. Отнесение судов к числу правоохранительных органов не умаляет их статуса, места и роли. Напротив, все иные правоохранительные органы «работают на правосудие», обслуживают его, причем их служебная деятельность получает итоговую оценку именно в суде.

Несмотря на исключительную роль и место судов в правовом государстве, они, по точному выражению Н.В. Витрука, «не теряют качества правоохранительного органа», а исключение судов из числа правоохранительных органов – результат «весьма упрощенного понимания сущности правоохранительной деятельности, практически необъяснимого отождествления ее с деятельностью по выявлению преступлений и лиц, их совершивших, по охране порядка в общественных местах и т. п.» [5, с. 88-89].

Провозглашаемые Конституцией формально равные права всех людей на счастье реально обеспечивают «запрограммированное», по словам одного из героев самого популярного новогоднего фильма, счастье лишь небольшого меньшинства населения и его иллюзию всех остальных. Общечеловеческие ценности, содержащиеся в Основном законе, достаточно легко размываются самим течением практического бытия социума. Например, хотя природные ресурсы названы в Конституции основой жизни и деятельности народов, но их возможность нахождения в частной собственности оказалась удобным средством, позволяющим ограниченному кругу лиц выжимать из них все максимальную прибавочную стоимость, стать подлинными олигархами, способными даже влиять на формирование выгодной для себя государственной политики. При этом Конституция превращается в надежное моральное и правовое прикрытие их корыстных интересов, занимаемого положения и неблагоприятной деятельности.

В результате декларируемые Конституцией принципы (да и она сама) становятся своеобразной охранной грамотой высшего социального слоя в стратификационном иерархическом пироге. Равенство олигархов, высокопоставленных чиновников и основной массы граждан оказывается

абстракцией, фикцией, декорирующей фактическое положение дел, когда население абсолютно отстранено от получения даже минимальной доли доходов от использования природных ресурсов, а напротив, заключено в кабалу все возрастающих потребностей владельцев газовых трубопроводов и нефтяных вышек, угольных шахт и электростанций. Внешне Конституция продолжает выглядеть как общечеловеческий гарант справедливости, но на самом деле служит оправданием возродившихся капиталистических отношений на просторах разрушенного постсоветского наследия.

В элитологической науке Платона одним из основных положений является социальная стратификация людей, которых он разделяет на избранных (*aristos*) и слуг, называемых им толпой или массой. В фундаментальном труде «Государство» Платон показывает, что толпа не представляет никакой ценности для избранных [6, с. 744].

Аристотель в учении о добродетелях, представленном в знаменитых трактатах «Никомахова этика», «Евдемова этика» и «Большая этика», утверждал, что добродетель является «похвальным приобретаемым свойством души», и каждый человек должен своим трудом, обучением и воспитанием стремиться к ее достижению. По его замечанию, все, что мы имеем от природы, первоначально предоставляется нам лишь в виде возможностей, впоследствии реализующихся в действительности [7, с. 167]. Аристотель называл теорию высшего блага, справедливости и добродетели политикой, а название «Этика» было дано его учениками, которые записывали лекции великого философа. Цель и главную заботу политики он видел в том, чтобы придать гражданам известного рода хорошие качества и сделать их людьми, поступающими прекрасно. Именно в работах Аристотеля мы можем обнаружить дифференциацию отдельных социальных слоев населения, согласно которой «честь признается принадлежащей людям высокого рождения, правителям и богам, так как они выше других в силу каких бы то ни было благ, ибо благодаря им их уважают, хотя по справедливости, только хороший человек заслуживает уважения, а кто соединяет имущественное положение и хорошие человеческие качества, того еще более уважают». Характеризуя принцип справедливости, который он считал «государственным благом», Аристотель подчеркивал, что не все видят его в одном и том же: граждане демократии видят его в свободе, олигархии – в богатстве, а аристократии – в добродетели» [7, с. 252].

Фактически, мы вынуждены признать, что правота великого философа через тысячелетия экстраполировалась фантастическим образом на сегодняшнюю Россию, в которой проблема справедливости и верности идеалам

Конституции переместилась в центр духовной жизни, по-своему отражаясь в праве и морали разных социальных групп населения. Безусловно, верность содержит в себе отголоски феодальной преданности, не имеющей достаточной прочной мотивации и, как оказалось, не является надежным связующим юридическим атрибутом. Отказ от верности идеалам добра и справедливости, содержащей в себе на генетическом уровне следы ритуализованного поведения, в целях получения выгодных перспектив, подкрепленных соответствующими гарантиями, оказался для современных нуворишей не таким уж сложным делом. Если при этом у некоторых из них и возникает чувство вины или стыда за нарушение требований верности, то оно весьма скоро ретушируется дивидендами.

Еще И. Кант заметил, что в обществе отсутствует соответствие между добродетельным поведением и счастьем, которое он считал воздаянием за него. Как известно, Кант дифференцировал все императивы на гипотетические (рассматриваемые как средство для достижения цели) и категорические (когда предписание выступает как цель) [8, с. 290]. Он полагал, что всеобщий закон нравственной жизни заключается в процедуре императивности, центром которой является долг (но не верность), а его нормативное содержание весьма различно у разных социальных слоев и даже групп. Нормы права, являясь формализованными волевыми положениями, отражающими идеальные модели общественной практики, составляют материальную основу развития и совершенствования правовых форм государственной деятельности. Право не должно и не может регулировать все общественные отношения по мере их обновления, но, наряду с этим, в государственно-правовой теории существует необходимость в переосмыслении теоретических конструкций и анализе возникающих тенденций при рассмотрении юридических форм с учетом формирования нового нормативного содержания. Представляется важным с теоретической и практической точек зрения выявить обстоятельства, влияющие на развитие и содержание данной категории.

Нормы права, являясь формализованными волевыми положениями, отражающими идеальные модели общественной практики, составляют материальную основу развития и совершенствования правовых форм государственной деятельности. Право не должно и не может регулировать все общественные отношения по мере их обновления, но, наряду с этим, в государственно-правовой теории существует необходимость в переосмыслении теоретических конструкций и анализе возникающих тенденций при рассмотрении юридических форм с учетом формирования нового нормативного

содержания. Представляется важным с теоретической и практической точек зрения выявить обстоятельства, влияющие на развитие и содержание данной категории.

По словам В.С. Нерсесянца, «при всей своей относительной самостоятельности право, как и другие виды социальных норм, осуществляет свои специфические регулятивные функции не изолированно и обособленно, а в едином комплексе и тесном взаимодействии с другими социальными регуляторами» [9, с. 50]. Теория правопонимания В.С. Нерсесянца в отечественной юридической литературе некоторое время назад активно пропагандировалась, несмотря на то, что сводила сущность права к таким составляющим как «равенство свободных и независимых друг от друга субъектов права по общему для всех масштабу, единой норме, равной мере» [10, с. 17]. Обосновывалось, что право – это свобода как «существо правовой формы бытия» [10, с. 25].

Таким образом, сущность права представлялась как формальное равенство, свобода и справедливость. Последователи В.С. Нерсесянца дополняют компоновку сущности права свободами человека, их защитой, выраженной в законе, который в силу этого становится правовым. Понятно, что указанные идеи привнесены из естественно-правовой доктрины и по существу являются ее прочтением на современный лад. Современное либеральное мышление предпринимает немалые усилия для переосмысления наиболее значимых характеристик права. Речь, в первую очередь, идет об определяющих признаках права, таких его характеристиках как: волевая нормативность, генетическая и функциональная связь с государством (правотворчество и обеспечение реализации правовых норм) и его обусловленность экономикой, политикой, интересами и др.

По мнению Н.А. Власенко, здесь «коэффициент» неопределенности достигает еще большего уровня и дополнительные комментарии вряд ли требуются [11, с. 19-20]. Он справедливо считает нецелесообразным отрицать усилия ученых в поиске ответа на вопрос, что такое право и что является его основой с познавательных и прагматических позиций вряд ли целесообразно. Именно этим объясняется острота вопроса о результативности научных исследований и, соответственно, их методологической эффективности.

Тем не менее, все больше сторонников приобретает интегративный (интегральный) подход. Как подчеркивает В.В. Лазарев, «собственно юридические потребности – потребности разрешения юридических дел, юридических споров – требуют по возможности полной определенности в том,

что есть право, а что таковым не является. Неопределенность здесь может оказаться пагубной как для властвующих, так и для подвластных...» [12, с. 5].

Известный популяционно-биологический закон свидетельствует: если хочешь уничтожить популяцию, охраняй и лелей ее. Если хочешь, чтобы она была жизнеспособной – посылай испытания. Поэтому, подводя определенный итог своему видению значения для развития российского общества и отечественной юриспруденции принципиальной научной позиции Николая Васильевича Витрука, автор верит в жизнеспособность нашего народа, который только закаляется в результате вынужденного взаимодействия с изъятиями государственного строительства и когда-нибудь преодолет все преграды на своем пути.

Литература

1. Витрук Н.В. Верность Конституции. М., 2008. 272 с.
2. Конституция Российской Федерации. М.: Проспект, 2021. 112 с.
3. Гегель Г. В.Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1. 452 с.
4. Современные зарубежные конституции. М., 1992. 285 с.
5. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. М., 2008. 324 с.
6. Платон. Собрание сочинений. Т. 4. М., 1994. 830 с.
7. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Мн.: Литература, 1998. 1391 с.
8. Кант И. Соч. в 6 тт. Т.4, ч.1. М., 1965. 544 с.
9. Нерсесянц В.С. Юриспруденция. М., 1998. 288 с.
10. Нерсесянц В.С. Философия права. М., 1997. 652 с.
11. Власенко Н.А. Проблемы продуктивности современного правопонимания: Материалы Международной научно-практической конференции «Правовое регулирование в XXI веке». Белгород, 2016.
12. Лазарев В.В. Поиск права // Журнал российского права. 2004. № 7. С. 3-14.

Мархгейм Марина Васильевна
заведующий кафедрой конституционного
и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

ГРАЖДАНСТВО В ЛАБИРИНТАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА РОССИИ

«Гражданство есть юридическое оформление состава населения государства, неотъемлемый атрибут государственного суверенитета» [Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М., 2008. С. 125].

Аннотация. В статье на основе анализа публикаций о гражданстве за последние 30 лет, конституционных и законодательных текстов, нормами которых регулировались и регулируются отношения гражданства, представлены дефинитивные, принципиальные и содержательные изменения института гражданства. Сделан вывод, что гражданство наряду с его пониманием в качестве атрибута государства, конституционного права, правового института, элемента правового статуса личности, выступает цензом доступа к публичной службе и индикатором открытости/закрытости внутренней и внешней политики государства.

Ключевые слова: конституция, гражданство, двойное гражданство, принципы гражданства.

Конституционно-правовая наука, вдохновляемая формализованными вариациями на тему гражданства и практикой их воплощения, не снижает к нему исследовательского интереса. Анализ публикаций (статьи, монографии, диссертации), представленных в электронной библиотеке (elibrary.ru) и индексированных (РИНЦ) за последние 30 лет, показывает не только устойчивость этого внимания, но и спектр сопряжений гражданства с иными государственно-правовыми явлениями. Так, в период 1991 – 2000 гг. гражданство закономерно исследовалось в связи: с конкретным государством [1, 2, 3], группой государств [4] или объединением государств [5]; с территорией государства [6]; с правом участия в голосовании [7] и др. В период 2001 – 2010 гг. гражданство продолжало разрабатываться в связи: с конкретным государством [8, 9, 10], с группой государств [11], с объединением государств [12, 13, 14]. При этом уделялось внимание терминологическим [15, 16] и видовым [17, 18, 19, 20] нюансам гражданства, выявлению его особенностей в

федеративных государствах [21], влияния на безопасность [22, 23] и миграцию [24, 25, 26]. В этот временной период гражданство рассматривалось как право [27, 28, 29], как фактор обеспечения прав детей [30, 31], как условие поступления на публичную службу [32] и основание дифференциации в трудовых отношениях [33], как элемент правового статуса личности [34]. Витрук Н.В. уделил внимание разработке гражданства именно в контексте общей теории правового положения личности. По его словам, гражданство «есть юридическое основание (условие), предпосылка обладания и пользования правовым статусом» [35, с. 131].

В период 2011 – 2021 гг. публикации по вопросам гражданства увеличились почти втрое. Наряду с устойчивыми ракурсами исследования (гражданство конкретного государства [36], группы государств [37] или объединения государств [38, 39]; гражданство как право [40], как элемент правового статуса личности [41]; понятийные аспекты гражданства [42, 43]), весьма активно исследовались понятийные интерпретации гражданства [44, 45], вопросы двойного [46] / второго [47] / множественного [48] гражданства, проблемы регулирования отношений гражданства [49] и реализации связанных с этим норм [50], а также конституционные новеллы, коснувшиеся данного института [51]. Обратила на себя внимание также тенденция формирования новых сопряжений термина «гражданство»: «корпоративное гражданство» [52], «спортивное гражданство» [53], «активное гражданство» [54], «цифровое гражданство» [55] и др. Все они характеризуют связь с государством, но не в традиционном понимании.

Представленный проблемно-хронологический обзор публично-правовых научных исследований гражданства дополнительно иллюстрирует многогранность, глубинность и в силу этого изыскательскую неисчерпаемость данного государственно-правового феномена.

Представляется интересным рассмотреть гражданство в контексте отечественного государственного строительства в течение последних 30 лет.

Гражданство, имея разные ипостаси, как то: атрибут государства; правоотношение (между гражданином и государством гражданства); право (на гражданство); институт гражданства, в каждой из них Россия выражала собственную суверенную позицию, фиксируемую конституционно. Так, в Конституции (Основном законе) РСФСР от 12 апреля 1978 г. гражданству была отведена специальная Глава 5. «Гражданство РСФСР. Равноправие граждан». Входящая в нее ст. 31 характеризовала гражданство «единым союзным», в силу чего «каждый гражданин РСФСР является гражданином СССР». Соответственно именно Законом о гражданстве СССР определялись «Основания и порядок приобретения и утраты советского гражданства».

Закономерными были и положения данной нормы, согласно которым граждане других союзных республик пользовались на территории РСФСР одинаковыми правами с гражданами РСФСР, а граждане РСФСР за границей «пользовались защитой и покровительством Советского государства». Упоминаний о гражданстве иностранного государства, не говоря уже о двойном гражданстве, в Основном законе 1978 г. не было.

Начиная с октября 1989 г. под влиянием перемен в направлении государственного строительства, именуемых «перестройкой» (1987-1991), в Конституцию РСФСР 1978 г. стали массово вноситься принципиальные изменения: за 2,5 года их оказалось более 300. Принципиальность изменений была столь разительна, что, по сути, появился новый текст Основного закона нового по наименованию государства – Конституция (Основной закон) Российской Федерации – России от 12 апреля 1978 г. (с изменениями и дополнениями от: 27 октября 1989 г., 31 мая, 16 июня, 15 декабря 1990 г., 24 мая, 3 июля, 1 ноября 1991 г., 21 апреля 1992 г.). Поправки неизбежно коснулись гражданства: оно стало гражданством Российской Федерации; адресовалось как право «каждому» (ст. 36. Каждый имеет право на приобретение и прекращение гражданства Российской Федерации...); характеризовалось недопустимостью лишения, высылки гражданина Российской Федерации за ее пределы. При сохранении отношений гражданства за границей изменилась их суть: граждане РСФСР за границей «пользовались» защитой и покровительством, а гражданам Российской Федерации защита и покровительство за пределами страны «гарантировалось». Налицо изменение «активного» субъекта.

В контексте государственного строительства полагаем значимым акцентировать конституированное «право каждого» на российское гражданство. Такой конституционный подход России, с одной стороны, сигнализировал о политике открытости страны, с другой – сбивал с толку и противоречил вполне рациональному правилу: один человек – одно гражданство. Поскольку каждое государство считает гражданина, имеющего и иное гражданство, только своим и несет обязанности по отношению к нему, между государствами гражданства могут возникать не просто коллизионные, но и спорные моменты. Здесь уместно привести высказанное в 2008 г. мнение Н.В. Витрука, что в «последние десятилетия со стороны ряда государств существенно изменилось отношение к институту двойного гражданства. Оно получает законодательное закрепление и тем самым наполняется новым содержанием, отличным от ранее существовавшего» [35, с. 143].

Сообразно кардинально изменившимся конституционным нормам изменялось и законодательство о гражданстве. Так, Закон СССР от 23 мая

1990 г. № 1518-I «О гражданстве СССР» фиксировал, что «Гражданство СССР определяет постоянную политико-правовую связь лица и Советского государства, находящую выражение в их взаимных правах и обязанностях». Показательным было положение, согласно которому «Советское государство в лице своих органов и должностных лиц ответственно перед гражданами СССР, а гражданин СССР ответствен перед государством». Устанавливалось, что в СССР «каждый человек имеет право на гражданство». Не допускалось «произвольное» (а только на основе закона) лишение гражданства СССР: «может иметь место в исключительном случае в отношении лица, проживающего за границей, если оно совершило действия, наносящие существенный ущерб государственным интересам или государственной безопасности СССР» (Статья 23. Лишение гражданства СССР). Следует также отметить, что законодательно фиксировались: «принадлежность к гражданству СССР» (ст. 4), «непризнание за гражданином СССР принадлежности к гражданству иностранного государства» (ст. 11).

Закон РСФСР от 28 ноября 1991 г. № 1948-I «О гражданстве РСФСР» закреплял гражданство в качестве «устойчивой правовой связи человека с государством, выражающейся в совокупности их взаимных прав, обязанностей и ответственности, основанной на признании и уважении достоинства, основных прав и свобод человека». Гражданство в Российской Федерации фиксировалось как: право каждого человека («...каждый человек имеет право на гражданство»); неотъемлемое право («... никто не может быть лишен своего гражданства»); волеизъявляемое право («... никто не может быть лишен ... права изменить свое гражданство»); право, исключаящее произвольную выдачу гражданина Российской Федерации («... не может быть выдан другому государству иначе как на основании закона или международного договора Российской Федерации»).

Отметим, что анализируемый Закон «О гражданстве РСФСР» 1991 г. включал норму, согласно которой граждане Российской Федерации, «постоянно проживающие на территории республики в составе Российской Федерации, являются одновременно гражданами этой республики» (ч. 2 ст. 2). Данная норма, видимо, вписанная в закон о гражданстве РСФСР по аналогии с законом о гражданстве СССР, не получила реализации, оставшись «нормой на бумаге», не переживавшей (и правильно!) в новый закон о гражданстве Российской Федерации.

В ст. 3 Закона «О гражданстве РСФСР» 1991 г. также отражена определенность позиции государства по отношению к двойному гражданству: по общему правилу за лицом, «состоящим в гражданстве Российской Федерации, не признается принадлежность к гражданству другого

государства...». Однако, может возникать «иное», предусмотренное международным договором Российской Федерации: «Гражданину Российской Федерации может быть разрешено по его ходатайству иметь одновременно гражданство другого государства, с которым имеется соответствующий договор Российской Федерации». При этом российские граждане, имеющие также иное гражданство, на этом основании не могут быть ограничены в правах, уклоняться от выполнения обязанностей или освобождаться от ответственности, вытекающих из гражданства Российской Федерации. Данная норма в полной мере соответствует определению гражданства, выражающегося в совокупности взаимных (между гражданином и государством гражданства) прав, обязанностей и ответственности.

Таким образом, изменявшиеся направления государственного строительства в пользу большей открытости государства сказались на гражданстве и дефинитивном, и в содержательном отношении.

Прекращение существования СССР как геополитической реальности 8 декабря 1991 г. перевело Декларацию о государственном суверенитете Российской Федерации от 12 июня 1990 г. из разряда внутрисоюзного в ранг государственного документа с последовавшими за этим изменениями русла конституционного строительства. Принятая по итогам всенародного голосования 12 декабря 1993 г. Конституция Российской Федерации, объявив Россию демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления (ст. 1), предложила не только четкие ценностные ориентиры, но и принципы построения самого государства и формат взаимоотношений между обществом и государством. Это закономерно отразилось на гражданстве Российской Федерации: оно получило статус основы конституционного строя; порядок его приобретения и прекращения определяется новой формой закона, а именно федеральным законом; является единым и равным вне зависимости от оснований приобретения; установлена недопустимость лишения гражданства и права его изменить (ст. 6).

В контексте правового статуса личности, интегрально отраженного в Главе 2 Конституции России, установлена недопустимость высылки и выдачи российского гражданина другому государству (ч. 1 ст. 61), а также гарантия со стороны Российской Федерации оказывать «своим гражданам защиту и покровительство за ее пределами» (ч. 2 ст. 61).

Принципиально изменился и подход ко второму/двойному гражданству: если прежде «иностранцы граждане» могли получать российское гражданство, то теперь «российские граждане» – иметь «гражданство иностранного государства (двойное гражданство) в соответствии с федеральным законом или международным договором» (ч. 1 ст. 62). Специальный конституционный

акцент сделан на том, что наличие у гражданина России гражданства иностранного государства «не умаляет его прав и свобод и не освобождает от обязанностей, вытекающих из российского гражданства, если иное не предусмотрено федеральным законом или международным договором Российской Федерации» (ч. 2 ст. 62).

Указанные конституционные постулаты легли в основу Федерального закона от 31 мая 2002 года № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации». Понятно гражданство Российской Федерации определено этим законом в качестве устойчивой правовой связи лица с Российской Федерацией, выражающейся в совокупности их взаимных прав и обязанностей. Обратим внимание на то, что по сравнению с формулировкой советского гражданства связь лица и государства стала не «политико-правовой» (когда не разделение официальной политики государства могло обернуться лишением гражданства), а правовой, что в правозащитном смысле более верно. По сравнению с прежней формулировкой российского гражданства связь лица стала ограничиваться только «взаимными правами и обязанностями» (как это было в определении советского гражданства), а взаимная ответственность оказалась выведенной (а зря!) из определения отношений гражданства.

Необходимо обратить внимание на то, что в рамках обновления Конституции России 2020 г., направленного на совершенствование организации и функционирования публичной власти, гражданство получило новый статус, а именно статус ценза: наличие у российского гражданина гражданства иностранного государства выступает ограничительным барьером в доступе к должностям публичной службы. Так, согласно Конституции, в ведении Российской Федерации находится «установление ограничений для замещения государственных и муниципальных должностей, должностей государственной и муниципальной службы, в том числе ограничений, связанных с наличием гражданства иностранного государства (п. «т» ст. 71). Для должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации конституционно установлены не только цензы российского гражданства, возраста, постоянного проживания в России, но и ценз отсутствия гражданства иностранного государства (ч. 3 ст. 77). Ценз отсутствия гражданства иностранного государства введен также для должностей руководителя федерального государственного органа (ч. 5 ст. 78), Президента Российской Федерации (ч. 2 ст. 81), сенатора Российской Федерации (ч. 4 ст. 95), депутата Государственной Думы (ч. 1 ст. 97), Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (п. «е» ч. 1 ст. 103), Председателя и заместителя Председателя Правительства Российской Федерации, федерального министра,

иного руководителя федерального органа исполнительной власти (ч. 4 ст. 110), судьи (ст. 119), прокурора (ч. 2 ст. 129).

Таким образом, новые вызовы государственного строительства и угрозы национальному суверенитету и безопасности России сказались на институте гражданства. С высокой долей вероятности, это не последнее уточнение и содержания данного института, и конституционно-правового регулирования отношений гражданства. Можно предположить, что наметившаяся тенденция к закрытости российского гражданства может себя проявить, например, возвращением института прекращения гражданства, который был свойственен советскому гражданству. Есть основания полагать, что и двойное гражданство получит свою определенность как самостоятельное явление, основанное на межгосударственном договоре о двойном гражданстве.

В любом случае, постигать конституционно-правовые смыслы российского гражданства, которые могут открываться под влиянием актуальных направлений государственного строительства, не только невероятно интересно, но и продуктивно в научном и практическом планах. Более того, есть основания утверждать, что гражданство выступает индикатором открытости/закрытости внутренней и внешней политики Российского государства.

Литература

1. Брянецв О.Г. Гражданство Российской Федерации : автореферат дис. ... кандидата юридических наук / Центр государства и права. Москва, 1993.
2. Яхина Э.Х. Гражданство Российской Федерации: проблемы теории и практики : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Санкт-Петербургская академия МВД России Санкт-Петербургская академия МВД России. Санкт-Петербург, 1997.
3. Мамонтов А.Г. Гражданство Российской Федерации. Москва, 1998.
4. Смирнова Е.С. Гражданство в СНГ: некоторые проблемы и попытки решения // Россия и современный мир. 2000. № 4 (29). С. 76-87.
5. Лепешков Ю.А. Гражданство Европейского Союза: нонсенс или объективная закономерность в международном праве // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1998. № 5. С. 46-50.
6. Бабурин С.Н. Современные проблемы российской государственности: территория и гражданство // Государство и право. 1996. № 11. С. 60-65.
7. Lardy H. Citizenship And The Right To Vote // Oxford Journal Of Legal Studies. Oxford, 1997. Vol. 17. № 1. Pp.75-100.
8. Цанковв. Новият закон за Българското гражданство и соответствие му с европейските стандарти // Правна мисъл. С., 2000.

9. Кутафин О.Е. Российское гражданство. Москва, 2003.
10. Маматазизова Э.К. Гражданство Кыргызской Республики как основание правового статуса государственного госслужащего // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2010. № 2 (11). С. 4-8.
11. Тагиев Ф.С. Гражданство в странах СНГ. Санкт-Петербург, 2006.
12. Манеа Е. Европейское гражданство // Актуальные проблемы современной науки. 2008. № 2 (40). С. 106-107.
13. Керопян А.А. Гражданство Европейского Союза // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2009. № 1. С. 79-85.
14. Четвериков А.О. Гражданство Европейского Союза как правовая форма либерализации трансграничных общественных отношений между государствами-членами ЕС // Lex russica (Русский закон). 2010. Т. 69. № 4. С. 860-872.
15. Яковлев А.А. Использование термина гражданство в международном и внутригосударственном праве: сравнительный анализ // Международное публичное и частное право. 2002. № 3. С. 9-14.
16. Ванюшин Ян.Л. Гражданство и подданство: некоторые вопросы соотношения // Проблемы права. 2010. № 1 (21). С. 61-65.
17. Белов А.В. Двойное гражданство и проблема лояльности // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2002. № 2 (241). С. 157-161.
18. Решетнева Т.В. Некоторые дискуссионные вопросы определения понятия множественное гражданство // Бизнес в законе. 2007. № 4. С. 300-302.
19. Ежова М.Ю. Двойное гражданство и некоторые аспекты регулирования миграционных процессов // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). 2009. № 2. С. 106-110.
20. Югов А.А. Планетарное гражданство – новый правовой институт действующей Конституции России // Юридические науки. 2009. № 1. С. 39-42.
21. Shuck P. Citizenship In Federal System // Amer. J. Of Comparative Law. Berkley, 2000. Vol.48, № 2. Pp. 195-226.
22. Джафаров С.А. Национальная безопасность России (аспекты: гражданство, иностранцы, транснациональная незаконная миграция). Москва, 2007.
23. Hyndman j. Conflict, citizenship and human security // War, Citizenship, Territory / Ed. By Cowen D., Gillert E. – N.Y., 2008. – Pp. 241-257.
24. Авакьян С.А. Россия: гражданство, иностранцы, внешняя миграция. – СПб, 2003. – 643 с.
25. Сигарева Е.П. Миграция и гражданство: проблемы и последствия. Москва, 2006.
26. Васильева Т.А. Миграционная политика, гражданство и статус иностранцев в странах западной демократии (сравнительно-правовое исследование) :

автореферат дис. ... доктора юридических наук / Ин-т государства и права РАН. Москва, 2010.

27. Ванюшин Ян.Л. Конституционное право на гражданство и роль органов федеральной миграционной службы в его реализации : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Омский государственный университет. Омск, 2006.

28. Михайлова Е.В. Право на гражданство в Российской Федерации (конституционно-правовые аспекты) : автореферат дис. ... кандидата юридических наук / Моск. ун-т МВД РФ. Москва, 2008.

29. Чернолецкий В.Б. Практика реализации права на гражданство в странах Прибалтики // Московский журнал международного права. 2009. № 1 (73). С. 51-68.

30. Петухова Э.А. Актуальные проблемы усыновления иностранными гражданами детей, имеющих российское гражданство : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Моск. акад. экономики и права. Москва, 2004.

31. Герасимов О.В. Гражданство ребенка и его конвенционный статус // Проблемы права. 2010. № 2 (22). С. 61-64.

32. Чаннов С.Е. Гражданство как условие поступления на государственную и муниципальную службу // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2008. № 2. С. 37-39.

33. Зайцева О.Б. Гражданство как основание для субъектной дифференциации правового регулирования трудовых отношений // Трудовое право в России и за рубежом. 2010. № 1. С. 13-17.

34. Гражданство. Статус иностранных граждан и лиц без гражданства. Мигранты // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2003. № 4 (45). С. 221-223.

35. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М., 2008. 448 с.

36. Михайленко Н.В. Сравнительно-правовой анализ условий и порядка принятия в гражданство Российской Федерации и Федеративной Республики Германия // Миграционное право. 2020. № 2. С. 24-28.

37. Миронов М.А., Червинская А.В. Право на гражданство совершеннолетних лиц и детей в законодательстве стран СНГ, Балтии, ряда европейских государств и США // Современное общество и право. 2013. № 2 (11). С. 23-33.

38. Шаповалов Н.И. Гражданство Европейского Союза, социально-правовые проблемы его становления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2012. № 2. С. 125-135.

39. Захарова Е.К. Гражданство Европейского Союза в праве Европейского Союза // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2014. № 4. С. 19-26.
40. Гасанова А.М. Право на гражданство в системе конституционных прав человека и гражданина // Юридический факт. 2019. № 49. С. 44-46.
41. Курганова А.С. Гражданство как один из основополагающих элементов конституционно-правового статуса личности в Российской Федерации // Ученые записки. 2019. № 1 (29). С. 119-122.
42. Засухина Я.С. Гражданство РФ: подходы к понятию в науке и законодательстве // Вестник Иркутского университета. 2011. № 14. С. 353-355.
43. Абулкосим К. Исследование понятия гражданство и его развитие // Вестник Таджикского национального университета. 2013. Т. 2. № 3-7. С. 64-68.
44. Джантаев Х.М. Двойное (второе) гражданство: понятие, правовые аспекты, причины // Современные гуманитарные исследования. 2016. № 6 (73). С. 61-68.
45. Кузнецов И.А. Гражданство Российской Федерации: понятие, сущность и юридическая природа // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2017. № 2 (35). С. 66-73.
46. Шафранская А.М. Двойное гражданство как фактор иностранного влияния в политическом процессе // Выборы: теория и практика. 2020. № 2 (54). С. 32-37.
47. Дадаева М.С. Двойное гражданство и второе гражданство // Вопросы устойчивого развития общества. 2020. № 8. С. 229-232.
48. Воронина Н.А., Хазов Е.Н. Двойное гражданство и множественное гражданство проблемы и перспективы признания в России // Международный журнал конституционного и государственного права. 2020. № 3. С. 58-61.
49. Божок В.О. Проблемы урегулирования правового статуса иностранных граждан, желающих получить гражданство РФ // Образование и наука в России и за рубежом. 2020. № 7 (71). С. 64-69.
50. Бердникова К. Понятие, содержание и структурные элементы механизма реализации права на гражданство Российской Федерации // Право и жизнь. 2011. № 162. С. 70.
51. Мархгейм М.В. Гражданство Российского государства: интерпретационные традиции и конституционно-правовые новеллы // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 7 (134). С. 50-52.
52. Христова Х.А. Корпоративное гражданство как конкурентное преимущество // Научные вести. 2020. № 3 (20). С. 177-187.
53. Пешин Н.Л. Спортивное гражданство: содержание понятия и его соотношение с гражданством государства // Вестник Российского Международного Олимпийского Университета. 2015. № 1 (14). С. 28-37.

54. Маленков В.В. Активное гражданство: концепт и его эмпирические проекции (по результатам исследования тюменской молодежи) // Социологические исследования. 2021. № 3. С. 131-136.

55. Бронников И.А., Карпова В.В. Цифровое гражданство в Российской Федерации: политические риски и перспективы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 3. С. 123-133.

Беляева Галина Серафимовна

заведующая кафедрой административного права и процесса
юридического института НИУ «БелГУ»

доктор юридических наук, профессор

Дегтярева Елена Владимировна, магистрант

(Белгород, Россия)

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СТРУКТУРЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ

Аннотация. В данной статье рассмотрены сущностные характеристики правосознания, проанализирована его структура с точки зрения гносеологического и социологического подхода, охарактеризованы соответствующие структурные элементы; сделаны выводы о роли правосознания в формировании личности.

Ключевые слова: правосознание, понятие, сущность, структура, правовая идеология, правовая психология.

Правосознание выступает одной из форм общественного и индивидуального сознания, с помощью которой люди осознают окружающий мир. При этом правовые явления (нормы права, нормативно-правовые акты, индивидуальные правовые акты и т.д.) воспринимаются как теоретические и практические проекции общечеловеческой культуры, духовной жизни общества.

Правосознание – это форма общественного сознания, совокупность представлений (идей, теорий, чувств и т.д.), выражающих отношение людей и социальных общностей к действующему (действовавшему в прошлом) или желаемому праву, для которой характерны следующие атрибутивные признаки: правосознание является формой общественного сознания, активно взаимодействующим с другими формами сознания; включает в себя правовые чувства, эмоции, взгляды, переживания, традиции, выражающие оценочное

психологическое отношение людей и социальных общностей к правовым явлениям и процессам; объектом отражения правосознания выступает правовая действительность; является не только отражением правовой действительности, но и средством воздействия на нее, так как включает в себя мысли, идеи, теории о желаемых изменениях в праве; правосознание имеет субъективный характер, оно отражает представления индивидов и социальных общностей о праве и правовых явлениях и не может существовать без своего конкретного носителя (субъекта); правосознание ориентирует субъектов права на выбор того или иного юридически значимого поведения.

Полагаем обоснованным мнение, что «феномен правосознания представляется достаточно сложным объектом научного исследования и этим объясняется многоаспектность его проблематики. Нельзя утверждать, что все аспекты правосознания в достаточной мере исследованы и обоснованы представителями разноотраслевых наук, включая юридическую. Необходимость обновления учения о правосознании особенно остро ощущается в условиях глобализации, оценок ее несостоявшейся авторитетности, приведшей к современным глобальным вызовам человечеству» [1, с. 25].

Структура правосознания может быть рассмотрена с точки зрения гносеологического и социологического подходов. Гносеологический подход позволяет условно определить структуру правосознания как совокупность двух компонентов – правовой психологии и правовой идеологии.

Правовая психология воплощает стихийное, несистематизированное и нерационализированное восприятие права и правовой действительности в целом; выражена эмоциями, чувствами, переживаниями, привычками, стереотипами индивидуального и коллективного характера. Это радость (или огорчение) в связи с принятием нового закона, отменой старого, чувство удовлетворения (или недовольства) состоянием борьбы с преступностью, противодействия коррупции, нетерпимое (или равнодушное) отношение к возможным ограничениям прав и свобод граждан в связи с эпидемиями, чрезвычайными ситуациями и т.д. Правовая психология есть непосредственное отражение обычаев, традиций, культуры наций, народов и т.д. На индивидуальном уровне правовая психология представлена самооценкой личности, ее умением критически оценивать свое поведение с точки зрения его правомерности и противоправности.

Несмотря на стихийный и во многом несистематизированный характер правовой психологии ее нельзя недооценивать, ибо она выступает наиболее распространенной формой осознания права, присуща всем субъектам – индивидуальным и коллективными, независимо от возраста, уровня образования, социального положения и т.п. Именно на уровне правовой

психологии воплощаются такие сущностные принципы права, как справедливость, гуманизм, равенство субъектов и другие. По словам Н.В. Витрука «Правовые принципы изначально являются феноменом правосознания. И лишь с закреплением основополагающих, руководящих идей в конституциях и законах они приобретают юридическую силу и выступают в качестве общего регулятора поведения людей» [2, с. 87-88]. Более того, недооценка законодателем чувств граждан и их объединений по отношению к тому или иному закону, невосприятие субъектами ограничений и запретов как реально необходимых, а дозволений как социально оправданных, может привести к значительным трудностям в реализации норм права и их многочисленным нарушениям.

Правовая идеология, как совокупность юридических идей, теорий, знаний, отражающих в концептуальном виде представления индивидуальных и коллективных субъектов о действующем праве и явлениях правовой реальности, составляет второй компонент структуры правосознания. В отличие от правовой психологии, в основе которой лежат эмоциональные переживания людей, правовая идеология отличается научным (философским) осмыслением права как общесоциального феномена. И, несмотря на то что изначально теории (доктрины, концепции и т.д.) формулируются отдельными учеными, философами, политическими деятелями (или их коллективами), впоследствии они становятся общественным достоянием, и в этом виде правовая идеология представляет собой систематизированные потребности и интересы уже социальных групп, наций, государств и мирового сообщества в целом.

Правовая идеология по степени познания права значительно превосходит правовую психологию, она стремится к выявлению правовой природы, сущности, социального назначения, представлению права с точки зрения законченной теории, концепции. В качестве примера правовой идеологии выступают основные концепции правопонимания – теологическая, естественно-правовая, марксистская, нормативистская, историческая, психологическая, социологическая.

С точки зрения социологического подхода в структуре правосознания выделяются следующие уровни: рациональный (взгляды, представления, идеи о праве), психологический (чувства, эмоции, вызываемые правом и выражающие определенное отношение к действующему или желаемому праву); поведенческий (установка на определенное поведение в правовой сфере – правомерное или противоправное).

Принципиальным фактором, определяющим место личности в обществе, является ее отношение к праву, социально-правовой действительности. Каждый гражданин должен знать законы своего государства, свои права и обязанности,

в противном случае он часто не может противостоять произволу, вольно или невольно поощряет вседозволенность. Напротив, зная, что «можно», «должно» и чего «нельзя», он будет активно отстаивать свои права и свободы, требовать их действительного соблюдения, ограждения от нарушений контрагентами.

Процесс формирования личности: приобщение людей к знаниям о государстве и праве, законности, правах и свободах личности, выработка у граждан устойчивой ориентации на законопослушное поведение, – содержательные аспекты правового воспитания личности. От этой сложной и многоаспектной деятельности не может и не должно отстраняться ни одно государство, ни институты гражданского общества, тем более что правовое воспитание является важным звеном в работе правоохранительных органов по профилактике правонарушений и преступлений.

Как итог, достигнутый высокий уровень правосознания и правовой культуры граждан – показатель степени зрелости правовой системы государства, отражения достигнутого уровня прогрессивно-правового развития.

Литература

1. Бутько Л.В., Мархгейм М.В. Конституционные преобразования и правосознание. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2021. 182 с.
2. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. – М. : Норма, 2008. 448 с.

Гончарова Лариса Николаевна

доцент кафедры трудового и предпринимательского права
юридического института НИУ «БелГУ»
доктор экономических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ЗНАЧЕНИЕ КОДИФИЦИРОВАННЫХ НОРМАТИВНЫХ АКТОВ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. В данной статье проводится анализ влияния кодификационного процесса на формирование отечественной системы законодательства. В этих целях проводится выявляется соотношение системы права и систем законодательства, по результатам чего делается вывод о повышенном значении кодифицированных актов в процессе формирования комплексных отраслей законодательства.

Ключевые слова: система права, система законодательства, кодификация, комплексная отрасль права.

Кодифицированные нормативные акты, будучи объединениями правовых норм на основе единых системообразующих начал, играют важную роль в процессе формирования системы права и системы законодательства. При этом имеет место и обратное действие, когда сформированные представления о системе права выступают теоретической основой для осуществления кодификационной деятельности. Более того, без понимания принципов построения системы права, а также системы законодательства, затруднительно осуществление не только кодификации, но также и систематизации законодательства в целом. В этой связи полагаем значимым привести слова Н.В. Витрука, что «Правовые принципы в своей индивидуальности имеют только им свойственное содержание, назначение, определенную сферу действия и конкретный круг субъектов, которым он адресован, специфические формы реализации» [1, с. 184]

Рассматривая кодификацию как одну из форм систематизации законодательства, очевидно то, что кодификация, в первую очередь, оказывает воздействие на формирование системы законодательства. Кодифицированные акты занимают центральное место в соответствующей отрасли законодательства. «Они возглавляют иерархию актов данной отрасли, устанавливая те отправные положения, из которых должен исходить законодатель во всей последующей правотворческой деятельности» [2]. По выражению С.С. Алексеева «кодифицированные акты образуют ядро той или иной области законодательства» [3, с. 233].

Вполне признавая справедливость указанной характеристики, можно добавить, что выполнение данной функции обеспечивается ими за счет определения общих начал регулирования, формирования единой понятийно-терминологической системой, а также фиксации общих норм достаточно высокого уровня обобщений.

Кодификация имеет значение при упорядочении не только законодательства, она оказывает системообразующее воздействие и на само право в целом. Последнее имеет свою иерархическую систему расположения отдельных его структурных подразделений. Системность выступает в качестве одного из свойств права, неотъемлемого качества, предполагающего выстраивание отдельных его элементов (отраслей, подотраслей, правовых институтов) в определенном порядке.

Системность права естественным образом отражается на его источниках как внешних формах отражения. В этом отношении вполне можно согласиться с тем, что системность права, а также системность законодательства, его целостность и непротиворечивость являются результатом эффективного и

продуктивного правотворческого процесса. Упорядочение нормативного материала – это следствие законодательной деятельности, подчиненной определенным правилам [4].

Система законодательства основывается на системе права и является внешней формой его выражения. Вследствие этого, при формировании системы законодательства законодатель, прежде всего, опирается на систему права. Последняя имеет объективные предпосылки для своего формирования. Система законодательства в своих основных элементах является ее отражением, однако, иногда законодатель основывается на иных факторах субъективного характера, которые приводят к образованию межотраслевых (комплексных) образований.

При совпадении отрасли законодательства с соответствующей отраслью права кодифицированный акт, «возглавляющий» данную законодательную сферу, содержит основной нормативный массив, что не исключает наличие норм данной правовой отрасли в иных нормативных актах. В редких случаях кодифицированный акт является единственным источником правового регулирования определенной сферы общественных отношений (например, уголовное законодательство в силу ч. 1 ст. 1 Уголовного кодекса РФ состоит только из нормативных положений данного кодифицированного акта). В такой ситуации отрасль законодательства полностью совпадает с отраслью права.

Во многих случаях отрасль законодательства формируется и существует при отсутствии соответствующей отрасли права. Она полностью состоит из норм, которые распределены между базовыми правовыми отраслями. В этих случаях можно говорить о существовании комплексной отрасли законодательства.

Таким образом в системе законодательства можно выделить две ее составляющие, а именно, отраслевую (основную) и комплексную части.

Определяя границы комплексной отрасли законодательства, необходимо учитывать различия в принципах построения как системы права, так и законодательства. Касательно последнего также следует принимать во внимание механизм формирования его комплексных образований. Основная часть системы законодательства в полной мере соответствует соответствующим элементам системы права. Комплексная часть осуществляется путем группировки нормативного материала, регулирующего различные виды общественной деятельности.

Идея о существовании отрасли законодательства без наличия в ее основе соответствующей отрасли права появилась и утвердилась еще в середине XX века. В качестве объединяющей основы применительно к отрасли законодательства может выступить отдельная сфера социальной действительности. В настоящее время это находит отражение не только в

области правовой доктрины, но и в нормативных актах. Так, еще в 1993 году был принят «Общероссийский классификатор отраслей законодательства», который в последующем был сменен на «Классификатор правовых актов», утвержденный Указом Президента от 15.03.2000 №511. Можно обратить внимание на то, что в нем отсутствует сам термин – «отрасль законодательства», однако его назначение осталось прежним. Кроме того, указание на отрасли законодательства имеется и на конституционном уровне. Так, ст. ст. 71 и 72 Конституции РФ определяют виды законодательства, относящиеся к исключительному федеральному ведению, а также к совместному ведению РФ и ее субъектов.

В правовой науке последнего времени зачастую отмечается увеличение количества кодифицированных нормативных актов комплексного характера. Наличие кодифицированного акта в рамках определенной отрасли законодательства свидетельствует о достижении определенного уровня целостности правового регулирования определенной сферы общественных отношений. Это показатель «зрелости» законодательной отрасли. В этой связи вполне справедливым видится утверждение о том, что кодификация является «эффективным способом системного развития содержания права» [5, с. 13].

Более того, в научной литературе высказывается мнение о том, что каждая отрасль законодательства должна иметь кодификационный акт, который будет выступать ее систематизирующим ядром. А.Н. Чапин называет данное правило «панкодификационность законодательства» [6, с. 181]. П.Ю. Гордиенко поддержала данное предложение, отметив, что наличие отдельного кодификационного акта, наряду с самостоятельными предметом и методом, является одним из критериев деления права и законодательства на отрасли [7, с. 202].

Наличие кодекса, действительно, зачастую рассматривают как атрибут наличия самостоятельной отрасли права или, как минимум, отрасли законодательства. Обычно наличие кодифицированного акта рассматривают как факультативный критерий такой самостоятельности. Это не случайно. Еще на ранних этапах формирования системы советского права М. Аржанов писал, что «в целом ряде отраслей права кодексы являются ядром, центром, вокруг которого группируется весь соответствующий нормативный материал» [8].

С.С. Алексеев также говорил о том, что наличие кодифицированного акта является одним из значимых обстоятельств, свидетельствующих о формировании отрасли права или отрасли законодательства. Вместе с тем, было отмечено, что данный факт не следует и преувеличивать, поскольку главным системообразующим фактором является предмет правового регулирования [9, с. 225].

Соглашаясь в целом с указанной трактовкой роли кодифицированного акта, можно лишь уточнить, что кодификация осуществляется в отношении законодательства. В научной литературе справедливо подчеркивается данное обстоятельство. В частности, по мнению Т.А. Щелокаевой «кодификация нормативных актов должна осуществляться по сферам правового регулирования, объектом кодификации становится отрасль законодательства. В рамках одной отрасли законодательства не может быть более одного кодифицированного акта» [10, с. 106].

Ю.К. Толстой также считает, что кодификация должна осуществляться только в отношении отраслей законодательства, но не права. Данный вывод делается на основании тезиса о том, что нормативный акт не может быть «стерильным», то есть состоять только из норм одной правовой отрасли. Даже Гражданский кодекс РФ, являющийся результатом кодификации гражданского законодательства, включает в себя нормы как гражданского права, так и иных, в том числе, публичных правовых отраслей. Прилагательное – «Гражданский», используемое в названии данного кодекса «с полным основанием может быть сохранено, поскольку превалировать в этом законодательном акте должны нормы частного, т.е. гражданского, права» [11, с. 48].

Признавая важность кодифицированного акта как центрального элемента в отдельной отрасли законодательства, возникает вопрос о возможности кодификации комплексного образования в законодательной системе. Полагаем, что это, безусловно, возможно. Вместе с тем, по нашему мнению, имеется некоторая специфика в осуществлении комплексной кодификации по сравнению с отраслевой.

В зависимости от деления отраслей законодательства на основные (базовые) и комплексные, кодифицированные акты, формирующие нормативную основу данных отраслей, также могут быть разграничены на эти же виды. Кодификацию основных (базовых) отраслей, как правило, называют отраслевой, при этом имея ввиду отрасли законодательства, соответствующие аналогичным отраслям права [12]. Комплексная кодификация осуществляется только применительно к отраслям законодательства, имеющих межотраслевой характер и регулирующих отношения в отдельных сферах хозяйственной и социально-культурной деятельности.

Литература:

1. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности : Монография. – М. : РАП, 2008. 324 с.
2. Рахманина Т.Н. Кодификационный акт в системе нормативных актов советского государства // Проблемы совершенствования советского

- законодательства: Труды. Вып. 13. М.: Изд-во ВНИИСЗ, 1978. С. 16-26.
3. Алексеев С.С. Общая теория права : В 2-х т. Т. 2. М.: Юридическая литература, 1981. 360 с.
 4. Мазуренко А.П. Формирование целостной и непротиворечивой системы права как цель российской правотворческой политики // Система права в Российской Федерации: проблемы теории и практики: Сборник научных статей. Материалы V ежегодной международной научной конференции, 19-22 апреля 2010 г. / Отв. ред. В.М. Сырых, С.А. Рубаник. М.: РАП, 2011. С. 151-162.
 5. Пиголкин А.С., Казьмин И.Ф. Вопросы кодификации советского законодательства на современном этапе // Правоведение. 1981. №2. С. 13-20.
 6. Чашин А.Н. Теория юридической систематизации. М.: Дело и Сервис, 2010. 208 с.
 7. Гордиенко П.Ю. Теоретические основы техники систематизации права: специфика технико-юридического инструментария: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2015. 288 с.
 8. Аржанов М.О принципах построения системы советского социалистического права // Советское государство и право. 1939. № 3. С. 26-35.
 9. Алексеев С.С. Структура советского права. М.: Юридическая литература, 1975. 264 с.
 10. Щелокаева Т.А. Сколько кодексов нужно России? // Известия вузов. Правоведение. 2009. № 4. С. 102-108.
 11. Толстой Ю.К. Проблемы совершенствования гражданского законодательства и пути их решения // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 5. С. 44-50.
 12. Желдыбина Т.А. Вопросы законодательной техники в процессе кодификации права // Российская юстиция. 2016. № 4. С. 6-9.

Макогон Борис Валерьевич

профессор кафедры административного права и процесса
юридического института НИУ «БелГУ»
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ГУМАНИЗАЦИЯ В ПРОЦЕССЕ ПРАВОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В работе на основе анализа широкого круга источников представлена авторская позиция по проблематике качественно-оценочных характеристик тенденций гуманизации национального права Российской Федерации в юридическом процессе глобализации.

Ключевые слова: глобализация, правовая глобализация, глобализация права.

Российское право, остро реагируя на глобализацию [1; 2; 3], проявляет как тенденции, свойственные современному праву в целом [4; 5; 6], так и следствия, обнаруживающие диалектику единства и борьбы противоположностей на фоне актуального и знакового кризиса революций, о котором мы считаем уместным говорить в виду перманентного вирусного провозглашения «переходных периодов».

В рамках проблематики изменения отечественного законодательства как на конститутивном, так и на следующих уровнях, видятся фундаментальными, прямо или же опосредованно затрагивающими всю систему законодательства и даже восприятие права в целом. К примеру, это относится и к стратегической государственно-правовой политике, выразившейся, в частности, в Постановлении Конституционного Суда от 14 июля 2015 года № 21-П и Федеральном конституционном законе от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации», которым устанавливается полномочие Конституционного Суда Российской Федерации разрешать вопрос о возможности исполнения (хотя, мы бы, скорее, использовали более широкий термин «реализации») решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека с точки зрения принципов верховенства и высшей юридической силы Конституции Российской Федерации, а также порядок рассмотрения Конституционным Судом данного вопроса.

Общественный запрос формирует право; законодательство определяет роли социума.

Логично, соотношением количества/качества преобразований, их обоснованностью и праксиологией обусловлены социокультурный прогресс, блага в их восприятии, политический статус суверенного субъекта как таковой и его развернутая сущность. Живая система социальных связей реактивна и воспринимает достижения даже инородных культур, что предполагает некоторое, если не единение, то сближение в признании общих точек на пересечении доктрин и практик.

Одной из магистралей, с некоторой долей допущений относимой нами к социально-гуманитарному компоненту, выделим гуманизацию национального права, нашедшую выражение в российском законодательстве, практически во всех его отраслях, в наличествующем виде – как тенденцию, следствие реформирования, основанного на известных ориентирах, и как нивелир противоречий. Принципы широко трактуемого гуманизма, личностного

достоинства [7], рационально составляющие источник демократии в конституционном, уголовном, уголовно-исполнительном, административном, в отраслях процессуального законодательства, административном [8] и юридическом процессах в целом, в «процессуальных формах» [9] – своими интерпретациями формируют эталонные позиции оценивания и точки отсчета в государственно-правовой действительности.

Отклик объективного процессуального права масштабен. Нормотворец развивает систему форм и способов защиты прав человека в целом [10], обжалования решений и деяний представителей публичной власти; определены место, роль и статус присяжных и арбитражных заседателей; четко разграничены функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела; нарабатывается практика диалога с гражданами в реализации нормы, закрепившей императив о том, что суд не является органом преследования с соответствующими легальными выводами.

Вместе с тем, все же, нарушения нормального функционирования юридического процесса (читай – коррупция юридического процесса) – не редкость. Практика свидетельствует, что субъекты публичной власти, будучи обремененными специальным статусом, периодически допускают нарушения в отношении прав человека и гражданина, юридических лиц, в самых различных формах преступая в общепринятом понимании пределы возложенных на них полномочий.

Соответственно, можно сделать вывод, что процессуальные правовые нормы, составляющие современные отрасли, совокупно не решают все задачи юридического процессуального регулирования [11], а, следовательно, реализация законности затрудняется, социально-гуманистические начала права растворяются в «рисковых» категориях [12; 13].

И хотя современным государствам свойственна тенденция процессуализации законодательства, выражающая стремление на формально-юридическом уровне ограничить деятельность властных (публичных) субъектов [14; 15], о наличии именно строго выстроенной системы процессуальных правовых ограничений [16; 17], укрепленной юридической (правовой) ответственностью [18], говорить, к сожалению, не приходится, даже учитывая, что мы разделяем превалирующую в отечественной теоретико-правовой доктрине позицию, с которой правовой идеализм рассматривается в качестве деформации правового сознания.

В то же время, государственная власть без такой системы становится самодовлеющей – полностью независимой, своего рода объектом в себе.

Обладающая такими характеристиками, она представляется тотально разрушительной: она последовательно превращает общество в свой

инструмент, можно сказать, срачивается с ним на заведомо неравных условиях, государство перестает быть созидующим [19]. Соответственно, исчезает население как сторона «общественного договора», пропадает обязательный признак государства и, следовательно, само государство. Такой сценарий видится крайне неблагоприятным.

Рассматривая важные в государственно-правовой доктрине особенности отечественного права, С.С. Алексеев подчеркивает, что значимым его свойством выступает «противостояние в нем (в содержании, действии, применении) элементов гуманистической направленности, демократизма с качествами, свойственными, скорее, философии права советского периода, такими, как приоритет государственных интересов (автор даже использует термин «государственное всевластие»), ориентация на силовой характер проведения государственной политики [20]. Таким образом, полагаем, справедливо раскрывается менталитет настолько большей части граждан, что по ней можно судить о населении в целом, все еще воспринимающим прошлые государственно-правовые стандарты, идеи и принципы эталонными.

Действительно, в современной России мы усматриваем выраженную мимирию административно-командного гена, формализм с неустойчивыми формами, в целом коррупцию телеологических установок в стратегиях, программах и тактиках – все это выходит за рамки категории рисков и видится, вероятно, лавинообразным кризисом.

Литература:

1. Макогон Б.В. Глобализация и переходный период государственно-правового развития России // Евразийский юридический журнал. 2012. №. 4. С. 150-151.
2. Макогон Б.В. К вопросу о сущности глобализации // Закон и право. 2012. №. 6. С. 29-32.
3. Макогон Б.В. Глобализационно-правовая зависимость в контексте развития современной России // Евразийский юридический журнал. 2012. № 5. С. 141-143.
4. Макогон Б.В. Тенденции развития национального законодательства в условиях глобализации // Бизнес в законе. 2012. № 2. С. 32-35.
5. Макогон Б.В. Особенности трансформации национального законодательства в условиях глобализации // Закон и право. 2012. №. 5. С. 15-18.
6. Макогон Б.В. Общая характеристика процессов глобализации в правовой сфере // История государства и права. 2007. № 3. С. 2-4.
7. Butko L.V., Markhgeym M.V., Novikova A.E., Pozharova L.A., Tonkov E.E. Personal Dignity in the European Legal Culture // Journal of History Culture and Art Research. 2017. Т. 6. №. 4. С. 296-303.

8. Makogon B.V., Nikulin M.I., Samsonov V.N., Sorokoletova M.A., Tovstukha O.O. Objectives and Principles of Administrative Proceedings: Doctrinal Ideas and Legislative Wordings of the Eastern European Countries // *Journal of Politics and Law*. 2017. Т. 10. № 4. С. 221-224.
9. Makogon B.V., Markhgeim M.V., Minasyan A.A., Nintsieva T.M., Novikova A.E. Legal form of action: the issues of content and methodology // *Revista Inclusiones*. 2019. Т. 6. № S2-5. С. 402-409.
10. Мархгейм М.В., Новикова А.Е. Формы и способы деятельности уполномоченного по правам человека в субъектах Российской Федерации // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2009. № 5. С. 38-42.
11. Макогон Б.В. Процессуально-ограничительное регулирование публичных правоотношений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Белгород, 2019.
12. Новикова А.Е., Анисимов А.П. Экологические правозащитные риски: проблемы теории и практики // *Адвокатская практика*. 2008. № 4. С. 5-7.
13. Новикова А.Е. Риск как объект конституционно-правовой науки. Монография. М.: Издательский дом "Юр-ВАК", 2019. 98 с.
14. Макогон Б.В. Механизм процессуального регулирования общественных отношений. Монография. Москва: Издательский дом «Юр-ВАК», 2015. 152 с.
15. Макогон Б.В. Процессуально-правовые ограничения как атрибут деятельности властных субъектов. Монография. Москва: Издательский дом «Юр-ВАК», 2013. 210 с.
16. Макогон Б.В. Понятие и процессуальные виды правовых ограничений // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. 2013. № 8 (39). С. 40-46.
17. Makogon B.V., Markhgeym M.V., Minasyan A.A., Novikova A.E., Yarychev N.U. Logical classification of legal procedural restrictions // *Revista Inclusiones*. 2019. Т. 6. № S2-5. С. 395-401.
18. Макогон Б.В. Синтез понятия юридической ответственности в среде процессуально-ограничительного регулирования публичных правоотношений // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. 2016. № 11 (78). С. 61-64.
19. Борисов Г.А. и др. Государство созидающее: юридическая модель и современные риски [Борисов Г.А., Комаров И.М., Кучин О.С., Мархгейм М.В., Нифанов А.Н., Новикова А.Е., Носков В.А., Тонков Е.Е.]; под общ. ред. О.Н. Полухина. Москва, 2016. 416 с.
20. Алексеев С.С. Философия права. М.: Норма, 1999. 329 с.

Новикова Алевтина Евгеньевна,
доцент кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ИНДИКАТОРЫ ПРАВООЩИТНЫХ РИСКОВ

Аннотация. В данной работе, терминологически наполняя конституционную теорию правозащитных рисков, дефинированы, определены в видовом аспекте и охарактеризованы индикаторы правозащитных рисков.

Ключевые слова: правозащитный риск, индикатор, правозащитное законодательство.

Ввиду многообразия правозащитных рисков, а также связанных с ними вызовов и угроз, полагаем, в целях их диагностики целесообразно ввести категорию «индикатор правозащитного риска».

Уточним, что на уровне правового акта Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза (подписан в г. Москве 11.04.2017 г.)) определил индикатор риска в качестве признака или совокупности признаков, позволяющих выбрать объект таможенного контроля.

Следуя смысловой нагрузке приведенного определения с учетом специфики конституционной теории правозащитных рисков, а также доктринальных разработок [1, с. 38-40], индикаторы правозащитных рисков понимаем в качестве атрибутов их минимизации. Они представляют собой совокупность определенных ориентирующих показателей, предназначенных для диагностики состояния правозащитного пространства.

Обосновано, что для исходной диагностики состояния правозащитного пространства целесообразно применять следующие индикаторы правозащитных рисков:

– наличие/отсутствие аксиологических акцентов в пользу человека, его прав и свобод. Здесь лаконично отметим ст. 2 Конституции Российской Федерации, определившую вектор построения человекоориентированного государства. Соответствие установленных российской Конституцией гуманитарных и правозащитных норм общепризнанным международным стандартам, было подтверждено экспертными заключениями Комиссии Совета Европы «За демократию через право» (Венецианской комиссии) [2, с. 98];

– наличие/отсутствие правозащитного законодательства и ресурсов его реализации. На наш взгляд, правозащитное законодательство, включающее в базовой части универсальные положения и частности специальных статусов, сформировано в России (следовательно, положительно соответствует индикаторам диагностики правозащитных исков).

В данной связи мы опираемся на мнение М.В. Мархгейм о том, что «конституционное регулирование правозащитной деятельности публичных структур в России предопределило процесс принятия соответствующего конституционного и текущего законодательства в целях совершенствования его норм, касающихся проблем защиты прав и свобод человека. В Конституции РФ нашли закрепление как общие принципы регулирования защиты прав и свобод человека, так и предписавшие принятие конкретных федеральных законов» [3, с. 57].

Уточним, что под правозащитным законодательством понимаем не только нормативные правовые акты, в наименовании или тексте которых встречается термин «защита». К подобного рода документам относим все те, что предусматривают нормы материального и процессуального права, имеющие отношение к различным аспектам защиты прав и свобод личности, в том числе, посредством сопряженных категорий, а также специальных способов, средств, инструментов и механизмов;

– наличие/отсутствие типичных и специализированных правозащитных структур. Отметим, что типичный ракурс мы связываем с конституционными нормами (ч. 1 ст. 45), опосредующими государственную защиту прав и свобод человека и гражданина (государство как учреждение в целом, все органы публичной власти и их должностные лица, в том числе глава государства, Федеральное Собрание Российской Федерации и Правительство Российской Федерации, органы правоприменения, субъекты Российской Федерации и их органы государственной власти, органы местного самоуправления и т.д.), включая судебный компонент (ч. 1 ст. 46), а также с разграничением полномочий органов государственной власти, определением пределов их усмотрения и ограничением их в смысле вторжения в сферу основных прав с предусмотренными механизмами реализации и гарантирования от злоупотребления правом и т.д. [4; 5, с. 27].

Подчеркнем, что сформированные на конституционно-законодательном уровне элементы федеральной государственной системы защиты прав и свобод личности на доктринальном уровне также не вызывают сомнений в вариативном аспекте [6, с. 3682-3685].

Безусловно, особое место в данной системе принадлежит Президенту Российской Федерации, являющемуся конституционным гарантом прав и свобод

человека и гражданина (ч. 2 ст. 80). Данную статусную грань Президент РФ реализует посредством конституционно предусмотренных полномочий: законодательной инициативы по наиболее важным вопросам защиты прав и свобод личности (п. «г» ст. 84); приостановления действия актов органов исполнительной власти, в частности, нарушающих права и свободы (ч. 2 ст. 85); решения вопросов гражданства Российской Федерации и предоставления политического убежища (п. «а» ст. 89); осуществления помилования (п. «в» ст. 89); правотворческой деятельности в форме издания указов (ст. 90) и др.

Федеральному Собранию Российской Федерации отведена особая роль в реализации обязанности-признания прав и свобод личности посредством правотворческой деятельности. Также в минимизирующем правозащитные риски ключе следует отметить принятие актов амнистии Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации (ст. 103 Конституции РФ).

В более глобальном аспекте Федеральное Собрание Российской Федерации – основной актор формирования правозащитного законодательства, нормы которого адресованы, в частности лицам со специальными статусами.

В числе элементов федеральной государственной системы защиты прав и свобод личности однозначно состоит Правительство РФ. О таком его статусном проявлении свидетельствуют, к примеру, следующие законодательные установления, отраженные в Федеральном конституционном законе РФ от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации»:

– Правительство Российской Федерации в своей деятельности руководствуется принципом обеспечения прав и свобод человека и гражданина (ст. 3);

– постановления Правительства Российской Федерации, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, вступают в силу не ранее дня их официального опубликования (ст. 23);

– Правительство Российской Федерации вносит предложения Президенту Российской Федерации о приостановлении действия актов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в случае нарушения прав и свобод человека и гражданина (ст. 44).

В качестве особенного элемента государственной защиты прав и свобод личности выступают суды (федеральные суды, конституционные (уставные) суды и мировые судьи субъектов Российской Федерации, составляющие судебную систему Российской Федерации) (Федеральный конституционный закон РФ от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»), реализующие судебную защиту. Именно в силу того, что судебная защита осуществляется самостоятельным и независимым в системе государственной власти органом правосудия, специально предназначенным для

обеспечения своей деятельностью прав и свобод человека и гражданина, она занимает особое место среди средств государственной защиты [7, с. 18-21].

Полагаем, в смысле специализации бесспорна институционализация сложившейся и развивающейся в России омбудсменовской сети [8], родоначальником которой выступила учрежденная Конституцией должность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (п. «е» ч. 1 ст. 103).

В пользу популярности у населения и эффективности правозащитной деятельности свидетельствует специализация омбудсменовской службы в Российской Федерации. Она связана как с отдельными категориями населения (детьми), так и отдельными правами (экономическими);

– наличие/отсутствие правозащитного взаимодействия. Исходя из положения п. 1 ст. 31 Федерального конституционного закона от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации», считаем, что одним из принципов деятельности Уполномоченного является принцип взаимодействия. Полномочия, предоставленные Уполномоченному по правам человека, предполагают обязательное взаимодействие с судом, прокуратурой и другими государственными органами, обеспечивающими права и свободы человека и гражданина. Без конструктивного взаимодействия с ними деятельность рассматриваемого института неэффективна. Следовательно, искомое взаимодействие с другими органами, обеспечивающими права и свободы человека и гражданина, является одним из самых важных принципов рационального функционирования Уполномоченного по правам человека [9, с. 48-52].

Отметим, что на доктринальном уровне М.В. Мархгейм, основываясь на традиционном понимании системы как упорядоченной, обладающей целостностью совокупности взаимодействующих элементов, обосновано взаимодействие в статусе принципа. Уточнено также, что конституционный принцип взаимодействия может не только напрямую закрепляться и формулироваться, но и выводиться из смысла конституционного текста. Более того, применительно к конкретным органам власти само взаимодействие предполагает опору на определенные принципы, которые не должны нарушаться субъектами такого рода публичных взаимоотношений [10, с. 54-56]. Разработанные теоретические положения [11, с. 2367-2370] расцениваем в качестве базовых для наших праксиологических законодательных уточнений.

Полагаем, квинтэссенцией теоретико-правовых рассуждений о принципах деятельности Уполномоченного по правам человека является следующий минимальный каталог: законность, независимость, справедливость, доступность, гласность, оперативность, взаимодействие.

– наличие/отсутствие адресных правозащитных средств. Полагаем, что российское законодательство в данном ключе с учетом актуальных запросов [12, с. 163-169; 13, с. 296-303] также сформировало и отразило адресные правозащитные средства. Так, исходя из наименования российских законов, защита адресована детям от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию (Федеральный закон РФ от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»); работникам организаций угольной промышленности (Федеральный закон РФ от 20 июня 1996 г. № 81-ФЗ «О государственном регулировании в области добычи и использования угля, об особенностях социальной защиты работников организаций угольной промышленности»); гражданам, занятым на работах с химическим оружием (Федеральный закон РФ от 07 ноября 2000 г. № 136-ФЗ «О социальной защите граждан, занятых на работах с химическим оружием»); отдельным категориям граждан, проживающих на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя (Федеральный закон РФ от 22 декабря 2014 г. № 421-ФЗ «Об особенностях правового регулирования отношений, связанных с предоставлением мер социальной защиты (поддержки), а также выплат по обязательному социальному страхованию отдельным категориям граждан, проживающих на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя»); гражданам, подвергшимся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС (Закон РФ от 15 мая 1991 г. № 1244-1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС»); гражданам – участникам долевого строительства при несостоятельности (банкротстве) застройщиков (Федеральный закон РФ от 29 июля 2017 г. № 218-ФЗ «О публично-правовой компании по защите прав граждан – участников долевого строительства при несостоятельности (банкротстве) застройщиков и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»); инвалидам (Федеральный закон РФ от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»); потерпевшим, свидетелям и иным участникам уголовного судопроизводства (Федеральный закон РФ от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства») и др.;

– наличие/отсутствие правозащитных процедур и возможностей их применения мы связываем в первую очередь с содержанием ст.ст. 45 и 46 Конституции России, а также реализацией предусмотренных на законодательном уровне правозащитных процедур омбудсменовской службой.

В индикативном анализе правозащитного пространства могут быть информативными антропологические, государственно-режимные [14, с. 722-728; 15, с. 402-409], юридико-технические, информационно-цифровые и др. аспекты.

Литература:

1. Мархгейм М.В., Новикова А.Е. Правозащитные приоритеты в воззрениях отечественных представителей либеральной и консервативной научных школ // История государства и права. 2008. № 6. С. 38-40.
2. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М.: НОРМА, 2008. 447 с.
3. Мархгейм М.В. Правозащитная деятельность публичных структур в российской федерации. Монография. Ростов н/Д: Ростиздат, 2006. 198 с.
4. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / под ред. В.Д. Зорькина. М.: Норма, Инфра-М, 2011. 1008 с.
5. Мархгейм М.В. Конституционная система защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: Дис. ... докт. юрид. наук. Москва, 2005. 385 с.
6. Losilkina L.O., Novikova A.E., Shadzhe, A.M., Tkhabisimova L.A., Zajcev V. A. Formalization of guarantees of human and civil rights and freedoms in the constitutions of the Commonwealth of Independent States // HELIX. 2018. Т. 8. № 5. С. 3682-3685.
7. Дзыбова С.Г., Парасюк Е.А. К вопросу о содержании института судебной защиты прав и свобод человека и гражданина в правовом государстве // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 10. С. 18-21.
8. Новикова А.Е. Институт уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (историко-правовой и теоретико-правовой аспекты): Дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2007. 200 с.
9. Новикова А.Е., Мархгейм М.В. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации: цели и принципы деятельности // Право и экономика: материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. 15 декабря 2008 г года / Рост. гос. эконом. ун-т. Ростов н/Д, 2008. С. 48-52.
10. Мархгейм М.В. Взаимодействие как конституционный принцип // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 1 (92). С. 54-56.
11. Kuksin I.N., Markhgeym M.V., Novikova A.E., Tonkov E.E. Justice as principle: aspects of genesis in social and regulatory systems // The Social Sciences (Pakistan). 2016. Т. 11. № 10. С. 2367-2370.

12. Новикова А.Е., Жорник А.М. Генезис и содержание института политического убежища в Российской Федерации // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2013. № 2 (145). С. 163-169.
13. Butko L.V., Markhgeym M.V., Novikova A.E., Pozharova L.A., Tonkov E.E. Personal Dignity in the European Legal Culture // Journal of History Culture and Art Research. 2017. Т. 6. №. 4. С. 296-303.
14. Makogon B.V., Markhgeym, M.V., Novikova, A.E., Nikonova, L.I., Stus, N.V. Constitutional Justice in Circumstances of Public Authority Limits // Journal of History Culture and Art Research. 2018. Т. 7. № 2. С. 722-728.
15. Makogon B.V., Markhgeim M.V., Minasyan A.A., Nintsieva T.M., Novikova A.E. Legal form of action: the issues of content and methodology // Revista Inclusiones. 2019. Т. 6. № S2-5. С. 402-409.

Стус Нина Владимировна

профессор кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»

доктор юридических наук

(Краснодар, Россия)

Макогон Борис Валерьевич

профессор кафедры административного права и процесса
юридического института НИУ «БелГУ»

доктор юридических наук, доцент

(Белгород, Россия)

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ – ЗВЕНО ОГРАНИЧИТЕЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. В работе на основе широкого круга источников представлена авторская позиция по вопросам аргументации и характеристик судебной власти как обязательного элемента юридического процесса государственного управления.

Ключевые слова: судебная власть, судебная система, судебный контроль.

Зрелая публичная власть в суверенном государственном образовании воплощается через систему статусно и структурно обособленных звеньев, что позволяет ей находить свою материализацию, форму, в том числе

процессуальную [1; 2], в системе общественных отношений, и органы судебной власти не являются исключением. Функционирование таковых, в высшей степени «ответственных» [3] субъектов, мы относим к обязательным элементам государственного управления как юридического процесса [4], обладающего признаками ограничительного [5].

Во-первых, это подтверждается самим фактом их существования как субъектов публичной власти, при ряде условий, обладающих соответствующими (властными) полномочиями по отношению как к государственным органам, их должностным лицам, так и в связях с гражданами, иностранными гражданами, лицами без гражданства, юридическими лицами общего порядка.

Во-вторых, органы судебной власти осуществляют правоприменение, что может быть отнесено к классическим признакам, сопутствующим процессу управления и юридическому процессу в целом в широком его понимании.

В-третьих, данным органам свойственны широкие дискреционные полномочия, расширяющие поле их деятельности в сфере управления непосредственно либо же опосредованно, через цепочку социальных связей, складывающихся в процессе применения норм права, нормотворчества; превенции, формирования «современных парадигм правосознания и правопонимания» [8], влияния на правовую культуру, к примеру, в процессе развития юридического содержания права граждан на информацию [7].

В-четвертых, с точки зрения теории правовых ограничений [8; 9; 10], если рассматривать ограничительное регулирование как деятельность, направленную на определение, установление и укрепление пределов функционирования субъектов правоотношений, вывод об участии в ней судебных органов можно сделать, основываясь на вышеперечисленных пунктах.

Юридическое и фактическое развитие независимой системы судебной характерно для демократических, в современном понимании, государств. Чем выше степень реализации соответствующих юридических, правовых деклараций и в общем нормативного правового массива – тем ближе государство к характеристикам демократического и правового. Качества полисубъектности, устойчивого сохранения своей уникальности, разнообразия правовых статусов и статуса, способности эволюционировать вслед за общественно-государственными механизмами, многообразия структур в единый как формализованных, так и доктринальных, сложившихся на практике концепциях – все они характерны для судебных систем и образуют целостную картину значения и необходимости власти судебной в системе разделения властей на функциональные ветви.

В действительности, при всем многообразии в подходах различных государств относительно организации системы органов судебной власти, последние всегда отражают как текущее состояние государственности, так и направления, динамику развития государственно-правовой реальности. Судебная власть, с одной стороны, наряду с другими институтами (например, уполномоченного по правам человека [11], политического убежища [12]), является управляющим гарантом для практико-юридических комплексов (например, устойчивости и аксиологической стабильности «правозащитных приоритетов» [13]), с другой же – неременной составляющей единства системы публичной власти, гарантированного государством и источниками права.

В развитии государственности типичными в рамках проблематики полагаем актуальным считать органы конституционного судебного контроля [14].

Касаемо американской модели, следует указать, что здесь в юридическом процессе неконституционные нормы попросту не учитываются судами; суды вправе самостоятельно занимать правовую позицию, имеющую юридическую силу, по поводу конституционности тех или иных норм права; соответственно, специализированный орган судебного контроля отсутствует.

Все это, думается, создает благодатную почву для прямого действия конституции, восприятия ее правовым актом действительно высшей юридической силы, формирование крепкой государственно-правовой «идейности» в формате национальной идентичности. Поскольку для рассмотрения вопроса о конституционности нет необходимости обращаться в Верховный Суд – потребность в принадлежности (к государству, праву, национальной социально-культурной среде), вероятно, может быть удовлетворена относительно эффективно, что расценивается нами с позитивной стороны. В таких условиях конституция может быть той скрепой, которая в состоянии нивелировать естественные проявления коррупции государственного управления, установив авторитет права на по-настоящему высокий уровень. Предположим, что более чувствуется дыхание права, нежели государства.

Европейская модель конституционного контроля, в отличие от американской, предполагает разрешение дел, связанных с конституционностью правовых норм, судьями, обладающими особой квалификацией по предмету, специальными судебными органами, обладающими автономией от органов общего правосудия. Процессуальный порядок разрешения таких дел – также особый.

В условиях глобализации [15; 16; 17] также достаточно распространена смешанная модель, которая может включать в себя элементы (признаки) как американской, так и европейской.

Отметим, что ролевые характеристики судебной власти в ограничительном государственном управлении – мультиуровневые, системные, отражающие принцип единства. Они объективируются как во внешних, так и во внутренних формах, динамичны и логично встраиваются в управление как юридический процесс, отношения в котором лимитированы правом и его источниками, присущими тем или иным государственным формам. Будучи ограниченными и, в то же время, ограничителями, способности и возможности влияния судебных органов детерминируют ответственность всего государства, ответственность суверена, вероятно, за свое существование.

Литература:

1. Makogon B.V., Markhgeim M.V., Minasyan A.A., Nintsieva T.M., Novikova A.E. Legal form of action: the issues of content and methodology // Revista Inclusiones. 2019. Т. 6. № S2-5. С. 402-409.
2. Макогон Б.В. Научная конструкция юридической процессуальной формы и ее виды // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 4 (60). С. 17-22.
3. Макогон Б.В. Синтез понятия юридической ответственности в среде процессуально-ограничительного регулирования публичных правоотношений // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 11 (78). С. 61-64.
4. Макогон Б.В. Методологически опорная трактовка юридического процесса // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 1 (80). С. 32-35.
5. Макогон Б.В. Процессуально-правовые ограничения как атрибут деятельности властных субъектов. Монография. Москва: Издательский дом «Юр-ВАК», 2013. 210 с.
6. Nesmeyanova S.E., Ryabova T.V., Tkhabisimova L.A., Tsapko M.I., Makogon B.V. Modern Paradigms of Legal Understanding and the Development of Legal Consciousness in Supply Chain (Case Study of Russia) // International Journal of Supply Chain Management. 2018. Т. 7. № 5. С. 796-800.
7. Мархгейм М.В., Гавришов Д.В. Проблемы развития юридического содержания права граждан на информацию // История государства и права. 2008. № 10. С. 4-5.

8. Макогон Б.В. Процессуально-правовые координаты деятельности субъектов публичной власти. Монография. Белгород: Издательский дом «Белгород», 2013. 164 с.
9. Макогон Б.В. Понятие и процессуальные виды правовых ограничений // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2013. № 8 (39). С. 40-46.
10. Makogon B.V., Markhgeym M.V., Minasyan A.A., Novikova A.E., Yarychev N.U. Logical classification of legal procedural restrictions // Revista Inclusiones. 2019. T. 6, № S2-5. – С. 395-401.
11. Новикова А.Е. Институт уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (историко-правовой и теоретико-правовой аспекты): Дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2007. 200 с.
12. Новикова А.Е., Жорник А.М. Генезис и содержание института политического убежища в Российской Федерации // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2013. № 2 (145). С. 163-169.
13. Мархгейм М.В., Новикова А.Е. Правозащитные приоритеты в воззрениях отечественных представителей либеральной и консервативной научных школ // История государства и права. 2008. № 6. С. 38-40.
14. Makogon B.V., Markhgeym M.V., Novikova A.E., Nikonova L.I., Stus N.V. Constitutional Justice in Circumstances of Public Authority Limits // Journal of History Culture and Art Research. 2018. T. 7. № 2. С. 722-728.
15. Макогон Б.В. Глобализация и переходный период государственно-правового развития России // Евразийский юридический журнал. 2012. № 4. С. 150-151.
16. Макогон Б.В. К вопросу о сущности глобализации // Закон и право. 2012. № 6. С. 29-32.
17. Макогон Б.В. Особенности трансформации национального законодательства в условиях глобализации // Закон и право. 2012. № 5. С. 15-18.

Безуглая Анна Артуровна

доцент кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»

кандидат юридических наук

(Белгород, Россия)

ПАРЛАМЕНТСКИЕ СЛУШАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ФОРМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПАЛАТ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ¹

Аннотация. В данной статье на основе анализа конституционных и регламентных норм, а также статистических данных, полученных с официальных сайтов палат Федерального Собрания, осуществлен анализ структурно-интегрированной формы взаимодействия палат – проведение парламентских слушаний. В ходе анализа был установлен круг участников данных слушаний, отражен порядок и результаты их проведения.

Ключевые слова: конституция, парламент, Совет Федерации, Государственная Дума, формы взаимодействия палат, парламентские слушания.

Согласно положениям ч. 3 ст. 101 Конституции России [1] палаты Федерального Собрания «проводят парламентские слушания». Конституционное оформление данной формы взаимодействия указанных публично-правовых субъектов обуславливает интерес к ее исследованию. Следует отметить, что свое дальнейшее развитие парламентские слушания получили преимущественно в регламентах Совета Федерации [2] (Глава 10) и Государственной Думы [3] (Глава 6). Подчеркнем, что названные правовые акты закрепляют, прежде всего, содержательный и процедурный аспекты данной формы деятельности палат федерального парламента.

Отметим, что «парламентские слушания проводятся по особо важным, ключевым вопросам, находящимся в ведении палат парламента. Регламент Совета Федерации в ч. 2 ст. 84 предусматривает исчерпывающий перечень субъектов, правомочных инициировать проведение слушаний. Среди таких субъектов: Председатель Совета Федерации, Совет палаты, комитет Совета Федерации, не менее 15 сенаторов [4, с. 80]. В Регламенте Государственной Думы в ст. 64 аналогичное право адресуется Совету Государственной Думы, комитетам и комиссиям палаты, фракциям. При этом в ч. 1¹ ст. 64 закрепляется

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ, номер проекта – МК-1377.2020.6, тема проекта «Интегральная роль взаимодействия палат парламента в обеспечении конституционного права на свободу слова».

право предлагать проведение парламентских слушаний федеральному омбудсмену с уточнением, что тема слушаний будет касаться фактов «нарушения прав и свобод граждан». Обобщая изложенное, полагаем необходимым прокомментировать обозначенные регламентные положения. Так, следует подчеркнуть, что право на инициирование проведения парламентских слушаний не принадлежит Председателю Государственной Думы (в отличие от второй палаты). Полагаем, что такой подход законодателя связан с желанием минимизировать конфликт интересов, который может быть связан с финансово-определенными полномочиями Председателя Государственной Думы, регламентированными в ч. 4 ст. 65 – «Финансирование парламентских слушаний, проведение которых требует дополнительных расходов, осуществляется на основании решения Совета Государственной Думы и распоряжения Председателя Государственной Думы». Ведь действительно, если Председатель палаты будет инициировать проведение парламентских слушаний и принимать окончательное решение по их проведению, то может возникнуть вопрос об объективности положительного решения.

Помимо обозначенных ранее субъектов инициирования предложений по проведению парламентских слушаний в ч. 4 ст. 84 Регламента Совета Федерации такое право адресуется комитетам и комиссиям палат Федерального Собрания. Названное регламентное положение также закрепляет право палат на проведение совместных межпарламентских слушаний [4, с. 80].

Отметим, что проведение парламентских слушаний «реализуется во время сессии соответствующей палаты Федерального Собрания (ч. 2 ст. 41 Регламента Совета Федерации, ч. 1 ст. 67 Регламента Государственной Думы), при этом некоторые парламентские слушания могут проводиться и за пределами палаты – в субъекте Федерации (ч. 1 ст. 33.1 Регламента Совета Федерации)» [4, с. 80; 5, с. 252].

В регламентах палат российского парламента также отражены виды парламентских слушаний. К их числу относятся открытые и закрытые. «На открытых парламентских слушаниях вправе присутствовать представители средств массовой информации и общественности» [2]. «Весь процесс проведения парламентских слушаний стенографируется и протоколируется, но доступ к материалам ограничивается не только «закрытостью» темы, но и, на наш взгляд, не вполне ответственной реализацией закрепленного в регламентах палат принципа гласности» [4, с. 80]. Анализ работы официальных сайтов палат парламента [6; 7] позволил обобщить результаты их деятельности. Так, согласно данным, полученным на сайте Совета Федерации за 2021 г., палатой было проведено 10 парламентских слушаний, при этом только 7 из них

стенографированы (по крайней мере протоколы слушаний не отображены на официальном сайте). Аналогичные мероприятия были проведены и в рамках комитетов Государственной Думы (10 слушаний), при этом на сайте отсутствует какая-либо информация относительно участников данных мероприятий и результатов их проведения. Полагаем, что постоянным комитетам Государственной Думы следовало бы более детально отражать свою деятельность ввиду ее гласности.

«Итогом проведения парламентских слушаний является принятие рекомендаций или иных актов по исследуемым вопросам, которые утверждаются соответствующей палатой Федерального Собрания, ответственной за их проведение (ст. 90 Регламента Совета Федерации, ст. ст. 70, 71 Регламента Государственной Думы). Отметим, что указание на совместное проведение комитетами палат парламента парламентских слушаний закреплено лишь Регламентом Совета Федерации (ч. 4 ст. 84)» [4, с. 82].

Следует отметить, что парламентские слушания являются, своего рода, «катализатором» принятия нормативных правовых актов. Выступая «дискуссионной платформой» для представителей органов государственной власти, институтов гражданского общества и иных «небезразличных» участников, парламентские слушания актуализируют внимание на пробельные и проблемные аспекты законодательства [8].

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)) (с изм. и доп. от 30 декабря 2008 г., от 30 декабря 2008 г., от 05 февраля 2014 г., от 21 июля 2014 г., от 14 марта 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 1. Ст. 1, Ст. 2; 2014. № 6. Ст. 548; № 14. Ст. 4202.; 2020. № 30 (часть I). Ст. 4202.
2. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 30 января 2002 № 33-СФ (ред. от 07.10.2020) «О Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 7. Ст. 635.
3. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22 января 1998 № 2134-II ГД (ред. от 23.06.2020) «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 7. Ст. 801.
4. Мархгейм М.В., Минасян А.А. Взаимодействие палат Федерального Собрания России: конституционно-правовые параметры и ресурсы оптимизации: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 144 с.

5. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный): с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года / Т.Я. Хабриева, Л.В. Андриченко, С.Б. Нанба, А.Е. Помазанский; под ред. Т.Я. Хабриевой; обращение к читателям В.В. Путина. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2021. 368 с.
6. Мероприятия Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации // <http://council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/> (дата обращения: 30.10.2021).
7. Парламентские слушания комитетов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации // <https://sozd.duma.gov.ru/event/01.01.2021/31.12.2021/AE70E567-2CA2-4307-B56D-57193FE12604> (дата обращения: 30.10.2021).
8. Мархгейм М.В., Минасян А.А Энергетический фокус взаимодействия палат Федерального Собрания России // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 11 (114). С. 45–48.

Гелуненко Валерия Вадимовна,
ассистент кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
(Россия, Белгород)

КОНСТИТУЦИОННАЯ ИНВЕРСИЯ СВОБОДЫ СЛОВА¹

«Свободы индивида представляют собой закрепленные в законе социальные возможности лица как индивида по обладанию и пользованию определенным благом для удовлетворения личных интересов. Социальные возможности, закрепленные государством в конституции и законах, для личности становятся юридическими притязаниями, подлежащие обеспечению и защите со стороны общества и государства» (Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М. Норма, 2008. С. 226)

Аннотация. В статье на основе анализа статьи 29 Конституции Российской Федерации представлена авторская позиция по поводу форм выражения свободы слова. Проанализировано различие понятий «мысль», «мнение», «убеждение».

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ, номер проекта – МК-1377.2020.6, тема проекта «Интегральная роль взаимодействия палат парламента в обеспечении конституционного права на свободу слова», соглашение № 075-15-2020-411 от 16.03.2020.

Ключевые слова: свобода слова, мысль, мнение, убеждение, пропаганда, агитация, цензура.

Свобода слова формирует свободу человека от контроля идеологического, политического, нравственного. Свобода слова выражает, также и возможность определять линию своего поведения самостоятельно, основываясь на собственных убеждениях и мнениях. Как справедливо отмечает Е.А. Лукашева «Общество никогда не образует интеллектуального единства и не может выразить себя в какой-то одной идее, каждый из его членов сохраняет свою индивидуальность, свое собственное понимание тех или иных проблем. Свобода мысли и слова является по сути дела существенным фактором раскрытия человеческой индивидуальности, утверждения своеобразия и уникальности каждой личности» [1, с. 155]. При этом «свобода идёт рука об руку с ответственностью, потому что тот факт, что мы свободны совершать выбор, налагает на нас обязательство принимать ответственность за последствия своего выбора» [2].

В современных реалиях между свободой слова и ответственностью можно смело поставить знак тождества, ведь зачастую она ассоциируется с инакомыслием, ограничением, преследованием. Последствием такого восприятия стало то, что в человеческом сознании свобода слова укоренилась, как эфемерная свобода, которая ничем ни защищена. Но если рассматривать свободу слова с позиции негативной свободы, то данная свобода может быть использована для построения правового, демократического государства, т.е. государства мира, справедливости, свободы выбора, уважения прав и свобод человека, социального процветания. Ведь свобода слова имеет недооцененную социальную значимость.

Реализацию социальной значимости свобода слова получила посредством Конституции Российской Федерации, а именно ее статьи 29. В названной статье конституция не просто формализовала свободу слова, а вместе с тем определила формы, гарантии, способы, ограничительные и запретительные барьеры свободы слова, а также круг сопряжений с иными правами и свободами.

Так, свобода слова может выражаться в таких формах как: мысль (ч. 1 ст. 29), мнение и убеждение (ч. 1 ст. 29). Очевидно, что данные формы имеют разное лексическое значение. Так, под «мыслью» понимается «анализ явлений, предполагающий вывод» [3], под «мнением» – «какое-либо суждение, которое выражено вербально или не вербально» [4], «убеждение» - «прочно сложившееся мнение [4] на основе каких-либо идей» [3].

Таким образом, «свобода мысли» представляет собой естественное свойство человека, выражающиеся в формировании своего собственного отношения к происходящему. Как правило, свобода мысли, пока она не перешла в другую форму, не подпадает под рамки правового регулирования. Свобода выражение своих «мнений и убеждений» являет собой следующий этап и подразумевает неразрывный тандем. Убеждение, как правило, основывается на мнении, так как, убеждение это результат осмысления и анализа различных мнений, а мнение – это суждение в отношении чего-либо.

Исходя из этого, очевидно, что все эти формы имеют разное значение, при этом между ними существует взаимосвязь, которая выражается посредством слова, слова устного и письменного.

Одним из способов обеспечения свободы слова выступают гарантии, санкционирующие каждому лицу свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (ч. 4 ст. 29); предоставляющие свободу массовой информации (ч. 5 ст. 29); гарантии запрета цензуры (ч. 5 ст. 29); гарантии невозможности принуждения к выражению мнений и убеждений или отказа от них (ч. 3 ст. 29).

Так, конституционно закреплена не только свобода слова, но закреплены гарантии свободного доступа к слову, мнениям, убеждениям других лиц и свободному их распространению, исключение составляют сведения, содержащие государственную тайну. Также важно, чтобы информация была получена законным путем и не нарушала прав и свобод других лиц. Вместе с тем, лица имеют право запрашивать информацию от государственных органов, органов местного самоуправления в том случае, если это касается их прав.

Под гарантиями свободы массовой информации понимается совокупность правовых условий, способов, средств и факторов, позитивно влияющих на формирование в этих целях соответствующей структуры современного российского общества и государства [5, с. 9]. Для обеспечения данных гарантий Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» формализовано учреждение средств массовой информации, а также определены условия, способы и средства распространения массовой информации. Гарантии свободы массовой информации дополнительно подкреплены запретом цензуры. Данная гарантия являет собой запрет со стороны государственных органов или редакции средств массовой информации согласовывать, налагать запреты на распространение информации. Также запрещается создание организаций, учреждений, органов

или иных должностей, в задачи которых входит осуществление цензуры массовой информации.

Гарантии невозможности принуждения к выражению мнений и убеждений или отказа от них предполагают, что любое лицо может как беспрепятственно выражать свои мысли и мнения, так и беспрепятственно отказаться от их выражения. То есть никто не вправе принудить человека к выражению мнений и убеждений или отказу от них. Так, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 30 июня 2011 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 10 статьи 17 Федерального Закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» статьи 20.1 Закона Российской Федерации «О милиции» в связи с жалобами граждан Л.Н. Кондратьевой А.Н. Мумолина отмечал, что данное конституционное требование адресовано государственным органам, органам местного самоуправления, политическим партиям, общественным объединениям и всем членам общества [6, с. 86].

Переходя к ограничительным и запретительным барьерам, отметим, что они отражаются в препятствовании пропаганде или агитации, возбуждающим социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду (ч. 2 ст. 29); в запрете пропаганды социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства (ч. 2 ст. 29); в запрете разглашать сведения, составляющие государственную тайну (ч. 4 ст. 29).

Обозначенные ограничения свободы слова являются вполне логичными и востребованными в демократическом обществе: такими барьерами законодатель пресекает словесную вседозволенность, очерчивает границы свободы слова, которые недопустимо преступать, чтобы не нарушить прав и свобод других лиц. Это подчеркивается не только на национальном, но и на международном уровне, в частности Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (1950 г.) и Международной Конвенцией о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1966 г.). Также отметим, что запретительные барьеры не всегда касаются отдельной личности, ее прав и свобод. В определенных законодательством случаях они касаются государства в целом, его суверенитета, внутренней и внешней политики, его безопасности в целом. Это может быть достигнуто путем сохранения государственной тайны.

Подводя итог, отметим, что для каждого человека, возможность пользоваться свободой слова необходима для повседневного диалога с другим человеком, обществом и государством. Настоящее, в свою очередь, раскрывает безграничные правовые версии того, каким способом и в какой форме

возможно реализовывать свободу слова, в том числе и для построения правового демократического государства.

Литература:

1. Права человека: Учебник для вузов / Отв. ред. чл.-корр. РАН. д.ю.н. Е.А. Лукашева. – М.: Норма. 2004. 573 с.
2. Борохов Э. Энциклопедия афоризмов (В мире мудрых мыслей). М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ». 2000. 668 с.
3. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык. 2000.
4. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940. (4 т.)
5. Тульнев М. А. Конституционно-правовые гарантии свободы массовой информации. Автореферат. дис. ... кандидата юридических наук. Белгород. 2021. 23 с.
6. Курманов А.С. Конституционно-правовые гарантии свободы мысли и слова и права на информацию // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2 (140). 2018. С. 84-88.

Задорожная Евгения Владимировна

подполковник запаса,
кандидат юридических наук
(Москва, Россия)

КОНСТИТУЦИЯ ТРЕНДОВ И ТРЕНДЫ КОНСТИТУЦИИ

Аннотация: Рассмотрение Конституции России как правовой основы объединения, стабильности, вектора развития нашей страны, не исключает современного прочтения заложенных в тексте направлений реализации ее положений.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, конституционное право, социальное государство.

Уникальный период в истории нашей страны, конституционные кризисные явления, сопровождавшие принятие Конституции Российской Федерации 1993 года, рассмотрение альтернативных конституционных проектов обусловили ее структуру, высокую степень абстракции и качество системности. Конституция РФ позволяет выразить всю смысловую и

содержательную ее глубину [1], что дает исследователям возможность изучать тренды, заложенные в текст Конституции Российской Федерации.

Под трендом, как правило, понимают термин из сферы технического анализа или экономических дисциплин, толковый словарь, кроме того, определяет «тренд» как доминирующее направление в политике или в общественном мнении, выявленное статистическими методами; тенденция [2]. Словарь иностранных слов русского языка рассматривает «тренд» как склонность, тенденция, преобладающее направление развития, направленность общественного мнения, актуального стиля в моде и т. д. [3].

Одна из признанных особенностей Конституции Российской Федерации – закрепление противоречивого характера государства и общества [4]. Таким образом, конфликтность является безусловным трендом действующей Конституции. Конфликтность стала неотъемлемым элементом правового статуса определенных субъектов государственно-правовых отношений, таких как Государственная Дума и Правительство Российской Федерации, например (ст. 109, 111, 117 Конституции РФ). По мнению Т.М. Пряхиной, они выступают как субъекты легализованного конфликта. Эти же статьи определяют тренд на законодательное закрепление способов преодоления такого конфликта.

Можно сформулировать иные тенденции. Причем начать стоит с изучения преамбулы, в соответствии с которой следует выделить утверждение прав и свобод человека, гражданского мира и согласия, сохранение исторически сложившееся государственного единства, почитание памяти предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, возрождение суверенной государственности России и утверждение незыблемости ее демократической основы, обеспечение благополучия и процветания России, возложение ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, осознание себя частью мирового сообщества.

Рассматривая Конституцию Российской Федерации в совокупности всех ее положений как национально-правовую идею страны, мы можем сформулировать тренд на укрепление российской цивилизации и использование ее в качестве основы для борьбы с опасной «болезнью самоотречения» [5]. Творческое созидание новых общероссийских ценностей и согласование имеющихся традиционных ценностей направлены на реализацию преемственности старого и нового мировоззрения, следовательно, на сближение народов, населяющих нашу страну.

Однако необходимо предусмотреть условия, которые не позволят двум противоречивым трендам: усилению вертикали власти в России, исторически направленному на укрепление суверенитета, и народного единства, а также

стремлению ограничить свободу личности [6] приостановить эволюционное развитие государства.

В преамбуле Конституции говорится о согласии, и это несмотря на выявленную склонность документа к конфликтности. Возникающие противоречия, таким образом, признаются неотъемлемой частью общественной жизни. Будем придерживаться мнения, что согласие определяет состояние развития общества, при котором созданы условия для разрешения социальных конфликтов через сотрудничество, диалог, достижение компромиссов [7].

Правоведы отмечают тренд на усиление влияния политической воли Президента России на будущее Конституции и принимаемых федеральных законов [8, с. 3; 9]. В частности, Президент Российской Федерации оказывает значительное влияние на ход федерального законодательного процесса. Он обладает полномочиями, позволяющими, с одной стороны, организовать качественную разработку законопроекта, который впоследствии вносит в Государственную Думу в порядке законодательной инициативы. Это выражается в минимальном проценте отклоненных предложенных Президентом Российской Федерации законопроектов, причем доля таких документов снижается с каждым годом. Очевидно, это результат тщательной работы над законопроектами и предварительного согласования позиций участников законодательного процесса [10; с. 106.].

Необходимость совершенствования доктринальной и правовой аргументации в пользу признания прямого действия конституционных норм, механизма обеспечения такого действия с определенными юридическими последствиями отмечает В. В. Невинский [11].

Вместе с тем нельзя игнорировать явно определившийся тренд на преодоление противопоставления государства и общества с опорой на Конституцию России. Научный прогресс стимулирует переориентацию экономики на использование наукоемких технологий и демонстрирует важность сопричастности и вовлеченности населения в конституционно-правовые процессы народовластия [12], выводя на особое место факт обладания человеком знаниями. Именно знающий человек будет неравнодушен к процессам, происходящим в государстве.

По мнению профессора Т.М. Пряхиной, человек не должен выступать лишь в качестве потребителя. Следует рассматривать его как активного субъекта различных сфер общественной жизни, созидателя нового будущего. Граждане должны чувствовать свою ответственность за судьбу страны и Конституции России. Одним из трендов можно назвать формирование психологии сопричастности и вовлеченности населения в конституционно-

правовые процессы народовластия [12]. Однако и граждане справедливо рассчитывают на то, что государство исполнит свои обязательства.

В соответствии с Конституцией Российская Федерация – социальное государство (ст. 7). Разрабатываются разные модели социально ориентированного государства и общества, направленные на эффективное развитие социального бизнеса и социального взаимного партнерства, долгосрочное социальное инвестирование. Статья 75 Конституции Российской Федерации говорит об обеспечении социального партнерства, ставшего одним из принципов Конституции, и социальной солидарности, которая выступает в публикациях зачастую как ценность или даже лозунг.

Дальнейшее развитие эти тренды находят и в научно-практических форумах и конференциях. Теме совершенствования социального партнерства были посвящены, в частности, дискуссии на площадке Петербургского международного юридического форума – 2021 [13].

Во многом вносит коррективы происходящий процесс цифровизации. Он прямо отражается на содержательной стороне социального партнерства, направлен на обеспечение реального доступа к нему для каждого работника. Одним из сценариев развития рассматривается его организация через дистанционное общение в рамках сайтов профсоюзных организаций, размещенных на интернет-ресурсах работодателей. Здесь необходимо отметить как плюсы, так и минусы внедрения информационных технологий. С одной стороны, совместное использование работниками приложений компании может существенно сократить временные и финансовые затраты на обучение сотрудников, позволит быстрее понимать их трудности и вносить коррективы в деятельность работодателя, с другой, следует предостеречь от разобщения коллективного мнения при исключительно дистанционных вариантах работы и создания неподконтрольных государству сфер деятельности, так называемой «новой реальности».

Социальная ответственность предпринимательства, в свою очередь, является признанным долгосрочным трендом и становится одним из важнейших факторов устойчивого развития государства на макро- и микроуровнях.

Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» закрепил положение о неисполнении решений межгосударственных органов в случае их противоречия Конституции России. Однако порядок реализации этого положения предусмотрен еще Постановлением Конституционного Суда от 14 июля 2015 г. № 21-П. Таким

образом, тренд на верховенство национальной Конституции в данной ситуации закреплен на высшем уровне.

Развитие конституционного права в настоящее время сопряжено с множеством изменений, внесенных в Основной закон в 2020 году. Принятие упомянутого закона о поправке к Конституции РФ стало современным конституционным кризисным явлением, определившим вектор изменений в государственном строительстве на годы вперед. Это позволило выделить заложенные в ее тексте некоторые тренды конституционного развития, исходя из поставленных целей, сформулированных задач. Однако и сама Конституция – «живой» документ. Она развивается вместе с государством. И это развитие тоже имеет определенные направления развития.

Насколько часто нужно «осовременивать» текст этого основополагающего документа? Нужно ли это делать каждый раз, когда изменяется ситуация или достаточно законодательного и судебно-конституционного развития при сохранении стабильного текста?

Конституция страны – документ учредительный, программный. Важно не нарушать баланс стабильности основ, отражающих традиционные ценности, с одной стороны, и законодательного развития конституционных положений, официального толкования, с другой. Вместе с тем тренд на изменение «буквы» Основного закона уже сформирован. Высказываются о возможных поправках к Конституции России в том числе и депутаты Государственной Думы [14].

В свое время Н.В. Витрук писал, что существенное повышение роли и значения Конституции РФ в правовой системе Российской Федерации, в общественно-политической и государственной жизни, последовательная реализация конституционных установлений – есть объективная потребность, тенденция и условие социально-правового прогресса, суть конституционно-правовой политики в современной России [15].

По нашему мнению, глубина содержания Конституции России, понимание, что она представляет собой не только ее буквальный текст, но и тот смысл, что раскрывается в рамках доктрины Конституции с учетом упомянутых в тексте Конституции источников иного порядка: исторического опыта, народной мудрости, культурного наследия, национальной специфики и не только позволяют говорить о том, что процедура внесения поправок не просто так является усложненной. Изменение Основного Закона должно носить исключительный, тщательно выверенный, глубоко обдуманый и взвешенный характер.

Литература

1. Витрук Н. В. Верность Конституции основа прогрессивного развития современной России // НОМОТЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2008. №8 (48). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vernost-konstitutsii-osnova-progressivnogo-razvitiya-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 13.12.2021).
2. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. — М.: Русский язык, 2000.
3. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов : [более 4500 слов и выражений] / Н. Г. Комлев. — Москва : Эксмо, 2006 (Тверь : Тверской полиграфкомбинат). — 669 с.
4. Пряхина Т.М. Конституционная доктрина Российской Федерации: науч. издание / Т.М. Пряхина; науч. ред. В.О. Лучин. — М.: ЮИТИ-ДАНА, Закон и право, 2006. — 323 с.
5. Кокотов А. Н. Конституция России и «болезнь самоотречения» // Вестник СГЮА. 2018. №1 (120). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsiya-rossii-i-bolezni-samootrecheniya> (дата обращения: 09.12.2021).
6. Тупиков Н. В. Конституционное измерение свободы человека в России // Вестник СГЮА. 2018. №6 (125). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnoe-izmerenie-svobody-cheloveka-v-rossii> (дата обращения: 10.12.2021).
7. Мамонов В. В. Конституционное согласие в России // Вестник СГЮА. 2018. №4 (123). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnoe-soglasie-v-rossii> (дата обращения: 10.12.2021).
8. Авакьян С. А. О возможных и конституционно легитимных путях изменения баланса властей в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. — 2008. — № 3.
9. Боброва Н.А. Двадцать лет и двадцать недостатков Конституции России // Правоприменение. 2020. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dvadsat-let-i-dvadsat-nedostatkov-konstitutsii-rossii> (дата обращения: 10.12.2021).
10. Задорожная Е.В. Формирование в России законодательного процесса в аспекте конституционных кризисных явлений : дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.02 / Задорожная Евгения Владимировна; [Место защиты: Белгородский государственный национальный исследовательский университет]. — Белгород, 2021.
11. Невинский В. В. Прямое действие российской Конституции на перекрестке мнений конституционалистов // Вестник СГЮА. 2018. №2 (121). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pryamoe-deystvie-rossiyskoj-konstitutsii-na-perekrestke-mneniy-konstitutsionalistov> (дата обращения: 10.12.2021).

12. Эбзеев Б. С. Актуальные проблемы реализации Конституции России 1993 года // Вестник СГЮА. 2018. №1 (120). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-realizatsii-konstitutsii-rossii-1993-goda> (дата обращения: 10.12.2021).
13. <https://www.garant.ru/news/1464972/>
14. https://www.ng.ru/editorial/2021-11-22/2_8307_editorial.html
15. Витрук Н. В. Верность Конституции основа прогрессивного развития современной России // НОМОТЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2008. №8 (48). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vernost-konstitutsii-osnova-progressivnogo-razvitiya-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 13.12.2021).

Тресков Алексей Павлович

доцент кафедры теории государства и права РГУПС,
федеральный судья в отставке,
кандидат юридических наук
(Ростов-на-Дону, Россия)

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ПРИНЦИП ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. В данной статье представлены аргументы в пользу самостоятельности конституционно-правового принципа взаимодействия судебной власти; дана его авторская трактовка, а также обобщены результаты анализа нормативных правовых актов, легализующих искомый принцип.

Ключевые слова: принципы судебной власти, власти, конституционно-правовой принцип взаимодействия судебной власти, финансирование судов, обеспечение установленного порядка деятельности судов, принцип независимости судей, принцип неприкосновенности судей

Придерживаясь актуализации каталога правовых принципов, считаем целесообразным включение в него конституционного принципа взаимодействия [1, с. 50-53], определяющего деятельность публичных субъектов, включая судебную власть.

Всякий реальный процесс, в каких бы условиях он не протекал, в определенном аспекте всегда есть взаимодействие. Именно такой подход первоначально позволил философской науке определить категорию взаимодействия исходным этапом формирования принципа взаимодействия [2].

Анализ действующей редакции Конституции Российской Федерации позволил сделать вывод о формализованных основаниях принципа взаимодействия. В их числе, к примеру, следующие:

– «Президент Российской Федерации ... в установленном Конституцией Российской Федерации порядке ... обеспечивает согласованное функционирование и *взаимодействие* органов, входящих в единую систему публичной власти (ч. 2 ст. 80);

– Президент Российской Федерации формирует Государственный Совет Российской Федерации в целях обеспечения согласованного функционирования и *взаимодействия* органов публичной власти (ч. 5 ст. 83);

– органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют *взаимодействие* для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории (ч. 3 ст. 132)».

Приведенные нормы закрепляют «горизонтальное» и «вертикальное» взаимодействие. Учитывая, что в России государственную власть реализуют и суды, то все изложенные в обновлённом конституционном тексте 2020 года установления о взаимодействии адресованы и судам (ч. 1 ст. 11).

Совокупность доктринальных и отечественных конституционных положений указывают на самостоятельность конституционного принципа взаимодействия судебной власти. Опираясь на изложенные тезисы, обратимся к раскрытию его содержания в корреляции суда с вариативным рядом субъектов различной правовой природы. Данные результаты выводимы из анализа нормативных правовых актов, что позволяет рассматриваемый принцип взаимодействия идентифицировать в качестве конституционно-правового.

Итак, в нормах специального законодательства искомый принцип обнаружен в федеральном конституционном законе от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации». Субъектами такого взаимодействия с Правительством Российской Федерации являются председатели Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, руководители Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации и Совета судей Российской Федерации в рамках разработки проекта федерального бюджета в части финансирования судов (ч. 3 ст. 33). Дублирует указанное положение федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» в аспекте функционала Председателя данной судебной инстанции (п. 21 ч. 3 ст. 12). Подчеркнем властно-публичный характер представленного взаимодействия и его объект – финансирование судов.

Уточним, что по вопросам финансирования во взаимодействии находятся не только органы судебной власти, но и органы судейского сообщества. Анализ норм Федерального закона от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» позволил сделать вывод, что принцип взаимодействия реализуется органами судейского сообщества и органами публичной власти по вопросам материально-технического обеспечения деятельности мировых судей и оплаты труда работников аппарата мировых судей. Такое взаимодействие осуществляют советы судей субъектов Российской Федерации и высшие исполнительные органы государственной власти субъекта Российской Федерации при разработке проекта бюджета субъекта Российской Федерации (ч. 4 ст. 10). Аналогичное положение содержится в ч. 4 ст. 10 федерального закона от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации».

Дальнейшее рассмотрение российского законодательства, в частности Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» позволило выявить формализацию принципа взаимодействия председателей судов со старшими судебными приставами по вопросам обеспечения установленного порядка деятельности судов.

По аналогичному спектру вопросов реализуется взаимодействие: администратора суда с адвокатурой, правоохранительными и другими государственными органами (ст. 19 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 7-ФЗ «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации»); администратора военного суда с государственными органами, общественными объединениями, органами местного самоуправления, их должностными лицами и другими работниками (п. 2 ч. 1 ст. 34 Федерального конституционного закона от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации»).

Как видим, в указанном взаимодействии со стороны суда могут выступать как непосредственно лица, отправляющие правосудие, так и обеспечивающий персонал. На наш взгляд, в связи с дальнейшей перспективой развития содержания принципа взаимодействия в конституционном праве, полагаем целесообразным предложение о корректировке указных законодательных положений на основе конституционных норм о публичной власти, а также необходимости унификации многообразия субъектов. Например, возможен следующий вариант: администратор суда / военного суда взаимодействует с органами публичной власти, их должностными лицами, а также с институтами гражданского общества по вопросам, входящим в его должностные обязанности (ст. 19 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 7-ФЗ «О

Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации»; п. 2 ч. 1 ст. 34 Федерального конституционного закона от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации»).

Тем более, что на уровне подзаконного регулирования более позднего периода обозначена тенденция формализации многообразия субъектов взаимодействия. Так, в соответствии с Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 3 марта 2017 г. № 60 администратор суда осуществляет взаимодействие с работниками аппарата суда; с федеральными государственными гражданскими служащими структурных подразделений Судебного департамента; с федеральными государственными гражданскими служащими Федеральной службы судебных приставов по вопросам обеспечения безопасности суда; с государственными гражданскими служащими иных государственных органов и работниками других организаций, в том числе с работниками адвокатуры, а также гражданами по вопросам, входящим в его должностные обязанности.

Интересно, что на законодательном уровне отдельные принципы судебной власти выступают объектом взаимодействия. Так, в Федеральном законе от 8 января 1998 г. № 7-ФЗ «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» формализован принцип взаимодействия Судебного департамента и Управления Судебного департамента с судами по поводу обеспечения независимости, неприкосновенности и безопасности судей, а также безопасности членов их семей (п. 17 ч. 1 ст. 6 и п. 10 ст. 14).

Во взаимодействии с судами находятся соответствующие компетентные органы и должностные лица иностранных государств и международные организации, что отражено в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (Раздел XVIII). Не раскрывая содержания принципа взаимодействия, указанный нормативный правовой акт конкретизировал основные положения, касающиеся запросов о правовой помощи, вызова свидетеля, потерпевшего, эксперта, гражданского истца, гражданского ответчика, их представителей, находящихся за пределами территории Российской Федерации.

Исследуемый принцип взаимодействия в аналогичном контексте, но на национальном уровне выявлен в подзаконном нормативном правовом акте. Так, в п. 14 Указа Президента РФ от 18 апреля 1996 г. № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» определено, что такое взаимодействие судов и органов юстиции осуществляется в целях повышения эффективности координации деятельности правоохранительных органов.

Последующий анализ показал, что в российском законодательстве принцип взаимодействия, как правило, детализирован в информационном аспекте. Например, в п. 6 ст. 1 федерального закона от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» единое информационное пространство федеральных судов и мировых судей определено совокупностью обеспечивающих информационное взаимодействие Верховного Суда Российской Федерации, федеральных судов, мировых судей, органов судейского сообщества и системы Судебного департамента баз данных и банков данных, технологий их ведения и использования, информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей, функционирующих на основе единых принципов и общих правил. В данном случае информационное взаимодействие затрагивает субъектов судебной власти различных уровней, а также органы судейского сообщества.

Отдельная Глава 4 рассматриваемого федерального закона посвящена взаимодействию судов, Судебного департамента, органов судейского сообщества с редакциями средств массовой информации. Одной из сторон данного информационного взаимодействия уже являются непубличные субъекты – редакции средств массовой информации.

В доктрине, полагаем, высказано справедливое мнение о том, что взаимодействие судов и средств массовой информации является одним из основных способов реализации принципов открытости и гласности судопроизводства [3, с. 37-39].

Как отметил Верховный Суд РФ, сами по себе открытость и гласность судопроизводства, доступ к информации о деятельности судов направлены на реализацию задач (назначения) гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Это никоим образом «не должно приводить к какому-либо вмешательству в судебную деятельность, поскольку суды при осуществлении правосудия независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и закону» (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 декабря 2012 г. № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов»).

Итак, в ст. 21 Федерального закона от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» определены цели и формы взаимодействия судов, Судебного департамента, органов Судебного департамента, органов судейского сообщества с редакциями средств массовой информации. Телеология «взаимодействия связана с объективным, достоверным и оперативным информированием пользователей информацией о деятельности судов, а формы

представлены открытым списком, включая, например, предоставление информации о деятельности судов по запросам редакций средств массовой информации; свободный доступ представителей редакций средств массовой информации в помещения судов, где размещена информация о деятельности судов, а также их присутствие в открытых судебных заседаниях» и др.

«Несомненно, важную роль во взаимодействии судов и средств массовой информации играет сеть Интернет, в которой суды публикуют тексты судебных актов, информацию о назначенных судебных заседаниях, сторонах по делу. Анализ подобной информации позволяет представителям средств массовой информации не только готовить публикации о деятельности судов, но и проводить журналистские расследования, информировать общественность о находящихся на рассмотрении делах, участниками которых выступают определенные лица, вызывающие интерес у журналистов» [3, с. 37-39].

Мы солидарны во мнении с Г.В. Синцовым, что «взаимодействие судов и средств массовой информации однозначно является взаимовыгодным процессом, ведь оно не только способствует повышению доверия к суду и повышению авторитета правосудия, формированию правосознания граждан и борьбе с правовым нигилизмом, но и помогает средствам массовой информации выполнять свою основную функцию – информировать граждан обо всех социально значимых событиях» [3, с. 37-39].

Как нами отмечалось выше, стороной искомого взаимодействия выступают не только органы судебной власти и судьи, но и органы судейского сообщества. В ст. 16 федерального закона от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» отражены нормы об информационном взаимодействии между постоянно действующими органами судейского сообщества, т.е. советами судей и квалификационными коллегиями судей, причем как взаимодействие по горизонтали – между советами судей и квалификационными коллегиями судей, так и взаимодействие по вертикали – между Советом судей Российской Федерации и советами судей субъектов Российской Федерации, между Высшей квалификационной коллегией судей и квалификационными коллегиями судей субъектов Российской Федерации [4].

На уровне корпоративного регулирования в Кодексе судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г.) формализовано взаимодействие со средствами массовой информации: в целях объективного, достоверного и оперативного информирования общества о деятельности суда судья должен взаимодействовать с представителями средств массовой информации (ч. 1 ст. 13). Уточним, что через формулировку «долга» легализованы и иные рекомендации судьям по взаимодействию со средствами массовой информации:

– судья должен способствовать профессиональному освещению в средствах массовой информации работы суда и судей, так как это не только помогает формированию правосознания граждан и укреплению доверия к суду, повышению авторитета правосудия, но и содействует выполнению средствами массовой информации их важной общественной функции по информированию граждан обо всех социально значимых событиях (ч. 2 ст. 13);

– при освещении судебной деятельности в средствах массовой информации судья должен проявлять осмотрительность, не делать комментариев по существу дел, по которым не принято окончательных судебных актов (ч. 3 ст. 13);

– судья должен проявлять сдержанность и корректность при комментировании решений своих коллег (ч. 4 ст. 13);

Особое внимание уделено ответу судей на публичную критику в аспекте долга проявлять сдержанность и осмотрительность (ч. 6 ст. 13). В тех случаях, когда в результате необоснованной критики действий судьи в средствах массовой информации могут пострадать авторитет и беспристрастность правосудия, предпочтительным является ответ на критику в виде публикации в средствах массовой информации комментария пресс-службы суда и/или органа Судебного департамента, а также органа судейского сообщества. Как видно, реализация принципа взаимодействия связана с реализацией принципа беспристрастности правосудия.

Осуществленный анализ позволил нам сделать вывод, что рассматриваемый принцип взаимодействия конкретизирован и на уровне локального регулирования. Так, в Регламенте Конституционного Суда РФ от 24 января 2011 г. формализованы разнообразные субъекты и объекты взаимодействия высшей конституционно-контролирующей инстанции, что подтверждено следующими установлениями:

– «взаимодействие с иными государственными органами и должностными лицами в ходе предварительного изучения обращения судей, по согласованию с ними, может осуществляться посредством межведомственного электронного документооборота (п. 3 § 27);

– Секретариат Конституционного Суда осуществляет взаимодействие с правоохранительными органами в части поддержания установленного порядка и безопасности в зале судебных заседаний Конституционного Суда (п. 4 § 49);

– Конституционный Суд взаимодействует с иными судами и с органами конституционного (уставного) контроля субъектов Российской Федерации в целях взаимного изучения опыта, осуществления информационного обмена, а с органами конституционного (уставного) контроля субъектов Российской Федерации – также в целях оказания им методической помощи (§ 76)».

Традиционно подробно в Регламенте раскрыто взаимодействие Конституционного Суда со средствами массовой информации (§ 71). Также сделан акцент на взаимодействии с учетом принципов свободы массовой информации, необходимости обеспечения объективности и достоверности информационных сообщений и материалов о деятельности Конституционного Суда, гласности и открытости процесса осуществления конституционного правосудия, соблюдения и защиты при реализации свободы массовой информации иных конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Организацию взаимодействия Конституционного Суда со средствами массовой информации осуществляет Пресс-служба Конституционного Суда.

В качестве оригинального субъекта взаимодействия Конституционного Суда России установлены научные организации (§ 75). Данное взаимодействие осуществляется по вопросам научно-аналитического обеспечения деятельности Конституционного Суда как судебного органа конституционного контроля.

Секретариат Конституционного Суда осуществляет анализ и обобщение научных материалов, включая материалы научных и научно-практических конференций, касающихся организации и осуществления конституционного судопроизводства.

Подчеркнем, что все представленные нами законодательные, подзаконные, локальные и корпоративные варианты взаимодействия рассмотрены по формальному основанию закрепления в нормативных актах соответствующих правоотношений через термин «взаимодействие». Однако в правовой теории взаимодействие интерпретируется и в более широком содержательном смысле, например, как взаимные полномочия органов государственной власти по отношению друг к другу без учета терминологических особенностей глаголов, определяющих взаимодействие.

Для уточнения нашей позиции в части содержательного наполнения конституционно-правового принципа взаимодействия, считаем целесообразным разделить доктринальное мнение в аспекте следующих его видов:

– «процессуального (все контакты, возникающие в связи с реализацией прав и обязанностей субъектами судопроизводства);

– непроцессуального (контакты по ведомственным вопросам, но за пределами процедур судопроизводства);

– внеслужебного (контакты по личным вопросам и, как правило, в нерабочее время и неслужебной обстановке)» [5, с. 45-50]. Последнюю разновидность мы не расцениваем как часть правового принципа взаимодействия. В аспекте первых двух разновидностей отметим, что рассматриваемый нами принцип взаимодействия реализуется в рамках процессуальной и непроцессуальной разновидностей, формализованными в

нормативных правовых актах субъектами по поводу установленных объектов / предметов. Подчеркнем наш авторский подход: доктринальное наполнение содержания конституционно-правового принципа взаимодействия определяется именно терминологической идентичностью, выраженной в использовании в нормативных правовых актах существительного «взаимодействия» или производных от него глаголов. Не отрицая существующие в юриспруденции мнение, относящие к взаимодействию и иные действия, мы все-таки придерживаемся обозначенного формального критерия.

Таким образом, полагаем, принцип взаимодействия судебной власти – служащее обеспечению единства системы органов публичной власти конституционно-закрепленное руководящее начало, конкретизированное нормами законодательного, подзаконного, локального и корпоративного уровней, позволяющее органам судебной власти осуществлять взаимные целеобусловленные контакты с иными конституционно-правовыми субъектами.

Принцип взаимодействия определяет процессуальную и непроцессуальную деятельность органов судебной власти, судей, органов судейского сообщества и лиц, обеспечивающих деятельность суда в контакте с

– субъектами публичной власти национального и наднационального уровней по поводу финансирования судов; обеспечения установленного порядка деятельности судов, а также принципов независимости и неприкосновенности судей (с соблюдением принципов самостоятельности органов судебной власти, независимости судей и их подчиненности только Конституции Российской Федерации и федеральным законам); поддержания установленного порядка и безопасности в зале судебных заседаний; изучения опыта, оказания методической помощи; повышения эффективности координации деятельности правоохранительных органов; запросов о правовой помощи; вызова свидетеля, потерпевшего, эксперта, гражданского истца, гражданского ответчика, их представителей, находящихся за пределами территории Российской Федерации;

– с субъектами различной правовой природы в связи обеспечением установленного порядка деятельности судов; объективным, достоверным и оперативным информированием пользователей информацией о деятельности судов; научно-аналитическим обеспечением деятельности суда.

Литература

1. Мархгейм М.В. Взаимодействие как конституционный принцип // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 1 (92). С. 50-53.

2. Жбанкова И.И. Философские принципы в научном познании. Минск: Наука и техника, 1974. 248 с.
3. Синцов Г.В. Правовое регулирование взаимодействия судов со средствами массовой информации // Администратор суда. 2016. № 4. С. 37-39.
4. Борисов А.Н. Комментарий к Федеральному закону от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» (постатейный). М.: Юстицинформ, 2009. 248 с.
5. Черемисина Т.В. Этические аспекты взаимодействия следователя и суда // Российский судья. 2019. № 7. С. 45-50.

Тульнев Михаил Анатольевич,
юрисконсульт Центра медиации НИУ «БелГУ»,
кандидат юридических наук
(Белгород, Россия)

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕАГИРОВАНИЯ НА ВЫЯВЛЕННЫЕ КОНСТИТУЦИОННЫМ СУДОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРОБЕЛЫ И КОЛЛИЗИИ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые проблемы законодательного реагирования на пробелы и коллизии, выявленные Конституционным Судом Российской Федерации в правовом регулировании. На основе анализа конституционных и законодательных положений, решений Конституционного Суда и практики реагирования на них законодательных и исполнительных органов сделан вывод о востребованности действенного механизма претворения в жизнь решений Конституционного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации, правовое регулирование, защита прав и свобод человека.

Витрук Николай Васильевич своим научным творчеством и профессиональной деятельностью был тесно связан с Конституционным Судом Российской Федерации: 1991-2003 гг. – судья Конституционного Суда, 1991-1995 гг. – заместитель Председателя Конституционного Суда, 1993-1995 гг. – исполнял обязанности Председателя Конституционного Суда. Витруку Н.В. принадлежит обоснование нового тогда сегмента научной специальности, а именно «конституционный судебный процесс». Поэтому, вспоминая о нем,

невольно выстраивается тесное сопряжение именно с конституционным правосудием. По словам Н.В. Витрука, «Суд был и остается органом, олицетворяющим судебную власть, именно ту власть, которая в значительной большей мере и эффективнее, чем другие ветви государственной власти, способна охранять и защищать права, свободы и обязанности личности, иные правовые ценности» [1, с. 374].

Конституционный Суд Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ), осуществляя в том числе конституционный конкретный нормоконтроль, проверяет на соответствие Конституции Российской Федерации (далее – Конституции РФ) положения иных нормативных правовых актов, которые применены или которые планируется применить по конкретному делу в ином виде судопроизводства.

Согласно ст.6 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 09 ноября 2020) «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее – Закон о Конституционном Суде РФ) решения данного органа обязательны на всей территории Российской Федерации для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений.

Статьей 80 Закона о Конституционном Суде РФ на Правительство Российской Федерации возложена обязанность после опубликования постановления Конституционного Суда РФ, которым нормативный акт признан не соответствующим Конституции РФ полностью или в части либо из постановления Конституционного Суда РФ о признании нормативного акта либо отдельных его положений соответствующими Конституции РФ в данном Конституционным Судом РФ истолковании вытекает необходимость устранения пробела или противоречий в правовом регулировании, не позднее шести месяцев со дня опубликования указанного постановления внести в Государственную Думу Федерального Собрания РФ проект закона либо законопроект о внесении изменений в действующие законы с целью принятия Государственной Думой нового закона, который бы соответствовал Конституции РФ, либо законопроекта о внесении изменений с целью нивелирования обнаруженных органом конституционного нормоконтроля пробелов и противоречий в текущем нормативно-правовом регулировании.

Вместе с тем анализ судебной практики в части конкретных решений Конституционного Суда РФ показал, что, несмотря на закрепленную на уровне федерального конституционного закона высокую обязанность федерального Правительства по внесению законопроекта в Государственную Думу с целью устранения обнаруженных пробелов и противоречий и вышеуказанную

всеобщую обязанность всех органов государственной власти (в том числе представительных и исполнительных) по исполнению решений Конституционного Суда РФ, последние не всегда детерминируют последующее изменение действующего нормативно-правового регулирования, которое зачастую сохраняет статус-кво – остается дефектным с точки зрения соответствия Конституции РФ либо придаваемого правоприменительной практикой истолкования, противоречащего конституционным нормам.

Неисполнение органами исполнительной (обязанность по инициированию законотворческого процесса) и законодательной (обязанность приведения в соответствие с правовыми позициями Конституционного Суда РФ и требованиями правовой определенности нормативных правовых актов) власти своих обязанностей влечет длящееся ущемление прав, свобод и законных интересов конкретных людей, вовлеченных в орбиту судопроизводства по конкретным гражданским, уголовным, административным делам, по которым применены нормы права, противоречащие Конституции РФ либо обладающие пороками правовой неопределенности и противоречивости. Принятие Конституционным Судом РФ постановлений по жалобам этих лиц не всегда обуславливает пересмотр решений по конкретным делам, поскольку Конституционный Суд РФ ввиду противоречивости нормативно-правового регулирования вправе в своем постановлении указать, что решение заявителя не будет пересмотрено на основании данного постановления в обычном предусмотренном процессуальным законодательством порядке (постановление Конституционного Суда РФ как процессуальное основание для возобновления производства по конкретному делу и пересмотра вынесенных судебных актов ввиду нового обстоятельства).

В силу ч. 3 ст. 100 Закона о Конституционном Суде РФ, если пересмотр дела до внесения изменений в правовое регулирование в соответствии с постановлением Конституционного Суда РФ невозможен, Конституционный Суд РФ указывает в постановлении, что пересмотр осуществляется после внесения таких изменений.

Кроме того, признавая примененные по конкретному делу положения федерального закона не соответствующими Конституции России, обязывая федерального законодателя на основании выработанных конституционно-правовых подходов внести соответствующие изменения в действующее нормативно-правовое регулирование, Конституционный Суд РФ может и не указать на необходимость пересмотра решения по делу заявителя на основании его постановления. При этом федеральный законодатель, устанавливая соответствующее правовое регулирование, не лишен возможности определить особенности приведения в соответствие с ним существующих правоотношений,

в том числе сложившихся на основе состоявшихся судебных решений, чтобы обеспечить баланс прав и законных интересов участников этих правоотношений (Постановление Конституционного Суда РФ от 17 января 2019 по делу о проверке конституционности статьи 19.1 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» в связи с жалобой гражданина Е.Г. Финкельштейна).

Отметим, что в вышеуказанном постановлении Конституционного Суда РФ рассматривался вопрос об ограничениях для граждан Российской Федерации, состоящих в гражданстве иностранного государства, в правах владения, контроля и управления юридическими лицами – учредителями средств массовой информации и организациями, осуществляющими вещание. Конституционный Суд РФ пришел к выводу о наличии правовой неопределенности в нормативно-правовом регулировании данной сферы, указал, что явившееся основанием к рассмотрению спора в плоскости конституционного судопроизводства гражданское дело в арбитражном суде подлежит пересмотру только после внесения изменений в правовое регулирование возможности (невозможности) осуществления заявителем (гражданином РФ, имеющим иностранное гражданство) корпоративных прав участника корпорации (организации, осуществляющих радиовещание), предусмотренных ст.65.2 Гражданского кодекса РФ, в том числе права на обжалование сделок юридического лица, в котором заявитель является соучредителем.

Представляется интересным, что в описательно-мотивировочной части рассматриваемого постановления Конституционный Суд РФ недвусмысленно сформулировал правовую позицию, согласно которой, ввиду того, что реализация права оспаривать совершенные обществом сделки, а равно обжаловать решения органов управления общества, влекущие гражданско-правовые последствия, сама по себе, в отличие от реализации иных корпоративных прав, не связана с влиянием на вещательную политику организации (т.е. не сопряжена с изготовлением (производством) радиопрограмм и (или) иных звуковых сообщений и материалов и их распространением), ограничение права на судебную защиту принадлежащих участнику общества имущественных прав и законных интересов, связанных с деятельностью общества, не может быть оправдано целью рассматриваемого правового регулирования. Целью ограничения для граждан России, обладающих иностранным гражданством, возможности владеть, управлять и контролировать средства массовой информации является обеспечение информационной безопасности России, чтобы «иностраный элемент» не смог

определять вещательную политику, которая непосредственным образом влияет на формирование общественного мнения.

Противоречие Конституционный Суд РФ усмотрел в том, что необходимо разграничивать экономические интересы собственника СМИ, связанные с извлечением прибыли, а для этого такому учредителю с иностранным бэкграундом необходимо предоставить корпоративные права, связанные с возможностью оспаривания сделок юридического лица, собственником которого такое физическое лицо является, и интересы собственника, связанные с дачей обязательных для выполнения указаний по формированию вещательной политики и распространяемого контента средства массовой информации. Мы солидаризуемся с мнением Конституционного Суда РФ о том, что ограничение всех прав, в том числе чисто корпоративных, связанных с экономическими интересами, гражданина Российской Федерации, имеющего гражданство иностранного государства, не укладывается в рамки ст. 55 Конституции России, очертившей пределы ограничения конституционных прав. Однако данная проблема подлежит дальнейшему обсуждению вне рамок настоящей статьи.

Отметим то, что с момента вынесения обсуждаемого нами постановления прошло более двух лет, однако изменения в ст.19.1 Закона о СМИ до настоящего времени не внесены. Соответственно, на протяжении долгих лет остается не разрешенным вопрос о правовом статусе гражданина Е.Г. Финкельштейна, экономические интересы которого по конкретному делу очевидно ущемлены и не восстановлены в связи с бездействием федерального Правительства и Государственной Думы.

Учитывая вышеизложенное, подчеркнем, что Конституционный Суд РФ обладает эффективными полномочиями по «санитаризации» действующего нормативно-правового регулирования с тем, чтобы оно с достаточной степенью правовой определенности укладывалось в рамки «конституционного поля». При этом как бы ни был категоричен Конституционный Суд РФ в формулировании своих правовых позиций и указаниях федеральному законодателю, несмотря на наличие прямой обязанности устранять пробелы и противоречия, выявленные органом конституционного нормоконтроля, данный механизм не будет обуславливать в каждом случае фактическое инициирование процесса по устранению выявленных Конституционным Судом РФ пробелов и противоречий ввиду отсутствия какой-либо конституционно-правовой ответственности органов исполнительной и представительной власти. По словам Н.В. Витрука, «практика современного государственно-правового строительства показывает, что проблема конституционно-правовой ответственности для современной России является злободневной.

Общественностью в научной литературе, в средствах массовой информации ставится вопрос о формировании конституционно-правовой и уставно-правовой ответственности органов публичной власти...» [2, с. 101] В связи с изложенным актуализируется проработка вопроса о действенном механизме претворения в жизнь решений Конституционного Суда Российской Федерации.

Литература

1. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. – М. : Норма, 2008. 448 с.
2. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности: Монография. – М.: РАП, 2008. 324 с.

Чаплицкий Федор Федорович,
старший лейтенант полиции,
старший инспектор ДПС ГИБДД УМВД России по г. Белгороду,
кандидат юридических наук
(Белгород, Россия)

ПРИСЯГА В ОВД: ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. В статье проанализированы тексты присяги, которую в разные исторические периоды приносили сотрудники органов внутренних дел. Сделан вывод, что несмотря на изменения функций, полномочий, статуса сотрудника органов внутренних дел присяга была атрибутом службы, текстуально варьировалась в связи с «требованием дня», ориентировалась на служение народу страны, в том числе путем поддержки государственности и стабилизации обстановки.

Ключевые слова: присяга, полиция, милиция, органы внутренних дел.

При изучении присяги в органах внутренних дел России, в частности, в полиции, представляется интересным проанализировать трансформации текстов присяги с момента появления полиции как отдельной структуры ОВД (1718 г.) и по настоящее время во взаимосвязи с этапами государственного строительства нашей страны.

Как и многое другое в современной России, полиция обязана своим возникновением указам Петра Великого, изданным в начале XVIII столетия. Петр позаимствовал термин «полиция» из западной Европы, как и прочие государственные реформы. В 1718 г. был учрежден новый пост генерал-полицмейстера, что и определяется моментом зарождения полиции как отдельного структурного органа внутренних дел. Полиция, не имея в то время

четких полномочий, занималась в основном контролем за завышением цен на рынках, а также выявлением лиц, праздно шатающихся по городу и приобщением их к работе во благо государства. Как таковой отдельной присяги сотрудника полиции при Петре I не было. Сотрудники полиции приносили присягу воинскую следующего содержания «Я (имярек), обещаюсь Всемогущим Богом верно служить Его Величеству Петру Первому, Царю и Самодержцу Всероссийскому, и протчая, и протчая, и наследникам со всею ревностью, по крайней силе своей, не щадя живота и имения. И долженствую исполнять все указы и уставы сочинённые, иже впредь сочиняемые от Его Величества и его Государства. И должен везде, во всяких случаях интерес Его Величества и Государства предостерегать и охранять, и извещать, что противное услышу и всё вредное отвращать. А неприятелем Его Величества и его Государства везде всякий удобьвозможный вред приключать, о злодеях объявлять и их сыскивать. И всё протчее, что к пользе Его Величества и его Государства, чинить по доброй Христианской совести, без обману и лукавства, как доброму, честному человеку надлежит, как должен ответ держать в день Судный. В чём да поможет мне Господь Бог Всемогущий» [<https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2008/>].

20 ноября 1721 г. по Указу Петра I «О учинении присяги на каждый чин, как военным и гражданским, так и духовным лицам: а солдатам, при определении в службу» и русские солдаты, и полицейские стали приносить присягу на верность службе, офицеры присягали при каждом повышении в чине. Также в утвержденном Петром I Регламенте или Уставе Главного Магистрата (1721 г.) говорилось: «...Полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобства» [<https://cyberleninka.ru/article/n/politsiya-est-dusha-grazhdanstva-i-vseh-dobryh-poryadkov>].

Из текста присяги видно, что полиции, еще не имевшей четких границ полномочий, предписывалось исполнение действующего законодательства, следование ему и пресечение попыток его нарушения, а также верное служение царю. При этом в клятве имеются строки говорящие о том, что клятву приносили исключительно люди, исповедующие христианство.

Изменение Александром I административной структуры, когда было учреждено Министерство внутренних дел в качестве отдельно и самостоятельно функционирующего. В его составе был выделен Департамент спокойствия и благопристойности. Определение четких полномочий полиции, казалось бы, должно повлиять на текст присяги ее сотрудника. Однако этого не случилось.

Изменения, коснувшиеся полиции, связаны с правлением Александра II. Круг полномочий полиции существенно расширился: борьба с преступностью, контроль пьянства, чистоты улиц, безопасность на железнодорожном транспорте. Это были явно не военные функции, но текст присяги оставался единым для военных и полицейских. Именовалась она так «Воинская присяга на верность службы Царю и Отечеству».

Позднее и вплоть до 1917 г. текст присяги уже включал титулы и имя императора и был следующим: «Я, ниже поименованный, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом пред святым его Евангелием в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемиловитейшему Великому Государю Императору Николаю Александровичу, Самодержцу Всероссийскому и законному Его Императорского Величества Всероссийского Престола Наследнику, верно и нелицемерно служить, не щадя живота своего, до последней капли крови, и все к Высокому Его Императорского Величества Самодержавству, силе и власти принадлежащая права и преимущества, узаконенные и вперед узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности исполнять. Его Императорского Величества Государства и земель Его врагов, телом и кровию, в поле и крепостях, водою и сухим путем, в баталиях, партиях, осадах и штурмах и в прочих воинских случаях храброе и сильное чинить сопротивление, и во всем стараться споспешествовать, что к Его Императорского Величества верной службе и пользе государственной во всяких случаях касаться может. Об ущербе же Его Величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допускать потщуся и всякую вверенную тайность крепко хранить буду, а предоставленным надо мною начальникам во всем, что к пользе и службе Государства касаться будет, надлежащим образом чинить послушание и все по совести своей исправлять, и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды против службы и присяги не поступать, от команды и знамя, где принадлежу, хотя в поле, обозе, или гарнизоне никогда не отлучаться; но за оным, пока жив, следовать буду, и во всем так себя вести и поступать, как честному, верному, послушному, храброму и расторопному солдату надлежит. В чем да поможет мне Господь Бог Всемогущий. В заключение же сей моей клятвы целую слова и крест Спасителя моего. Аминь». [<https://zaweru.ru/449-prisyaga-gosudaryu-imperatoru-nikolayu-vtoromu.html>].

Судя по тексту, присяга также оставалась общей для всех, служивших императору, и в ней последовательно присутствовал религиозный фактор.

Революции 1917 г. (февральская и октябрьская) существенно сказались на полиции: старые полицейские структуры были распущены Временным

правительством, а учреждена гражданская милиция, подчинявшаяся местным советам депутатов. При этом полностью изменившийся текст присяги, именованный «клятвенным обещанием», остался единым для военнослужащих и полицейских. Так, в марте-апреле 1917 года войска присягали Временному правительству А.Ф. Керенского по тексту: «Клянусь честью офицера (солдата) и обещаю перед Богом и своей совестью быть верным и неизменно преданным Российскому Государству, как своему Отечеству. Клянусь служить ему до последней капли крови, всемерно способствуя славе и процветанию Российского Государства. Обязуюсь повиноваться Временному Правительству, ныне возглавляющему Российское Государство, впредь до установления образа правления волею народа при посредстве Учредительного собрания. Возложенные на меня служебные обязанности буду выполнять с полным напряжением сил, имея в помыслах исключительно пользу государства и не щадя жизни ради блага Отечества. Клянусь повиноваться всем поставленным надо мною начальникам, чиня им полное послушание во всех случаях, когда этого требует мой долг офицера (солдата) и гражданина перед Отечеством. Клянусь быть честным, добросовестным, храбрым офицером (солдатом) и не нарушать клятвы из-за корысти, родства, дружбы и вражды. В заключение данной мною клятвы осеняю себя крестным знаменем и ниже подписываюсь» [<https://topwar.ru/2686-kak-transformirovalsya-tekst-voinskoj-prisyagi-v-rossii.html>].

После событий октября 1917 г. большевики были вынуждены создавать милицию заново. Основопологающим стало то, что милиция впервые получила свой собственный текст присяги, утвержденный 25 апреля 1918 г. ВЦИК под названием «Формула торжественного обещания»: «Я, сын трудового народа, гражданин Советской Республики, принимаю на себя звание красного милиционера рабоче-крестьянской милиции. Перед лицом трудящихся классов Советской России и всего мира обязуюсь носить это звание с честью, добросовестно изучать военное милицейское дело и как зеницу ока охранять военное и народное имущество от порчи и расхищения. Я обязуюсь по первому зову рабоче-крестьянского правительства выступить на защиту Советской Республики от всяких опасностей и покушений со стороны её врагов, и в борьбе за Федеративную Республику, за дело социализма, братства народов – не щадить ни своих сил, ни жизни» [<https://kprf.ru/ruso/188245.html>].

Несмотря на то, что эта формула торжественного обещания адресовалась милиционерам, ее текст был практически идентичен военной присяге. Обращает на себя внимание и то, что в тексте присяги не используются религиозные речевые окраски.

В последующие периоды государственного строительства в Советском Союзе сохранялась тенденция на принесение присяги милиционерами. Однако ее текст менялся в связи со стоящими задачами. Так, 03 января 1939 г. Указом Президиума Верховного совета СССР были утверждены не только тексты присяги «О тексте Военной присяги Рабоче-Крестьянской Красной Армии», «О тексте Военной присяги Рабоче-Крестьянского Военно-Морского Флота», но и порядок приведения к присяге «О приведении к присяге Рабоче-Крестьянской Армии, Рабоче-Крестьянского Военно-Морского Флота и Войск Пограничной Охраны». Содержательно текст присяги был следующий: «Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным бойцом, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров, комиссаров и начальников. Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему народу, своей Советской Родине и Рабоче-Крестьянскому Правительству. Я всегда готов по приказу Рабоче-Крестьянского Правительства выступить на защиту моей Родины – Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Рабоче-Крестьянской Красной Армии, я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами. Если же по злему умыслу я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся» [<https://ru.wikisource.org/wiki/>].

Советские милиционеры принимали подобную присягу, обязуясь в том числе хранить военную и государственную тайну, беспрекословно исполнять приказы командиров.

Присяга рядового и начальствующего состава органов внутренних дел с 1973 г по 1992 гг. имела нижеследующий текст, утвержденный Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 октября 1973 г.: «Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, поступаю на службу в органы внутренних дел, принимаю Присягу и торжественно клянусь до конца оставаться преданным своему народу, социалистической Родине и делу коммунистического строительства, быть честным, мужественным, дисциплинированным, бдительным работником, образцово нести службу, строго соблюдать социалистическую законность, хранить государственную и служебную тайну. Я клянусь добросовестно и беспрекословно выполнять все возложенные на меня обязанности, требования уставов и приказов, не щадить своих сил, а в случае необходимости и самой жизни, при охране советского

общественного и государственного строя, социалистической собственности, личности и прав граждан и социалистического правопорядка. Если же я нарушу эту мою торжественную Присягу, то пусть меня постигнет наказание по всей строгости советского закона» [<https://www.alppp.ru/law/bezopasnost-i-ohrana-pravoporjadka/80/prikaz-mvd-sssr-ot-06-03-1979--80.html>].

В девяностые годы XX в. с учетом того, что Советский Союз как геополитическая реальность перестал существовать, потребовалось принятие новой присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации. Ее нижеследующий текст был утвержден Постановлением Верховного Совета РФ от 23 декабря 1992 г: «Я (фамилия, имя, отчество), поступив на службу в органы внутренних дел, присягаю на верность народам Российской Федерации. Клянусь соблюдать Конституцию и законы Российской Федерации, уважать и соблюдать права и свободы человека и гражданина, добросовестно выполнять приказы начальников и возложенные на меня служебные обязанности. Клянусь достойно переносить связанные со службой в органах внутренних дел трудности, быть честным, мужественным, бдительным сотрудником, хранить государственную и служебную тайну. Клянусь, не щадя своей жизни, охранять установленный Конституцией и законами Российской Федерации правовой порядок. Если же я нарушу принятую мной Присягу, то готов нести ответственность, установленную законами Российской Федерации. Служа Закону – служу – народу!» [<https://base.garant.ru/1305454/948c9c0734b6e944a4727660f2d5a027/>].

Отличительная черта данного текста присяги – отдельное упоминание Конституции, чем подчеркивался ее статус и значимость охраны прав и свобод человека и гражданина.

Новейший этап преобразования присяги сотрудника ОВД был связан с переименованием в 2011 г. российской милиция в полицию. Федеральным законом от 30 ноября 2011 г. № 342 «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» установлен новый текст присяги полиции: «Я, (фамилия, имя, отчество), поступая на службу в органы внутренних дел, торжественно присягаю на верность Российской Федерации и ее народу! Клянусь при осуществлении полномочий сотрудника органов внутренних дел: уважать и защищать права и свободы человека и гражданина, свято соблюдать Конституцию Российской Федерации и федеральные законы; быть мужественным, честным и бдительным, не щадить своих сил в борьбе с преступностью; достойно исполнять свой служебный долг и возложенные на меня обязанности по обеспечению безопасности, законности и правопорядка,

хранить государственную и служебную тайну. Служу России, служу Закону!» [http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/].

Отметим, что действующий текст присяги сотрудника органов внутренних дел стал не столь «многословным». При этом оказались «потерянными» важные организующие требования добросовестного выполнения приказов начальников, соблюдения иных, кроме Конституции и федеральных законов, нормативных правовых актов, о неблагоприятных последствиях в случае нарушения присяги.

Подытоживая, отметим, что несмотря на изменения функций, полномочий, статуса сотрудника органов внутренних дел присяга была атрибутом службы, текстуально варьировалась в связи с «требованием дня», ориентировалась на служение народу страны, в том числе путем поддержки государственности и стабилизации обстановки.

Артыков Джафар Зафаржонович
аспирант кафедры конституционного и
международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
(Таджикистан)

Научный руководитель – проф. М.В. Мархгейм
(Белгород, Россия)

АМНИСТИЯ КАК АКТ ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИЗМА

Аннотация. В статье на основе конституционных положений об аксиологическом статусе человека, его прав и свобод рассмотрена амнистия как акт государственного гуманизма и милосердия, направленной на смягчение юридической участи лиц, подвергаемых ответственности и наказанию. Сделан вывод, что амнистия – акт особой конституционной природы, выражающийся в освобождении от мер, в которых реализуется уголовная ответственность лиц, совершивших означенным актом об амнистии преступления до установленной в этом акте даты.

Ключевые слова: конституция, права и свободы человека, гуманизм, амнистия.

В конституционном признании человека высшей ценностью отражен принцип гуманизма, выражающийся не только в обязанности Российского государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и

гражданина, но и заботу о человеке, о всемирном развитии его духовных и физических качеств, материальных условиях жизни, что особенно акцентировано в обновленном тексте Конституции Российской Федерации, одобренном в результате общероссийского голосования 2020 г. Духом гуманизма пронизаны базовые ценности, отраженные в преамбуле Конституции России, равно как и все конституционные нормы, связанные с правами и свободами личности. По признанию Н.В. Витрука, неоспоримо влияние на его творчество «гуманистического духа, характерного для умонастроения большинства ученых тех лет» [1, с. 10].

Гуманизм – это прежде всего мировоззрение, которое исходит из того, что человек представляет собой высшую, самодостаточную и самоосознающую ценность, считает бесчеловечным все, что способствует его отчуждению, и отвергает идею существования «сверхчеловека» [2, с. 271].

Принцип гуманизма выступает в качестве одного из первичных и основных положений права. Именно поэтому сквозь призму прав и свобод человека прописаны практически все конституционные положения, ведь согласно ст. 18 Конституции России «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием».

Приведенная конституционная формулировка имеет общий характер и включает в себя права и свободы даже тех лиц, которые преступили закон, с учетом соответствующих ограничений их правового положения. Применительно к этой группе лиц следует констатировать, что гуманизм выражается в сочетании юридического наказания с педагогическим воздействием на осуждённых в целях их исправления и перевоспитания, а также для предупреждения совершения новых преступлений, охраны общества от преступных посягательств через силу неотвратимости справедливого наказания.

Гуманизм адресуется также лицам, на которых по прерогативному решению соответствующих государственных органов распространяются амнистия и помилование – виды государственного прощения за виновное деяние. В данной статье уделим внимание амнистии.

Амнистия – это мера, применяемая по решению органа государственной власти к лицам, которые совершили преступление, сущность которой

заключается в полном или частичном освобождении от наказания, либо замене наказания на более мягкое или прекращении наказания.

Амнистия, по словам Н.В. Витрука, «является специфическим основанием освобождения от уголовной ответственности и ее последствий» [3, с. 260]. Как указал в своем Постановлении от 5 июля 2001 г. Конституционный Суд Российской Федерации, в акте об амнистии реализуются гуманистические задачи, а сама амнистия является актом милости, исходя, прежде всего из веры в добро и справедливость.

Амнистия реализуется не только в рамках уголовно-правовых отношений. Высказываются позиции, что данный институт, будучи отраженным в нормах конституционного, уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и других отраслей права, является межотраслевым. Единого мнения по вопросу, к какой отрасли права относить данный институт, пока не сложилось. Однако, согласны, что основой «института амнистии являются конституционно-правовые нормы, которые характеризуют амнистию как акт государственной власти, заключающий в себе такие принципы государственности как милосердие и гуманизм» [4]. В пользу конституционного происхождения амнистии высказывались и советские ученые, аргументируя свое мнение тем, что амнистия получила непосредственное закрепление в Конституции [5].

Люблинский П.И., расценивая амнистию в качестве права личности, полагал, что «амнистия есть акт, посредством которого власть запрещает начинать или продолжать какие-либо преследования или приводить в исполнение обвинительные приговоры по отношению к нескольким лицам, специально указанным по ряду учиненного ими деяния» [6, с. 39]. Им выделены следующие признаки, отграничивающие амнистию от помилования: помилование персонально; амнистия применяется не в отношении конкретных лиц, а в отношении лиц, совершивших определенный вид преступлений [6, с. 40-50]. Аналогично высказывался и Н.В. Витрук, что одним из существенных признаков, отличающих амнистию от помилования», выступает распространение первой «на всех лиц, отвечающих установленным требованиям» [3, с. 260].

Амнистию нередко именуют институтом освобождения от уголовной ответственности. Например, М.В. Мархгейм отмечает, что амнистия – «акт особой конституционной природы, освобождающий от уголовной ответственности (или смягчающий уголовную ответственность) лиц, совершивших означенные актом об амнистии преступления до установленной в

этом акте даты» [7, с. 151]. Однако вернее здесь позиция А.П. Фильченко, согласно которой «при реализации актов амнистии точнее говорить не об освобождении от уголовной ответственности, а об освобождении от мер, в которых реализуется уголовная ответственность. Правовые последствия помилования могут заключаться в освобождении от отбывания наказания, сокращении срока наказания, его смягчения, снятия судимости» [8].

Однако объявление амнистии само по себе не решает проблемы борьбы с преступностью, перенаселения исправительных учреждений и улучшения условий содержания осужденных. Более того, в последнее время достаточно распространенной стала точка зрения, согласно которой целесообразность существования института амнистии подвергается серьезной критике. В деле совершенствования амнистии, практики ее применения важное значение имеет знание личностных свойств амнистированных. С этими упреками в адрес амнистии можно согласиться, что обуславливает дополнительную научную разработку института амнистии. Однако сам факт конституционного учреждения амнистии не позволяет игнорировать данный институт. В России прерогатива объявления амнистии конституционно отнесена к полномочиям Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Она, принимая акт об амнистии руководствуется «принципами гуманизма, которые могут дополняться, например целями национального примирения, достижения гражданского мира и согласия, урегулирования политическими средствами... конфликта и т.д.» [7, с. 151].

В Конституции Республики Таджикистан [9] также учреждена амнистия. В соответствии с ее ст. 59, объявление амнистии относится к ведению Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан, который оформляет решение по этому вопросу в форме закона. При этом законопроект об амнистии вносится в Маджлиси намояндагон Президентом Республики Таджикистан.

Представляется, что значимость амнистии в Конституции Республики Таджикистан не имеет достойного обоснования. Последнее можно аргументировать тем, что решение вопросов, связанных с ее объявлением и применением, входит в полномочия только одной палаты парламента – Маджлиси намояндагон, а не обеих палат. Более того, согласно Конституции Республики Таджикистан, Маджлиси намояндагон лишен как права, так и возможности самостоятельно рассматривать этот вопрос, он поставлен в зависимость от воли и решения Президента Республики Таджикистан. Решение вопроса об амнистии следовало бы отнести к компетенции Маджлиси Оли

Республики Таджикистан в целом, с его предварительным отдельным обсуждением в двух мажлисах парламента – Маджлиси намояндагон и Маджлиси милли.

Подытоживая, отметим, что амнистия исторически есть акт государственного прощения, реализуемого на основе принципа гуманизма, сочетающегося с необходимостью активизации борьбы с преступностью.

Амнистия – акт особой конституционной природы, выражающийся в освобождении от мер, в которых реализуется уголовная ответственность лиц, совершивших означенным актом об амнистии преступления до установленной в этом акте даты.

Применение амнистии показывает проявление гуманизма демократического правового государства, уважения прав и доверия к лицам, совершившим преступление. Акты об амнистии носят нормативный характер и распространяются на индивидуально неопределенный круг лиц: на всех лиц, отвечающих условиям амнистии.

Литература

1. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. – М. : Норма, 2008. 448 с.
2. Новейший философский словарь. Минск, 2003. С. 271
3. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности: Монография. – М. : Норма, 2008. 324 с.
4. Баранникова И.Г. Амнистия как институт конституционного права Общество и право. 2009. № 4 (26). С.70-73.
5. Келина С.Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности: М., 1974.
6. Люблинский П. И. Право амнистии: историко-догматическое и политическое исследование. – СПб.: Сенатская типография, 1907.
7. Мархгейм М.В. Защита прав и свобод человека и гражданина в современной России: системная конституционная модель, проблемы ее функционирования и совершенствования. Монография. – Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2005. 200 с.
8. Фильченко А.П. Амнистия как основание прекращения отношения уголовной ответственности // Теория и практика общественного развития. 2012. № 11. С. 371-374.
9. Конституция Республики Таджикистан. Душанбе. Гандж. 2016.

Афанасьева Мария Павловна
соискатель кафедры конституционного и международного права,
юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАВНОДОСТУПНОСТИ ПУБЛИЧНОЙ
СЛУЖБЫ:
ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ
КОНСТИТУЦИОННЫЕ АНАЛОГИИ**

Аннотация. В данной статье на основе анализа конституционных норм ряда иностранных государств, а также статистических данных, полученных с официальных сайтов соответствующих органов публичной власти, осуществлен анализ обеспечения равного доступа к государственной и муниципальной службе. В ходе этого был установлен круг условий реализации данного конституционного права на разных уровнях и видах публичной службы зарубежных стран.

Ключевые слова: конституция, публичная служба, государственная служба, муниципальная служба, право равного доступа к публичной службе

Обеспечение равенства доступа к публичной службе в механизме реализации ч. 1 ст. 32 Конституции Российской Федерации, исходит, прежде всего, из определенной связи между нормами ее ст. 19 и частей 1 и 4 ст. 32. С одной стороны, принцип равноправия – самостоятельный конституционный принцип, имеющий фундаментальное значение (ст. 19). С другой – в аспекте реализации права граждан на участие в управлении делами государства (ч. 1 ст. 32) он приобретает, в некоторой степени, служебное (вторичное, второстепенное) содержание. Об этом свидетельствуют и нормы ч. 4 ст. 32 Конституции России.

Диспозиция ч. 1 ст. 32 Конституции выглядит также весьма неоднозначно. Под «непосредственно» понимается, прежде всего, прямая демократия (голосование на референдуме и выборах, участие в митингах, собраниях, шествиях, пикетированиях, обращения, петиции и т.д.), народное представительство (наделение полномочиями Президента Российской Федерации, депутатов Государственной Думы, иных выборных органов и должностных лиц), и лишь затем – равный доступ к публичной службе и участие в отправлении правосудия.

Анализ конституций ряда зарубежных государств показывает, что не во всех из них принята за основу данная модель конституционного регулирования участия граждан в управлении делами государства.

Во многих странах (Албания, Япония, Болгария) мы вообще не видим какого-либо упоминания о праве граждан на равный доступ к публичной службе, речь идет только об активном и пассивном избирательном праве. В конституциях этих стран право на равный доступ к публичной службе не запрещается, но и не гарантируется. Оно полностью замещается указанием на избирательную систему [1, с. 38; 2, 118].

Наиболее яркое выражение эта модель правового регулирования нашла в Чехии (ст. 21 Хартии основных прав и свобод) [3]. Согласно этому документу «граждане имеют право участвовать в управлении публичными делами непосредственно или путем свободных выборов своих представителей», т.е. право участвовать в управлении публичными делами отождествляется с формами выражения прямого и представительного народовластия. Право на равный доступ к публичной службе при таком подходе не может считаться компонентом права участия в управлении публичными делами.

Вторую группу конституций зарубежных стран представляют собой учредительные акты, в которых активное и пассивное избирательное право, напротив, не выделяются, т.к. они являются компонентами более широких по содержанию прав. В их числе, например, субъективное право: «на равный доступ к публичным функциям и обязанностям» (ст. 24 Конституции Андорры), «участвовать в управлении государством» (ст. 27 Конституции Армении), «участвовать в общественной деятельности» (ст. 14 Конституции Финляндии).

Подчеркнем, что Конституция России, строго говоря, не может быть отнесена к этой группе, т.к. в отечественной правовой системе одновременно позиционируются, с одной стороны, право граждан на участие в управлении делами государства, с другой – его основные компоненты (активное и пассивное избирательное право, право на равный доступ к государственной службе, право участвовать в отправлении правосудия) [4, с. 8; 5, с. 9; 6, с. 7]. В конституциях упомянутых зарубежных стран более широкое субъективное право (право на доступ к публичным функциям, участвовать в управлении государством и т.д.) полностью поглощает другие субъективные права, включая равенство доступа к публичной службе.

Третью группу анализируемых конституций зарубежных стран представляют собой основные законы государств, в которых в целом и за основу принята модель правового регулирования, которая характерна для нормативного содержания ст. 32 Конституции Российской Федерации (право на

участие в управлении делами государства «плюс» активное и пассивное избирательное право, право на равный доступ к государственной службе и право на участие в отправлении делами правосудия). Принятие данной модели не означает, что конституционные решения в этих странах являются тождественными российскому опыту. Более того, многие зарубежные конституции демонстрируют ряд более точных, емких и верных конституционных формулировок, которые могли бы использоваться в российской практике.

Так, ст. 54 и ст. 55 Конституции Азербайджана разграничивают «право на участие в политической жизни» и «право на участие в управлении государством», причем в составе последнего гарантируется «право служить в государственных органах». Нетрудно заметить, что право «на равный доступ» не равнозначно праву «служить». Методологически оно схоже с правом «быть избранным» (не в том смысле, что любому желающему можно рассчитывать на победу на выборах или на административное назначение, но в смысле наличия такой юридической возможности вследствие действия конституционных принципов всеобщности и равенства).

В Республике Беларусь Конституция дифференцирует «право участвовать в решении государственных дел» и «непосредственное участие граждан в управлении делами общества и государства» (ст. 37 Конституции Беларуси), что обеспечивается, однако, путем референдумов и публичных обсуждений государственных решений [7, 8, 9]. Активное и пассивное избирательное право в этой стране «выделены» в отдельную категорию (ст. 38 Конституции Беларуси) так же, как и «право равного доступа к любым должностям в государственных органах» (ст. 39 Конституции Беларуси).

В отличие от ст. 32 Конституции Российской Федерации, в Беларуси подчеркивается возможность доступа «к любым» должностям. Тем самым гарантируется открытость, прозрачность, доступность государственного аппарата для конкурсного участия претендентов на потенциальную государственную службу. Но не более того.

Понимая теоретическую сложность этой проблемы и высокие риски появления неточностей в конституционной терминологии, законодательные органы в Республике Беларусь выбрали, на наш взгляд, более приемлемую модель, которая разделяет участие граждан в управлении (прямая консультативная или императивная демократия) и право граждан на службу в государственных органах.

Заслуживает внимания модель правового регулирования ст. 29 Конституции Грузии, согласно которой «каждый гражданин имеет право занимать любую государственную должность, если он соответствует

требованиям, установленным законодательством». Так, в анализируемой конституции статья, регулирующая равнодоступность государственных должностей, структурно и композиционно отделена от статьи об активном и пассивном избирательном праве. Право «занимать любую государственную должность» в Грузии не тождественно праву быть избранным, причем законодатель здесь акцентирует внимание скорее на принципе всеобщности, чем равенства. Ограничением всеобщности права на занятие государственных должностей является «несоответствие» законным требованиям, что также прямо оговорено в конституции данного государства. Но обеспечивается это благодаря гарантированию равенства статуса претендентов на соответствующие государственные должности.

Можно продолжить и дальше примеры весьма удачного закрепления на уровне конституции государства принципа равнодоступности публичной службы. Статья 44 Конституции Хорватии закрепила положение, в силу которого каждый гражданин имеет право «на равных условиях принимать участие в осуществлении публичной деятельности и быть принятым на публичную службу». Согласно ст. 51 Конституции Италии все граждане обоего пола могут на одинаковых условиях поступать на службу в государственные учреждения и занимать выборные должности в соответствии с условиями, установленными законом. В отношении доступа на государственную службу и занятия выборных должностей закон может приравнивать к своим гражданам итальянцев, не являющихся гражданами Республики.

Граждане Казахстана имеют равное право на доступ к государственной службе. Требования, предъявляемые к кандидату на должность государственного служащего, обуславливаются «только характером должностных обязанностей» и устанавливаются законом (ст. 33 Конституции Казахстана) [10]. В соответствии со ст. 33 Конституции Литовской Республики граждане имеют право «участвовать в управлении своей страной» как непосредственно, так и через демократически избранных представителей, а также имеют право «на равных условиях поступать» на государственную службу. В Македонии «каждый гражданин имеет право исполнять публичные функции» (ст. 23 Конституции Македонии). Все граждане Нидерландов имеют равное право на доступ к государственной службе. Примечательно, что это право зафиксировано в ст. 3 Конституции Нидерландов, т.е. даже раньше, чем активное и пассивное избирательное право (ст. 4). Польские граждане, «в полной мере пользующиеся публичными правами», имеют право доступа к публичной службе «на одинаковых принципах» (ст. 60 Конституции Польши).

В Конституции Португалии этому посвящена специальная статья 50 «Право на занятие государственных должностей», которой предусматривается,

что все граждане имеют право занимать государственные должности на условиях равенства и свободы. Ничьи интересы не могут быть ущемлены при назначении, найме, продвижении по службе или при получении социальных выгод, если у лица есть на это право, вследствие осуществления его политических прав или нахождения на государственных должностях. Когда речь идет о выборных должностях, закон лишь устанавливает условия, при которых лицо не может быть избрано, необходимые для обеспечения свободы выбора избирателей и беспристрастности и независимости при выполнении соответствующих должностных полномочий.

Следует выделить еще одну группу зарубежных конституций, в которых гарантии равнодоступности публичной службы трансформируются из сферы политических прав и свобод человека и гражданина в область социально-экономических прав и позиционируются скорее, как гарантии права на труд, чем права на участие в управлении делами государства [11, с. 25; 12; 13, с. 115].

В связи с этим примечательно, например, норма ст. 16 Конституции Индии, согласно которой «все граждане имеют равные возможности при найме на работу или назначении на любую должность в государственном учреждении или предприятии». Тем самым законодатель, с одной стороны, подчеркивает факт наличия ряда особенностей обеспечения равнодоступности публичных должностей, с другой – гарантирует равный доступ к труду в целом вследствие конституционного запрета дискриминации.

В связи с этим отметим, что в конституциях многих зарубежных стран уделяется гораздо больше внимания гарантированию равнодоступности бизнеса и наемного труда без конкретизации, является ли этот сектор национальной экономики публичным или частным. Например, согласно ст. 25 Конституции Кипра каждый имеет право осуществлять любую профессию, заниматься любой деятельностью, торговлей или трудом, приносящим доход. Осуществление такого права может быть подвергнуто условиям, ограничениям или процедурам, предусмотренным законом и относящимся исключительно к обычно требуемым для осуществления любой профессии требованиям.

На основании вышеизложенного можно сформулировать некоторые обобщения и выводы. Анализ конституционных текстов ряда зарубежных стран показывает, что определение равного доступа к публичной службе как элемента в механизме обеспечения участия граждан в управлении делами государства является допустимым. Наряду с «управлением делами государства» используются такие объекты конституционно-правового регулирования, как «общественная деятельность» (Финляндия), «публичная деятельность» (Хорватия), «публичные функции и обязанности» (Андорра) или только «публичные функции» (Македония), «решение государственных дел»,

«управление делами общества и государства» (Беларусь), «управление государством» (Армения) или «управление своей страной» (Литва), «управление публичными делами» (Чехия), что может отождествляться с «политической жизнью» или противопоставляться ей (Азербайджан).

В зарубежных конституциях гарантируется не только равный доступ к публичной службе, но также право «служить» (Азербайджан), «замещать должности» (Грузия), «быть принятым на службу» (Хорватия), «поступать на службу» (Италия) и т.д.

Вместе с тем подчеркнем, что граждане имеют право на участие в управлении делами государства посредством равнодоступности публичной службы наряду с прямой демократией и народным представительством. В этой связи под правом граждан на равный доступ к публичной службе предложено понимать производную от конституционного права участвовать в управлении делами государства и установленную законом меру возможного поведения гражданина при поступлении на публичную службу и ее прохождении, основанную на императивах формально-юридического равенства, недопустимости дискриминации и запрета произвольного ограничения прав и свобод.

Литература:

1. Волкова М.А. Право избирать и быть избранным в органы государственной власти и органы местного самоуправления как гарантия реализации права граждан на участие в управлении делами государства // Политико-правовые технологии разрешения конфликтных ситуаций между властью, общественными организациями и СМИ. Саратов: Саратовский источник, 2013.
2. Осетров С.А. Право граждан Российской Федерации на участие в управлении делами государства – основа построения избирательной системы // Новеллизация избирательного законодательства и актуальные проблемы его применения. Самара: Самарский университет, 2006.
3. <https://legalns.com>
4. Альхименко В.В. Конституционное право советских граждан на участие в управлении государственными и общественными делами и роль трудового коллектива в его реализации в сфере охраны правопорядка. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1981.
5. Кондратьев С.А. Конституционное право граждан на участие в управлении государственными делами в условиях формирования правового демократического государства. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1999.
6. Речицкий В.В. Конституционные гарантии права граждан СССР на участие в управлении государственными и общественными делами. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Харьков, 1983.

7. Дзидзоев Р.М., Тамаев А.М. Общественное (публичное) обсуждение проектов законодательных и иных нормативных правовых актов в формате открытого правительства // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 8. С. 66-70.
8. Кабанов П.А. Общественные обсуждения вопросов противодействия коррупции как форма взаимодействия институтов гражданского общества с органами публичной власти при осуществлении общественного контроля // Право и политика. 2014. № 10. С. 1515-1524.
9. Ларина Н.В. Публичные слушания через призму общественных обсуждений // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 9. С. 63-69.
10. Габдуалиев М.Т. Конституционное право гражданина на участие в управлении делами государства в Российской Федерации и Республике Казахстан: сравнительный анализ. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2006.
11. Васьков П.В. Право на труд как основное социально- экономическое право граждан и обязанность граждан трудиться в советских конституциях // История государства и права. 2007. № 19.
12. Геворкян М.В. Право на труд как основное (конституционное) социально-экономическое право // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 4. С. 38-42.
13. Гаврюшенко П.И. Особенности реализации конституционного права на труд в условиях военной службы // Российский военно-правовой сборник: Актуальные проблемы правового обеспечения прохождения военной службы в Российской Федерации. Вып. 62. За права военнослужащих, 2006.

Белоусов Николай Васильевич,

аспирант кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель – проф. М.В. Мархгейм
(Белгород, Россия)

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ИНТЕРЕСОВ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ КОНСТИТУЦИОННЫЙ ОПЫТ

Аннотация. В статье представлены результаты авторского сравнительно-правового анализа конституций российского государства в связи с установлением в них норм, формализующих категорию интересов.

Ключевые слова: интерес, конституционные правоотношения, государство, органы государственной власти.

Развитие современного правового государства, гражданского общества и личности невозможно представить без характерных им интересов. По словам Н.В. Витрука, «Интерес, лежащий в основе субъективного права или юридической обязанности, ... охраняется законом, поэтому является «законным интересом». Субъективное право и юридическая обязанность – специфические формы реализации интересов личности» [1, с. 241] В данной связи категория интересов объективно интегрирована в юридическую науку [2, с. 516-523; 3, с. 56-60] и практику.

Юриспруденция рассматривает интерес с различных позиций: как критерий разграничения частного и публичного права; как элемент, предпосылка или цель субъективного права; в как «благо», «выгода», «польза» (в узко материальном смысле) [4, с. 10].

В прикладном аспекте интерес формализован в нормативных правовых актах, начиная от конституционного уровня и завершая муниципальным. В рамках данного исследования нами уделено внимание выявлению формализованных интересов в конституциях советского периода.

Уточним, что статистически количество конституционных норм, легализующих различные интересы, со временем только увеличивалось. К примеру, в Конституции РСФСР 1918 г. обнаружено всего лишь три упоминания интересов, в Конституции РСФСР 1937 г. – 6, а в Основном законе 1978 г. – 17.

Установлено, что в Конституции 1918 г. интересы закреплены в нормах непосредственного текста базового закона, а также в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, являющейся частью Конституции. Выявленные интересы связаны с социальными субъектами. Так, в п. «ж» ст. 3 в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа отражены интересы обеспечения всей полноты власти за трудящимися массами и устранения всякой возможности восстановления власти эксплуататоров (п. «ж» ст. 3).

Непосредственно в тексте Конституции РСФСР 1918 г. установлены интересы рабочего класса в качестве руководства для государства в лишении отдельных лиц и отдельные группы прав, которые используются ими в ущерб интересам социалистической революции (ст. 23)¹. Как видим, помимо интересов социальных субъектов, конституированы и интересы государственный феноменов.

¹ Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918 г.) // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

В ст. 14 Конституции РСФСР 1924 г. воспроизведено аналогичное установление.

Далее нами осуществлён анализ не только российских конституций, но и основных законов советского государства ввиду базовости их норм.

Специфика предназначения и характер Конституции СССР 1923 г. определили минимальное количество упоминаний в ней интересов. Единично в контексте компетенции Верховного Суда Союза ССР указано рассмотрение и опротестование ... постановлений, решений и приговоров верховных судов союзных республик по соображениям противоречия таковых общесоюзному законодательству или поскольку ими затрагиваются интересы других республик (п. 6 ст. 43)¹.

В последующих конституциях установлена их корреляция с публичными и социальными субъектами, иногда с включением понятий оценочного характера.

К примеру, в ст.ст. 11 конституций СССР 1936 г. и РСФСР 1937 г. зафиксированы интересы увеличения общественного богатства как ориентир хозяйственной жизни государства².

Интересы обороны СССР закреплены в п «г» ст. 49 Конституции СССР 1936 г. в связи с полномочием Президиума Верховного Совета СССР объявлять в отдельных местностях или по всему СССР военное положение в интересах обороны СССР.

Интересы государства закреплены в п. «в» ст. 68 и п. «г» ст. 45 конституции СССР 1936 г. и РСФСР 1937 г. как полномочие Совета Министров СССР и Совета Народных Комиссаров РСФСР принимать меры по защите интересов государства.

В главах основных законов, посвященных основным правам и обязанностям граждан выявлены интересы социальных субъектов в следующих разновидностях:

– интересы матери и ребенка, обеспеченные государственной охраной в качестве возможности осуществления прав женщин (ст. 122 Конституции СССР 1936 г. и ст. 126 Конституции РСФСР 1937 г.);

– интересы трудящихся как ориентир гарантирования законом гражданам СССР свободы слова; свободы печати; свободы собраний и митингов; свободы

¹ Основной Закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик (утв. ЦИК СССР 06.07.1923 г.) // СУ РСФСР. 1923. № 81. Ст. 782.

² Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936 г.) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. № 283; Постановление Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21.01.1937 г. «Об утверждении Конституции (Основного Закона) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» (вместе с Конституцией) // СУ РСФСР. 1937. № 2. Ст. 11.

уличных шествий и демонстраций (ст. 125 Конституции СССР 1936 г. и ст. 129 Конституции РСФСР 1937 г.). Аналогичная норма сохранилась в ст. 50 Конституции СССР 1977 г.¹; обеспечения гражданам СССР права объединения в общественные организации (ст. 126 Конституции СССР 1936 г. и ст. 130 Конституции РСФСР 1937 г.).

Данная разновидность интересов зафиксирована и в ст. 129 Конституции СССР 1936 г. ст. 133 Конституции РСФСР 1937 г. о предоставлении государством права убежища иностранным гражданам, преследуемым за защиту интересов трудящихся. Отметим, что в Конституции СССР в дословной формулировке также была воспроизведена эта нормы (ст. 38).

В конституциях СССР 1977 г. и РСФСР 1978 г. обнаружено максимальной число упоминаний интересов. Многообразие социальных субъектов-носителей интересов зафиксировано в ст. 1 Конституции СССР 1977 г. В соответствии с ней Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое общенародное государство, выражающее волю и интересы рабочих, крестьян и интеллигенции, трудящихся всех наций и народностей страны.

Интересы наций встречаются в ст. 116 Конституции СССР 1977 г. и ст. 122 Конституции РСФСР 1978 г. применительно к полномочиям Совете Национальностей.

Интересы трудящихся повторяются в ст. 17 Конституции РСФСР 1978 г. как объект государственной защиты.

Интересы народов, не имеющих своих национально-государственных образований, зафиксированы как вопрос, который рассматривается в Совете Федерации с участием представителей этих народов (ст. 127.4 Конституции СССР 1977 г.).

Об интересах народов идет речь и в ст. 11 Конституции РСФСР 1978 г: владение, пользование и распоряжение природными богатствами не могут осуществляться в ущерб интересам народов.

Интересы общества легализованы в ст. 4 конституций СССР 1977 г. и РСФСР 1978 г. как основа действий советского государства и всех его органов.

В Конституции РСФСР 1978 г. многократно упомянуты общественные интересы в следующих контекстах:

– собственность не может использоваться в целях, противоречащих интересам общества (ст. 10);

¹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977 г.) // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

установление законом / государством пределов свободы экономической деятельности, исходя из общественных интересов / предельных размеров земельных участков (ст.ст. 10, 12)

Интересы настоящего и будущих поколений формализованы в двух конституциях (ст.ст. 18) в связи с принятием государством необходимых мер для охраны и научно обоснованного, рационального использования земли и ее недр, водных ресурсов, растительного и животного мира, для сохранения в чистоте воздуха и воды, обеспечения воспроизводства природных богатств и улучшения окружающей человека среды.

В Главе 7 «Основные права, свободы и обязанности граждан СССР» Конституции 1977 г. формализованы не только интересы социальных субъектов, но и публичных в нормах, устанавливающих как субъективные права, так и обязанности.

Категория интересов общества и государства употреблена в ст. 39 – использование гражданами прав и свобод не должно наносить ущерб интересам общества и государства.

Категория многообразных интересов зафиксирована в ст. 51 в связи с правом гражданам СССР объединяться в политические партии, общественные организации, участвовать в массовых движениях, которые способствуют ... удовлетворению их многообразных интересов.

Интересы Советского государства отражены в контексте обязанности граждан СССР оберегать такие интересы (ст. 62) и законные интересы других лиц сопоставлены с обязанностью граждан СССР уважать такие интересы (ст. 65).

Что касается интересов, аффилированных исключительно с публичными субъектами, то здесь, конечно, преобладают государственные интересы. Они употреблены в ст. 48 в связи с защитой и направленностью на них внешней политики СССР.

Общегосударственные интересы адресованы депутатам в качестве руководства в детальности (ст. 103 Конституции СССР 1977 г. и ст. 99 Конституции РСФСР 1978 г.). В указанной норме Конституции советского государства предписан учет интересов, выражаемых избравшей его общественной организацией.

Интересы с «политическим окрасом» формализованы в ст. 132.1 Конституции РСФСР 1978 г.: Глава исполнительной власти (Президент) республики ... защищает ... политические интересы Российской Федерации и республики в составе Российской Федерации.

Категория защиты интересов государства / страны употребляется в нормах о полномочиях Президента СССР и Совет Министров СССР. В первом

случае Президент СССР: объявляет в интересах защиты СССР и безопасности его граждан военное положение в отдельных местностях (п. 14 ст. 127.3 Конституции СССР 1977 г.), а во втором случае Совет Министров СССР в пределах своих полномочий осуществляет меры по ... защите интересов страны (п. 3 ст. 131 Конституции СССР 1977 г.). Аналогичное положение зафиксировано и в п. 3 ст. 125 Конституции РСФСР 1978 г.

Интересы, сопряженные с безопасностью, но уже социальных субъектов – граждан СССР закреплены в п. 15 ст. 127.3 Конституции РСФСР 1978 г.: Президент СССР в интересах обеспечения безопасности граждан СССР предупреждает об объявлении чрезвычайного положения в отдельных местностях.

Категория защиты законных интересов формализована в Главе 5 «Права и свободы человека и гражданина» в связи с законным порядком ограничения прав свобод личности, а также права на самозащиту:

– права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты ...законных прав и интересов других людей в демократическом обществе (ст. 33);

– каждый вправе защищать свои права, свободы и законные интересы всеми способами, не противоречащими закону (ст. 61).

Специфика местных органов государственной власти и управления опосредовала общегосударственные интересы и интересы граждан. На основе ст. 146 Конституции СССР 1977 г. местные Советы народных депутатов решали все вопросы местного значения, исходя из общегосударственных интересов и интересов граждан, проживающих на территории Совета.

В Конституции 1978 г. с учетом внесенных в нее изменений, в главе, посвященной местной администрации (ст. 146), также легализованы интересы, но уже граждан и органов местного самоуправления (исходя из обновленного статуса института местного самоуправления). Данной же Конституцией формализованы интересы населения как руководство в деятельности органов местного самоуправления (ст. 138).

Подводя итоги осуществлённого исследования, отметим неизменное присутствие категории интересов во всех конституциях советско-российского государства. В качестве стандартной систематизации конституционных интересов может быть их разделение на адресатов публичного и социального характера. Вместе с тем, двумя такими крупными группами видовое многообразие не ограничивается и возможно классификация интересов, исходя из иных критериев.

Литература

1. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. – М.: Норма, 2008. 448 с.
2. Белоусов Н.В. Конституционная формализация интересов социальных субъектов в странах СНГ // *НОМОТНЕТІКА: Философия. Социология. Право.* 2021. № 46 (3). С. 516-523.
3. Белоусов Н.В., Мархгейм М.В. Формализация интересов властных субъектов в конституциях стран восточной Европы // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление.* 2021. № 9 (136). С. 56-60.
4. Шершень Т.В. Частный и публичный интерес в договорном регулировании семейных отношений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 23 с.

Гнездюков Владимир Александрович

аспирант кафедры административного права и процесса
юридического института НИУ «БелГУ»

(Белгород, Россия)

Научный руководитель – доктор юридических наук,

доцент Б.В. Макогон

(Белгород, Россия)

ПРОЦЕСС И ПОРЯДОК ОБЖАЛОВАНИЯ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ВЗЫСКАНИЙ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ НА ПРИМЕРЕ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация. В статье раскрывается понятие «служебный спор» в системе органов внутренних дел РФ, срок и порядок его рассмотрения, а также причины и условия, способствующие его появлению.

Ключевые слова: служебный спор, служба, порядок обжалования дисциплинарного взыскания.

Результат и последствия служебной проверки в системе органов внутренних дел могут быть обжалованы в установленном законом порядке. На этой стадии юридического процесса [1] нами видится служебный спор, отношения, возникшие в результате расхождения мнений между сотрудником органов внутренних дел и его руководителем (начальником), касаясь применения последним мер дисциплинарного воздействия на сотрудника органов внутренних дел [2].

Труд человека, осуществляющего выполнение служебных обязанностей в системе властных структур Российской Федерации, которые управляют обществом и государственным имуществом, следят за претворением в жизнь принципиальных правовых основ, положений Конституции, законов и других нормативных правовых актов, а именно в полиции, в соответствии с Федеральным законом «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» относится к федеральной государственной службе на должностях в органах внутренних дел Российской Федерации [3].

При этом запрещается рассматривать коллективные служебные споры сотрудников органов внутренних дел, так как каждый спор является индивидуальным и рассматривать его необходимо в отношении конкретного сотрудника органов внутренних дел, потому что необходимо рассматривать ситуацию, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) сотрудника органов внутренних дел влияет или может повлиять на объективное выполнение им профессиональных служебных обязанностей и при которой возникает или может возникнуть противоречие между личной заинтересованностью сотрудника и законными интересами граждан, организаций, общества или государства, способное привести к причинению им вреда.

Личная заинтересованность сотрудника органов внутренних дел оказывает негативное влияние на выполнения им своих профессиональных служебных обязанностей, а также на законность и беспристрастность принятого им решения в той или иной ситуации, последствия которого могут привести к нарушению прав и свобод граждан Российской Федерации.

В соответствии с целями и принципами административного процесса [4] и для минимизации комплекса взаимосвязанных и системно значимых правозащитных «рисков» [5] сотрудник органов внутренних дел в случае несогласия с привлечением его к дисциплинарной ответственности имеет право для разрешения служебного спора обратиться с рапортом в письменной форме к непосредственному руководителю (начальнику), а при несогласии с его решением или при невозможности рассмотрения непосредственным руководителем (начальником) служебного спора по существу – к прямому руководителю (начальнику), который должен быть зарегистрирован в установленном законом порядке, или в суд.

Отметим, что, если сотрудник органов внутренних дел не желает разрешать свой спор со своим прямым руководителем (начальником) и сразу желает обратиться в суд для рассмотрения служебного спора, то необходимость подачи письменного рапорта с изложением всех причин и условий, согласно которым он не согласен с наложенным на него дисциплинарным взысканием

исключается, однако стоит отметить, что в таком случае, при ознакомлении его с приказом о привлечении к дисциплинарной ответственности, ему необходимо указать собственноручно, что с указанным дисциплинарным наказанием он не согласен.

Срок обращения сотрудника органов внутренних дел в суд при несогласии с наложенным дисциплинарным взысканием составляет три месяца со дня, когда он узнал или должен был узнать о нарушении своего права, а для разрешения служебного спора, связанного с увольнением со службы в органах внутренних дел, в течение одного месяца со дня ознакомления с приказом об увольнении.

При обращении в суд по служебному спору сотрудник органов внутренних дел обязан подготовить исковое заявление, в котором изложить свои доводы, ссылаясь на нормативные правовые акты Российской Федерации, которые, по его мнению, должны были применяться при урегулировании ситуации, в результате которой возник именно соответствующий служебный спор, возникли и получили дальнейшее процессуальное развитие соответствующие отношения, социальные связи.

Также сотрудник органов внутренних дел при подаче искового заявления в суд по служебному спору имеет право заявить ходатайство о предоставлении ему права ознакомления с заключением служебной проверки, по результатам которой ему было наложено дисциплинарное взыскание, с указанием причины препятствующей ему ознакомиться и предоставить ее в суд самостоятельно, а также с указанием места ее нахождения.

Кроме этого, установлено право просить истребования доказательств, имеющих юридическое значение для дела, например, копий видеозаписей камер видеонаблюдения с места работы, если по какой-либо причине нет возможности предоставить их в суд самостоятельно, просмотр которых в последующем подтвердит его невиновность и неправомерные действия лиц, проводивших проверку, по результатам которой он был привлечен к дисциплинарной ответственности, а также если при урегулировании ситуации при рассмотрении служебного спора возникает необходимость допроса лиц, то и вызова и привлечения их в качестве свидетелей по служебному спору и приобщения их показаний в качестве доказательств.

Помимо вышеуказанного, сотрудник органов внутренних дел при подаче искового заявления в суд в силу положений ст. 237 Трудового кодекса Российской Федерации может изъявить желание на возмещение морального вреда, причиненного ему неправомерными действиями или бездействием работодателя, который возмещается в денежной форме в размерах, определяемых соглашением сторон трудового договора. В случае

возникновения спора, факт причинения работнику морального вреда и размеры его возмещения определяются судом независимо от подлежащего возмещению имущественного ущерба субъекту [2].

Решение суда в случае удовлетворения исковых требований сотрудника органов внутренних дел по служебному спору, стороной ответчика может быть обжаловано в апелляционном порядке, однако если в апелляционной жалобе ответчику будет отказано, то прямой руководитель (начальник) сотрудника органов внутренних дел, чьи права и законные интересы были нарушены обязан издать приказ об отмене приказа, на основании которого на сотрудника органов внутренних дел наложено дисциплинарное взыскание, а также возместить ему в денежной форме материальные издержки, которые он понес в результате наложения на него дисциплинарного взыскания, и возместить моральный вред, определенный судом.

Таким образом, порядок рассмотрения служебных споров и обжалования дисциплинарных взысканий в системе органов внутренних дел имеет аналогичный алгоритм с гражданскими трудовыми спорами. Однако, из-за прав и обязанностей, в целом особого правового статуса сотрудников органов внутренних дел, к рассмотрению их служебных споров необходимо подходить более ответственно, так как действия (бездействия) рассмотренных субъектов могут привести к нарушению прав и свобод граждан Российской Федерации, человека, коррупции юридического процесса, процесса управления.

Литература

1. Макогон Б.В. Методологически опорная трактовка юридического процесса // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 1 (80). С. 32-35.
2. Федеральный закон РФ от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 30.12.2020) // Российская газета. 2011, 7 декабря; 2021, 12 января.
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.06.2021) // СЗ РФ. 2002. № 1 (часть I). Ст. 3; 2021. № 27 (часть I). Ст. 5048.
4. Makogon B.V., Nikulin M.I., Samsonov V.N., Sorokoletova M.A., Tovstukha O.O. Objectives and Principles of Administrative Proceedings: Doctrinal Ideas and Legislative Wordings of the Eastern European Countries // Journal of Politics and Law. 2017. Т. 10. № 4. С. 221-224.
5. Новикова А.Е. Риск как объект конституционно-правовой науки. Монография. М.: Издательский дом "Юр-ВАК", 2019. 98 с.

Дегтярев Сергей Николаевич
соискатель кафедры конституционного и
международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
(Краснодар, Россия)
Научный руководитель – проф. М.В. Мархгейм
(Белгород, Россия)

ГЕНЕЗИС КОНСТИТУЦИОННОЙ ФОРМАЛИЗАЦИИ БРАКА В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Аннотация. Статья посвящена обобщению конституционного опыта закрепления института брака в конституциях российского государства и стран, входящих в состав СНГ. Авторским выводом представлены направления систематизации многообразия выявленных конституционных установлений.

Ключевые слова: брак, мужчина и женщина, союз, добровольность, согласие, государственная защита.

Институт брака является актуальной темой в отраслях публичного и частного права. Статистические материалы любого хронологического периода также свидетельствуют о необходимости постоянного внимания ученых и практиков к совершенствованию этого важнейшего социального и юридического института.

Согласно официальным данным Федеральной службы государственной статистики, количество браков, заключенных в России с января по июль 2021 г., выросло на 125,1 тыс. по сравнению с аналогичным периодом 2020 г., то есть 493,5 тыс. и 368,4 тыс. браков соответственно. При этом количество разводов увеличилось на 91,7 тыс. и в 2021 г. составило 370,5 тыс. Число браков за семь месяцев 2021 года в России выросло на 125,1 тыс. [1]¹.

По мнению экспертов FinExpertiza, резкое увеличение числа разводов в первой половине 2021 г. объяснимо тем, что во время карантина 2020 г. не работали в обычном режиме органы ЗАГС [2]². Отметим, что ровно по данной же причине увеличилось и число браков.

В пандемийном 2020 г. менялась не только статистика в заваленной сфере, то также произошли серьезные конституционные корректировки в части

¹ См.: Число браков за семь месяцев 2021 года в России выросло на 125,1 тыс. // <https://tass.ru/obshchestvo/12241007> (дата обращения 11.11.2021 г.).

² Горько за молодых: почему в России увеличилось число разводов // <https://iz.ru/1197390/mariia-nemtseva/gorko-za-molodykh-pochemu-v-rossii-velichilos-chislo-razvodov> (дата обращения 11.11.2021 г.).

дополнения п «ж.1» ч. 1 ст. 72 об отнесении защиты института брака к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов. Кроме того, новая норма представляет собой дефиницию однозначного толкования брака как союза мужчины и женщины [3]¹.

Уточним, что в истории конституционного развития российского государства категория брака встречалась лишь в Основных законах СССР 1936 г. и 1977 г. [4, 5]²³

Так, согласно ст. 14 Конституции СССР 1936 г. установление основ законодательства о браке и семье находилось в ведении Союза Советских Социалистических Республик в лице его высших органов государственной власти и органов государственного управления.

В последующих советско-российских конституциях подобного установления не содержалось, за исключением современной Конституции, норму которой о предметах ведения мы уже указали.

В Конституции СССР 1977 г. ст. 53 закрепила норму о том, что брак основывается на добровольном согласии женщины и мужчины. Как видим, по сравнению с современной конституционной формулировкой, в советский период представлена иная последовательность перечисления субъектов брака. К тому же в указанном Основном законе, полагаем, формализован ключевой принцип брака – добровольное согласие.

В связи с идентичным периодом развития государств в рамках единого союзного советского государства, интересно рассмотреть в сравнительно-правовом аспекте современный конституционный опыт легализации брака странами, входящими в состав СНГ [6]⁴.

Итак, нормы о браке стандартно размещены в главах, посвященных основным правам, свободам, обязанностям человека и гражданина (Азербайджан, Армения, Киргизия, Молдова, Таджикистан, Туркмения) / разделах о личности, обществе, государстве (Беларусь) / человеке и гражданине (Казахстан).

Оригинален подход в Конституции Узбекистана, обособившей самостоятельную Главу XIV «Семья».

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 г. опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020 г.

² См.: Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936 г.) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. № 283; Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977 г.) // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

⁴ Конституции государств (стран) мира // <https://worldconstitutions.ru/> (дата обращения 11.11.2021 г.).

Уточним, что в Конституции России норма о браке размещена в главе, посвященной федеративному устройству.

В Конституции Азербайджана ст. 34 заявлена и поименована, как «Право на брак». В ч. II данной статьи установлено, что «брак заключается на основе добровольного согласия. Никто не может быть принужден к заключению брака». Таким образом, присутствуют «отголоски» советского конституционного прошлого в аспекте формализации брака с указанием базового принципа – добровольного согласия.

В ч. III ст. 34 Конституции Азербайджана зафиксирована обеспечительная норма, адресованная государству: семья и брак находятся под опекой государства. Обратим внимание, на нестандартность формулировки «опека» применительно к рассматриваемому нами институту, поскольку в подавляющем большинстве случаев Конституции стран-участников СНГ в подобного рода обеспечительных нормах использует термин «государственная защита» (ст. 32 Конституции Беларуси) или «защита государством». Примером последнего варианта выступает ч. 1 ст. 27 Конституции Казахстана: брак и семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства. Кстати, это единственная норма в указанной Конституции, касающаяся брака. Интересно, что ст. 40 Конституции Туркмении посвящена защите государством известных институтов семьи, материнства, отцовства и детства, но в их числе не указан брак.

В Конституции Армении выявлен подход, фиксирующий в одноименной статье свободу вступления в брак (ст. 35), хотя непосредственно в тексте ч. 1 это статьи указано право на вступление в брак женщины и мужчины, достигших брачного возраста при обоюдном свободном изъявлении своей воли. Таким образом, снова прослеживается преемственность советской конституционной нормы в отношении принципа добровольного согласия с дополнением возрастного ценза. Последний, как и порядок вступления в брак, расторжения брака устанавливаются законом. Содержательно аналогична норма ч. 3 ст. 48 Конституции Молдовы об установлении законом условий заключения, расторжения брака и признания его недействительным.

Уточним, что лаконичным образом в ст. 32 Конституции Беларуси по аналогии с приведённой нормой армянской Конституции закреплена установка, согласно которой женщина и мужчина по достижении брачного возраста имеют право на добровольной основе вступить в брак. Наряду с добровольной основой в Конституции Киргизии легализовано обоюдное согласие (ч. 5 ст. 36). Вместо добровольной основы в Конституции Туркмении использована формулировка взаимного согласия (ст. 40). По остальным элементам статьи текстуально совпадают.

Примечательно, что в ч. 5 ст. 36 Конституции Киргизии определена государственная регистрация брака.

Текст Конституции Армении в сравнении с иными рассматриваемыми конституциями отличается количественным превосходством норм о браке. Так, в ч. 2 ст. 35 Конституции Армении формализован принцип равенства женщин и мужчин при вступлении в брак, в браке, при расторжении брака. Акцентируем внимание на конституционную очередность указания субъектов брачных отношений, а именно «женщин и мужчин». На наш взгляд, такой подход подтверждает действительное стремление реализовать на практике установленную разновидность принципа гендерного равенства.

Уточним, что по аналогии с чч. 1 и 2 ст. 35 Конституции Армении в ст. 33 Конституции Таджикистана зафиксированы субъекты брачных отношений, возрастной ценз, принцип свободы вступления в брак, а также равноправие супругов в семейных отношениях и при расторжении брака.

Приведенная норма Конституции Таджикистана примечательная формулировкой, запрещающей многобрачие.

Сохранено рассматриваемое содержание, выраженное в лаконичной формулировке ст. 63 Конституции Узбекистана: брак основывается на свободном согласии и равноправии сторон.

В Конституции Молдовы нормы о браке выявлены в статье под названием «Семья». В ч. 2 ст. 48 указной Конституции применительно к семье отмечено, что она основана на браке, заключенном по взаимному согласию мужчины и женщины, на их равноправии.

В аспекте многообразия установлений о браке следует назвать ч. 3 ст. 35 Конституции Армении, зафиксировавшую основания ограничения только законом свободы вступления в брак в целях защиты здоровья и нравственности.

В Конституции Беларуси брак упоминается в связи полномочий Палаты представителей, а именно – рассмотрение проектов законов, в том числе о браке (ч. 2 ст. 97).

Подводя итоги осуществленного исследования, укажем в конституциях стран СНГ в подавляющем большинстве случаев фиксируется правопреемство советского подхода легализации брака женщины и мужчины, достигших установленного законом возраста, на основе добровольного согласия.

В вариативный ряд посвященных браку конституционных норм можно включить следующие их разновидности: правонаделительные, обеспечительные, запретительные и бланкетные.

Литература

1. <https://tass.ru/obschestvo/12241007> (дата обращения 11.11.2021 г.).

2. Горько за молодых: почему в России увеличилось число разводов // <https://iz.ru/1197390/mariia-nemtceva/gorko-za-molodykh-pochemu-v-rossii-uvlichilos-chislo-razvodov> (дата обращения 11.11.2021 г.).
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 г. опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020 г.
4. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936 г.) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. № 283.
5. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977 г.) // Ведомости ВС СССР. 1977. №41. Ст. 617.
6. Конституции государств (стран) мира // <https://worldconstitutions.ru/> (дата обращения 11.11.2021 г.).

Джамиль Элла Зурабиевна,
помощник судьи Четвертого кассационного суда общей юрисдикции,
(Краснодар, Россия)

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ РАВНОПРАВИА И СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СТОРОН В ЕВРОПЕЙСКОМ СУДЕ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. В статье осуществлен анализ Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Регламента Европейского Суда по правам человека с целью выявления в них положений, формализующих принципы равноправия и состязательности сторон.

Ключевые слова: принцип состязательности сторон, принцип равноправия сторон, Европейский Суд по правам человека, Конвенции о защите прав человека и основных свобод, судебная процедура.

В рамках данной работы представлены результаты анализа опыта реализации принципов равноправия и состязательности сторон в Европейском Суде по правам человека (далее – Европейский Суд) с учетом его наднациональной контрольной функции за применением национальными судами судебной процедуры при рассмотрении дел в соответствии предписаниям Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Исходя

из такой особенности, полагаем, Суд обладает и политическими параметрами своей деятельности. Например, это контроль за безусловным соблюдением и выполнением норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. ее государствами-участниками путем рассмотрения и разрешения конкретных дел, принятых им к производству на основании индивидуальных жалоб от физических лиц, групп лиц или негосударственных организаций (ст. 34). Кроме того, возможна подача жалобы на нарушение Конвенции о защите прав человека и основных свобод государством-членом Совета Европы со стороны другого государства-участника (ст. 33). Его решения, принятые в отношении конкретного государства-участника в конкретном деле, имеют преюдициальное (обязательное) значения для других государств-участников.

Вопросу реализации принципов равноправия и состязательности сторон Европейский Суд уделяет последовательное внимание в своих решениях. В частности, в решении по делу «Камасинский против Австрии» от 19 февраля 1989 г. Европейский Суд указал, что принцип состязательности является одной из основных гарантий правосудия [1]. В деле «Морель против Франции» от 6 июня 2000 г. Судом отмечено, что принцип состязательности предполагает возможность сторон в процессе, гражданском или уголовном, знакомиться со всеми доказательствами или замечаниями, приобщенными к делу, комментировать их [2, с. 395]. Кроме того, в решении «Хуссейн против Великобритании» от 21 февраля 1996 г. Суд отметил, что в случае, «когда может быть назначен длительный период тюремного заключения или, когда обстоятельства, касающиеся лица, взятого под стражу, важны для решения вопроса о его опасности, пункт 4 статьи 5 требует состязательного судебного процесса, с целью обеспечения присутствия защитника и возможности вызвать в суд и допросить свидетелей» [https://european-court.ru/uploads/ECHR_Hussain_v_the_United_Kingdom_21_02_1996.pdf].

Однако непосредственно в п. 4 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод отсутствует прямое указание относительно процедурного требования касательно состязательности в судебном процессе. Опосредованно принцип состязательности изложен в п. «с» ч. 3 ст. 6 Конвенции, согласно которому каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления, по меньшей мере, вправе защищать себя лично или пользоваться юридической помощью защитника, выбранного им по своему усмотрению.

По любому делу, которое находится на рассмотрении Европейского Суда, ст. 36 Конвенции о защите прав человека и основных свобод предоставляет право каждому государству-участнику, гражданин которой является заявителем, представить свои письменные замечания и принимать участие в слушании дела. В случае, когда Европейский Суд признает жалобу

приемлемой, то в соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 38 Конвенции, продолжает рассмотрение дела с участием представителя заинтересованной стороны. То есть, участие оппонента заявителя является обязательным.

Более подробно аспекты состязательности сторон в судебном процессе Европейского Суда изложены в его Регламенте от 29 мая 2006 г. (Правила процедуры суда). В соответствии с его положениями состязательность сторон процессуально прослеживается уже на стадии принятия заявления к рассмотрению. Здесь, считаем необходимым обратить внимание на то, что Правило 31 Регламента предусматривает право Суда после соответствующих консультаций со сторонами, отступить от положений Регламента при рассмотрении конкретного дела, когда это целесообразно. Однако критерии целесообразности ни Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ни сам Регламент не устанавливают. То есть в данном случае включается субъективный, оценочный фактор. Все документы, представленные в Канцелярию Суда открыты для общественности. Правилами 35 и 36 устанавливается обязательный порядок представительства сторон. Правило 38 называется «Письменный состязательный процесс» и устанавливает порядок представления состязательных документов в срок, установленный Председателем Палаты или судьей-докладчиком.

О состязательном начале говорит и Правило 40 Регламента. Так, в неотложных случаях и с разрешения председателя палаты Секретарь Суда может без вреда для процедурных мер, с помощью любых имеющихся средств проинформировать сторону, к которой относится полученное заявление, и кратко изложить суть такого заявления. Этой стороне фактически предоставляется возможность подготовиться к процессу. Подобное положение содержит Правило 44, обязывающее указанное должностное лицо направить копию заявления другой стороне. Кроме того, в соответствии с п. «а» ч. 2 данного Правила, Председатель Палаты может предложить другой договаривающейся стороне, которая не является стороной по делу, представить свои письменные замечания, или же принять участие в слушаниях. Наконец, ч. 5 предоставляет возможность на замечание стороны предоставить другой стороне свои письменные замечания.

К выполнению своих обязанностей по представлению замечаний сторону понуждают предписания Правила 44с. Так, если сторона не представляет доказательств или информации, которую потребовал Суд, или по собственной инициативе не сообщает информацию, касающуюся дела, или же каким-либо иным образом не принимает активного участия в производстве, Европейский Суд может сформулировать соответствующие выводы, которые, по его

мнению, вытекают из таких обстоятельств. Как видим, и в этом случае будет превалировать субъективное мнение Председателя Палаты или судьи-докладчика. Кроме того, ч. 3 Правила 51 предусмотрено, что после передачи дела в секцию ее председатель создает палату и предлагает Договаривающейся стороне-ответчику подать в письменной форме замечания относительно приемлемости жалобы. Полученные замечания Секретарь доводит до сведения Стороны-заявителя, которая в ответ может представить свои замечания в письменной форме. Такое предписание содержится и в правиле 54 Регламента с тем приложением.

Из изложенного можно сделать вывод, что положение Регламента Европейского Суда подтверждают наличие элементов состязательности судебного процесса. Однако утверждать, что в этом Суде процесс имеет чисто состязательный характер, представляется, неверно. Для обоснования такого тезиса можно использовать сравнение новой и старой редакций Регламента. Так, Правило 42 (старой редакции) регламентировало порядок сбора доказательств, содержало предписание, согласно которому в соответствии с поданным ходатайством стороны по делу, третьей стороны, или по собственной инициативе Палата может собирать любые доказательства, которые, по ее мнению, могут иметь значение для разрешения дела. Палата могла предложить представить письменные доказательства, а также заслушать любое лицо в качестве свидетеля, эксперта, или в ином качестве, если ожидаемые показания или заявления могли способствовать выполнению ее задач.

Правило 39 в новой редакции говорит о том, что Палата (или, если это целесообразно, ее Председатель) может по просьбе стороны, иного заинтересованного лица или по собственной инициативе указать сторонам, какой временной срок, по ее мнению, следует принять в интересах сторон или в интересах надлежащего производства по делу. Скрытая инициатива суда в поиске доказательств проявляется и в упомянутом правиле 44с, где в ч. 1 отмечается, что: «В случае, если сторона не представляет доказательств или информации, которую потребовал Суд ...». То есть достаточно четко прослеживается тот факт, что Европейский Суд по собственной инициативе требует от стороны определенных доказательств или информации. Такие действия Палаты, направленные на самостоятельный поиск дополнительных доказательств (пути поиска могут быть различными) по собственной инициативе, можно рассматривать как розыскную форму процесса. Итак, судебная процедура, по которой осуществляет правосудие Европейский Суд,

имеет смешанную форму, сочетая в себе принцип состязательности и собственную инициативу, цель которых – установление объективной истины по делам соблюдения Конвенции о защите прав человека и основных свобод государствами-участниками.

В то же время Суд уделяет должное внимание соблюдению принципа состязательности государствами-участниками при рассмотрении судебных дел национальными судами. В случае выявления нарушений этого принципа национальными судами, Европейский Суд признает нарушение государством прав человека. Так, в жалобе Г.И. Чернышевой против Российской Федерации, обращенной в Европейский Суд, было указано, что в ходе судебного разбирательства было нарушено ее право на свободу выражения мнения, а также нарушен принцип равенства в гражданском процессе. В ответе Европейский Суд отметил, что в соответствии с принципом равенства, как одного из элементов более широкого понятия справедливого рассмотрения дела, каждой из сторон должна быть предоставлена разумная возможность представлять свое дело в таких условиях, которые не ставят ее в невыгодное положение по отношению к оппоненту [3].

По делу «Аллене де Рибемон против Франции» Суд указал, что накопившиеся задержки главным образом вызваны позицией национальной власти, в частности, ее отказом удовлетворить просьбу заявителя предоставить ему существенное доказательство [4, с. 91]. На практике национальный суд отказал стороне в истребовании существенных доказательств, которые имели отношение к делу, что привело к признанию судом действий власти Франции нарушившими п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Подводя итог проведенного исследования, отметим, что при отсутствии прямого указания на процессуальные требования состязательности и равноправия сторон в судебном процессе при рассмотрении дел в Европейском суде по правам человека, их сущность опосредовано изложена в соответствующих положениях Конвенции о защите прав человека и основных свобод через многогранность понимания термина «сторона». Детализация вопросов судебного состязания на равноправной основе находит свое отражение в Регламенте Европейского Суда, анализ предписаний которого свидетельствует о судебном процессе, включающем элементы состязательности и равноправия. Однако, полагаем, неверно утверждать, что процесс в Европейском Суде имеет сугубо состязательный характер поскольку, что судебная все-таки имеет смешанную форму, сочетая в себе состязательность сторон и собственную инициативу Суда, совокупная цель реализации которых

– установление объективной истины по делам о соблюдении Конвенции о защите прав человека и основных свобод государствами-участниками.

Литературы

1. In the Kamasinsky case // European Human Rights Report [Bound volumes]: European Law Centre: В 34 т. Vol. 4. 1990. Act № 168.
2. Де Сальвия М. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящейся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. СПб.: «Юридический центр «Пресс». 2004. 1072 с.
3. Решение Европейского суда по правам человека от 10 июня 2004 г. «По вопросу приемлемости жалобы № 77062/01 «Чернышевой Г.И. против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2005. № 2.
4. Европейский суд по правам человека: Избранные решения: в 2 т. / редкол.: В.А. Туманов и др. М.: Норма, 2000. Т. 2. 802 с.

Земляной Алексей Владимирович
главный юрисконсульт Политической партии
«Коммунистическая партия Российской Федерации»
(Москва, Россия)

ГАРАНТИИ РЕАЛИЗАЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН РОССИИ, НАХОДЯЩИХСЯ ЗА ЕЁ ПРЕДЕЛАМИ, НА РЕЗУЛЬТИРУЮЩЕМ ЭТАПЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Аннотация: В статье, рассмотрены проблемы реализации избирательных прав граждан на заключительном (результатирующем) этапе избирательного процесса: этапе подсчета голосов и подведения итогов голосования. Даются понятия открытости и гласности подсчета голосов и подведения итогов голосования. Проводятся аналогии с законодательством Европейского союза. Исследован правовой порядок подсчета голосов. Предложены изменения в законодательство, регулирующие вопросы подсчета голосов и подведения итогов голосования.

Ключевые слова: избирательное право, принципы избирательного права, всеобщее избирательное право, реализация принципов избирательного права, российские граждане, постоянно проживающие за рубежом, экспатрианты, подведение итогов голосования, подсчёт голосов при голосовании.

Подсчет голосов, установление результатов голосования – последние, весьма ответственные этапы избирательного процесса. На этих этапах подводятся итоги всей работы по подготовке и проведению выборов.

Необходимо обратить внимание, что с точки зрения законодательства Российской Федерации, самым важным принципом при подсчете голосов, установлении итогов голосования является открытость и гласность [1, пункт 5 статьи 3], [2, с. 4].

Считаем, что под открытостью следует понимать публичное проведение всех этапов подсчета голосов и подведения итогов голосования:

- в одном помещении (ТИК);
- в поле зрения членов избирательной комиссии, наблюдателей и иных лиц, указанных в пункте 5 статьи 23 Федерального закона от 10.01.2003 N 19-ФЗ "О выборах Президента Российской Федерации" (ТИК, УИК);
- все присутствующие должны иметь возможность видеть отметки в бюллетенях (пункт 15 статьи 73 Федерального закона от 10.01.2003 N 19-ФЗ "О выборах Президента Российской Федерации").

Гласность подразумевает:

- публичную поэтапность подсчета голосов и подведения итогов выборов (разные операции подсчета голосов выполняются друг за другом, не пересекаясь по времени; после окончания каждого этапа происходит оглашение его результатов) (УИК);
- публичное оглашение результатов подсчетов и занесение их в увеличенную форму протокола (УИК).

В основе избирательного наследия Европы, установленного Руководящими принципами относительно выборов [3, абзац 1 Раздела 1], лежат такие принципы, как: всеобщее, равное, свободное, тайное и прямое избирательное право.

В Российской Федерации при подсчете голосов и установлении итогов голосования необходимо действовать открыто и гласно. В Европейском союзе подсчет голосов и установление итогов голосования относится к принципу свободы голосования, который подразумевает под собой свободное волеизъявление и как следствие борьбу с нарушениями на выборах. То есть, европейское законодательство трактует свободу голосования, как право каждого гражданина самостоятельно голосовать в соответствии со своими убеждениями, без какого-либо насилия, что обеспечивается: тайной голосования, т.е. отсутствием контроля за волеизъявлением избирателей; отсутствием принуждения в процессе голосования; справедливым и честным учётом голоса избирателя; борьбой с нарушениями на выборах.

При этом принцип свободы голосования, сам по себе учитывает наличие гласности и открытости при передаче протоколов об итогах голосования из нижестоящей в вышестоящую комиссию и при подсчете голосов и установлении итогов голосования [3, подпункт xii, xiii, xiv пункт 3.2 подраздела 3 раздела 1], [14, с. 26-27].

В Российской Федерации принято множество нормативно-правовых актов, которыми должны руководствоваться избирательные комиссии при подсчете голосов и установлении итогов голосования [1, 4-10].

Для целей данного исследования, мы будем изучать проблемы подсчета голосов и подведения итогов голосования на примере выборов Президента Российской Федерации 2018 г.

Порядок подсчета голосов избирателей производится в строгом соответствии с положениями статьи 73 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ. Данная статья регулирует как подсчет, так и передачу протокола об итогах голосования в вышестоящую комиссию, также регулируются некоторые особенности передачи протоколов об итогах голосования при проведении выборов за пределами территории Российской Федерации.

Необходимо отметить, что названный федеральный закон не содержит отдельной статьи о подсчете голосов участковыми избирательными комиссиями, образованными за пределами территории Российской Федерации. Из чего можно сделать вывод, что положения данной статьи распространяют свои действия и на участковые избирательные комиссии, образованные за пределами территории Российской Федерации, что подтверждается упоминанием о таких комиссиях в данной статье [4, пункт 27, пункт 29 статьи 73].

Подсчет голосов начинается сразу после истечения времени голосования. По общему правилу голосование длится до 20 часов по местному времени [4, пункт 1 статьи 69]. Причем, под местным временем понимается не только местное время в Российской Федерации, но и за пределами территории Российской Федерации. Так голосование, проходящее на избирательном участке в г. Сиэтле (США), завершилось в 06:00 утра 19 марта 2018 г. по часовому поясу г. Москвы, а голосование на избирательном участке в г. Канберра (Австралия) завершилось в 13:00 18 марта 2018 г. по часовому поясу г. Москвы.

Несмотря на то, что в 20:00 истекает время голосования и председатель объявляет о завершении времени голосования, он обязан дать проголосовать всем находящимся в помещении избирателям [4, пункт 2 статьи 73].

После того как все избиратели проголосуют и покинут помещение участковой избирательной комиссии, незамедлительно (без каких-либо перерывов) начинается процесс подсчета голосов и подведения итогов голосования [4, пункт 2 статьи 73].

Процесс подведения итогов голосования начинается с того, что члены участковой избирательной комиссии с правом решающего голоса сдают неиспользованные бюллетени секретарю участковой избирательной комиссии. Возврат бюллетеней происходит по ведомости с обязательным внесением подписи члена УИК с правом решающего голоса.

Исходя из закона, гласность в данной процедуре заключается в том, что при внесении результатов действий по подсчету бюллетеней в увеличенную форму протокола об итогах голосования, вносимые данные оглашаются [4, пункт 1 статьи 69]. Мы считаем, что принцип гласности не полностью обеспечивается в данном случае, так как необходимо донести до всех присутствующих порядок последующих действий.

Даже члены УИК с правом решающего голоса, которые имеют опыт подсчета голосов не в полной мере осознают порядок подсчета голосов, не говоря о тех лицах, которые занимаются этим впервые.

Так в Пояснительном докладе [11, пункт 46] указывается, что подсчет голосов должен проводиться транспарентно (то есть в отсутствие секретности, доступно, открыто и прозрачно). При этом Центральная избирательная комиссия Российской Федерации также понимает, что транспарентность и гласность в данном случае нарушается. В рабочем блокноте УИК на выборах Президента Российской Федерации 2018 г. [12] устанавливается, что перед началом процедуры подсчета голосов председатель УИК объявляет присутствующим общий порядок подсчета голосов. При этом, такая процедура полностью соответствует принципу гласности. Мы считаем, что закон необходимо расширить путем внесения дополнительных гарантий, о транспарентности и гласности при подсчете голосов избирателей.

После того как все члены УИК с правом решающего голоса сдадут неиспользованные бюллетени их *подсчитывают и погашают*. В соответствии с пунктом 3 статьи 73 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ бюллетени погашают путем отрезания левого нижнего угла. Необходимо отметить, что на практике, не всегда соблюдается способ погашения таким образом. Часто используются иные способы погашения, например, дрелью просверливается отверстие в левом нижнем углу. Данный способ используется в том случае, если осталось большое количество неиспользованных бюллетеней. Например, на выборах Президента Российской Федерации 2018 г. общее число погашенных бюллетеней, на всех УИК, образованных за

пределами территории Российской Федерации, составило 933 738 (девятьсот тридцать три тысячи семьсот тридцать восемь) штук [13]. Ручное погашение такого количества бюллетеней, путем отрезания ножницами (ножом, изредка топором) занимает очень много времени, поэтому порою используются иные способы погашения бюллетеней (например, дрелью высверливается угол бюллетеней). Считаем, что необходимо внести изменения в данную норму закона и расширить способы погашения бюллетеней.

При этом, закон не выделяет особенности погашения бюллетеней, изготовленных непосредственно УИК [4, пункт 17 статьи 67], образованными за пределами территории Российской Федерации. Таким образом, можно сделать вывод, что такие бюллетени погашаются тем же способом, что и обычные бюллетени.

Данные о количестве погашенных бюллетеней вводятся в строку 6 протокола об итогах голосования и его увеличенной формы. При этом, в данном случае под погашенными бюллетенями понимается сумма как неиспользованных бюллетеней, так и испорченных бюллетеней.

Далее заполняется строка 2 протокола об итогах голосования и его увеличенной формы. В строке 2 указывается число избирательных бюллетеней, полученных избирательной комиссией [4, пункт 4 статьи 73]. При этом, данная, императивная норма права не дает возможности иного толкования, кроме как о внесении именно полученных протоколов в данную строку. Однако, не урегулированным остается вопрос, куда вносить бюллетени, не полученные от вышестоящей комиссии, а изготовленные самостоятельно. На практике, такие бюллетени также вносятся в данную строку, однако, как мы указали выше данная норма не предполагает такого внесения.

На выборах Президента Российской Федерации 2018 г. общее число полученных бюллетеней всеми УИК, образованными за пределами территории Российской Федерации, составило 1408383 (один миллион четыреста восемь тысяч триста восемьдесят три) штуки [13].

После того, как погашены бюллетени и заполнены строки 6 и 2 протокола об итогах голосования и его увеличенной формы, начинается работа со списком избирателей.

На каждой странице списка избирателей, членами УИК с правом решающего голоса, подсчитываются следующие данные [4, пункт 5 статьи 73]: сумма избирателей, включенных в список избирателей на момент окончания голосования; сумма бюллетеней, выданных в помещении для голосования; сумма бюллетеней, выданных вне помещения для голосования; сумма избирателей, проголосовавших досрочно.

После суммирования данных на каждой странице, они оглашаются и подсчитываются (данные по всем страницам и показателям суммируются в единые данные), обычно, секретарем УИК, после чего вносятся на последнюю страницу списка избирателей и заверяются подписью председателя, заместителя председателя или секретаря УИК и печатью [4, пункт 6 статьи 73]. Далее, суммированные данные вносятся в соответствующие строки протокола об итогах голосования и его увеличенную форму: в строку 1 вносится общее число избирателей, включенных в список избирателей; в строку 3 вносится общее число бюллетеней, выданных избирателям, проголосовавшим досрочно; в строку 4 вносится общее число бюллетеней, выданных проголосовавшим вне помещения для голосования; в строку 5 вносится общее число бюллетеней, выданных проголосовавшим в помещении для голосования в день голосования.

Таким образом, к данному моменту заполнены строки протокола об итогах голосования и его увеличенной формы: 1, 2, 3, 4, 5, 6.

По итогам подсчета голосов (на всех УИК, образованных за пределами территории Российской Федерации) на выборах Президента Российской Федерации 2018 г. получились следующие суммы по строкам: 1, 3, 4, 5: строка 1 (общее число избирателей): 483 957 (четыреста восемьдесят три тысячи девятьсот пятьдесят семь) человек; строка 3 (число досрочно проголосовавших): 53 482 (пятьдесят три тысячи четыреста восемьдесят два) человек; строка 4 (число бюллетеней, выданных в помещении для голосования): 403108 (четыреста три тысячи сто восемь) штук; строка 5 (число бюллетеней, выданных вне помещения для голосования): 18 026 (восемнадцать тысяч двадцать шесть) штук [13].

После заполнения строк 1, 3, 4, 5 протокола об итогах голосования и его увеличенной формы списки избирателей убираются в сейф и начинается непосредственный подсчет голосов.

Проанализировав вопросы и проблемы подсчёта голосов и подведения итогов голосования, можно сделать следующие выводы:

– Необходимо внести изменения в пункт 2 статьи 73 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации», изложив его в следующей редакции: «По истечении времени голосования председатель участковой избирательной комиссии объявляет, что получить избирательные бюллетени и проголосовать могут только избиратели, уже находящиеся в помещении для голосования. Подсчет голосов избирателей начинается сразу после окончания голосования и проводится без перерыва до установления итогов голосования, о которых должны быть извещены все члены участковой избирательной комиссии и лица, присутствующие в соответствии с настоящим Федеральным законом при подсчете голосов избирателей.

Подсчет голосов избирателей и составления протокола об итогах голосования участковой избирательной комиссией начинается с объявления председателем участковой избирательной комиссии всем присутствующим, общего порядка подсчета голосов избирателей и составления протокола об итогах голосования».

– Необходимо расширить способы погашения бюллетеней и дополнить его иными способами.

Пункт 3 статьи 73 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» изложить в следующей редакции: «После окончания голосования члены участковой избирательной комиссии с правом решающего голоса в присутствии лиц, указанных в пункте 5 статьи 23 настоящего Федерального закона, подсчитывают и погашают, отрезая (отсекая) или любым другим способом повреждая левый нижний угол, неиспользованные избирательные бюллетени, затем оглашают и вносят в строку 6 протокола об итогах голосования и его увеличенной формы число погашенных избирательных бюллетеней, которое определяется как сумма числа неиспользованных избирательных бюллетеней и числа избирательных бюллетеней, испорченных избирателями при проведении голосования. С погашенными избирательными бюллетенями вправе визуально ознакомиться присутствующие при подсчете голосов лица, указанные в пункте 5 статьи 23 настоящего Федерального закона, под контролем членов участковой избирательной комиссии с правом решающего голоса».

– Необходимо внести изменения в пункт 4 статьи 73 Федерального закона от 10 января 2003 г. №19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации», изложив его в следующей редакции: «Председатель, заместитель председателя или секретарь участковой избирательной комиссии оглашает и вносит в строку 2 протокола об итогах голосования и его увеличенной формы число избирательных бюллетеней, полученных, либо изготовленных участковой избирательной комиссией».

– Для приведения в соответствие со сложившейся практикой установления итогов голосования и порядка передачи данных протокола результатов голосования считаем необходимым внести изменения в пункты 10-12 Постановления ЦИК России от 15 ноября 2017 г. № 110/911-7 «О Порядке и сроках передачи, обработки и использования информации о выборах, переданной по техническим каналам связи, при подготовке и проведении выборов Президента Российской Федерации на избирательных участках, образованных на судах, которые будут находиться в день голосования в плавании, на полярных станциях, в труднодоступных или отдаленных местностях либо за пределами территории Российской Федерации»,

предоставив возможность самим УИК решать вопрос о способе передачи данных протокола об итогах голосования. Сформулировать указанные пункты в следующей редакции: «10. При наличии возможности передачи данных по техническим каналам связи, после подписания протокола об итогах голосования членами УИК с правом решающего голоса, данные протокола об итогах голосования незамедлительно передаются в ТИК одним из следующих способов:

- с использованием документальной связи;
- с использованием телефонной или телеграфной связи;
- с помощью служб обмена информацией организаций, обеспечивающих связь с судами, полярными станциями, другими объектами, расположенными в труднодоступных или отдаленных местностях, а с УИК, расположенными за пределами территории Российской Федерации, - через дипломатические представительства, консульские учреждения Российской Федерации и узлы связи (департаменты связи) федеральных органов исполнительной власти».

Пункты 11 и 12 – исключить.

– Учитывая, что погашение бюллетеней – это элемент основных гарантий избирательных прав, а федеральное законодательство не содержит процедуры погашения неиспользованных бюллетеней ТИК, в целях ликвидации данного пробела предлагаем дополнить статью 74 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» пунктом 1.1. следующего содержания:

«1.1. В день голосования после окончания времени голосования члены ТИК с правом решающего голоса подсчитывают и погашают неиспользованные избирательные бюллетени, находящиеся в ТИК».

Дополнить Приложение 9 (протокол территориальной избирательной комиссии об итогах голосования на территории, расположенной за пределами Российской Федерации) Постановления ЦИК России от 30 января 2018 г. № 134/1109-7 «О формах протоколов и сводных таблиц об итогах голосования, о результатах выборов, составляемых избирательными комиссиями при проведении выборов Президента Российской Федерации» графой ба – «число погашенных неиспользованных избирательных бюллетеней, находящихся в ТИК».

– Для ликвидации пробела в праве – неурегулированность вопроса о том, кем заполняется увеличенная форма сводной таблицы в случае поступления протокола об итогах голосования по техническим каналам связи, предлагаем дополнить пункт 2 статьи 74 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» частью 2 следующего содержания:

«После поступления протокола участковой комиссии об итогах голосования от избирательных участков, образованных за пределами территории Российской Федерации по техническим каналам связи в вышестоящую комиссию, член территориальной избирательной комиссии с правом решающего голоса немедленно вносит данные этого протокола в увеличенную форму сводной таблицы территориальной избирательной комиссии».

– Для установления единообразия при проверке протоколов УИК, полученных по техническим каналам связи пункт 3 статьи 74 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» изложить в следующей редакции:

«Председатель, секретарь или иной член участковой избирательной комиссии с правом решающего голоса передает первый экземпляр протокола участковой избирательной комиссии об итогах голосования с приложенными к нему документами члену территориальной избирательной комиссии с правом решающего голоса, который проверяет правильность составления протокола и полноту приложенных к нему документов.

При передаче протокола участковой избирательной комиссии об итогах голосования от избирательных участков, образованных за пределами территории Российской Федерации по техническим каналам связи в вышестоящую комиссию член территориальной избирательной комиссии с правом решающего голоса, проверяет правильность составления протокола. Если в территориальной избирательной комиссии установлен комплекс средств автоматизации ГАС "Выборы", данные, содержащиеся в протоколе, незамедлительно вводятся в ГАС "Выборы", при этом проводится проверка выполнения контрольных соотношений данных, внесенных в указанный протокол. Если после ввода содержащихся в протоколе данных в ГАС "Выборы" обнаружены допущенные при вводе технические ошибки, корректирующие данные вводятся в ГАС "Выборы" исключительно на основании мотивированного решения территориальной избирательной комиссии. Если ГАС "Выборы" не используется, выполнение контрольных соотношений проверяет член территориальной избирательной комиссии, проверяющий правильность составления протокола».

– Пункт 5 статьи 74 дополнить следующей формулировкой:

«При передаче протокола участковой избирательной комиссии об итогах голосования от избирательных участков, образованных за пределами территории Российской Федерации по техническим каналам связи член территориальной избирательной комиссии, после внесения данных этого

протокола в увеличенную форму сводной таблицы, расписывается под данными этого протокола».

Литература

1. Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/.
2. Витрук Н.В. повышение качества выборов и совершенствование избирательного законодательства – составная часть политической реформы в современной России // Избирательное законодательство: проблемы и пути совершенствования: Материалы VII Международной научно- практической конференции, проведенной Российской академией правосудия совместно с Избирательной комиссией Томской области 24–27 мая 2012 г., Томск / Под ред. Н.В. Витрука, Л.А. Нудненко, Э.С. Юсубова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013.
3. Руководящие принципы относительно выборов (приняты Венецианской комиссией на 51-й пленарной сессии, Венеция, 5-6 июля 2002 г.) // [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2002\)023rev2-cor-rus](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2002)023rev2-cor-rus)
4. Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40445/
5. Федеральный закон от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_159349/.
6. Постановление ЦИК России от 15 ноября 2017 г. № 110/911-7 «О Порядке и сроках передачи, обработки и использования информации о выборах, переданной по техническим каналам связи, при подготовке и проведении выборов Президента Российской Федерации на избирательных участках, образованных на судах, которые будут находиться в день голосования в плавании, на полярных станциях, в труднодоступных или отдаленных местностях либо за пределами территории Российской Федерации» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282874/.
7. Постановление ЦИК России от 28 февраля 2018 г. № 145/1205-7 «Об Инструкции по организации единого порядка установления итогов голосования, определения результатов выборов Президента Российской Федерации с использованием Государственной автоматизированной системы Российской Федерации "Выборы"» // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71789586/>.

8. Постановление ЦИК России от 15 февраля 2017 г. № 74/667-7 «О применении технологии изготовления протоколов участковых комиссий об итогах голосования с машиночитаемым кодом и ускоренного ввода данных протоколов участковых комиссий об итогах голосования в Государственную автоматизированную систему Российской Федерации "Выборы" с использованием машиночитаемого кода» // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71512300/>.
9. Постановление ЦИК России от 06 декабря 2017 г. № 113/926-7 «О порядке использования Государственной автоматизированной системы Российской Федерации "Выборы" при подготовке и проведении выборов Президента Российской Федерации» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_284825/.
10. Постановление ЦИК России от 28 декабря 2017 г. № 120/996-7 «О Рекомендациях по организации голосования на избирательных участках, образованных за пределами территории Российской Федерации, при проведении выборов Президента Российской Федерации» // http://old.cikrf.ru/law/decreed_of_sec/2017/12/28/120-996-7.html
11. Пояснительный доклад (принят Венецианской комиссией на 52-й пленарной сессии, Венеция, 18-19 октября 2002 г.) // [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2002\)023rev2-cor-rus](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2002)023rev2-cor-rus).
12. Выписка из протокола заседания ЦИК России от 15 января 2018 г. № 127-1-7 // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71768656/>.
13. Протокол территориальной избирательной комиссии об итогах голосования на территории, расположенной за пределами Российской Федерации, за исключением города Байконура от 20 марта 2018 года // <https://base.garant.ru/71868058/dbddb101044a4418ba9fcf35194e29d2/>.
14. Витрук Н.В. Конституционный Суд Российской Федерации и совершенствование избирательного законодательства // Конституция и избирательное право: настоящее и будущее: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (г. Самара, 6 марта 2009 г.). Самара, 2009.

Кодаш Святослав Сергеевич,
аспирант кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
(Краснодар, Россия)
Научный руководитель – профессор Н.В. Стус
(Краснодар, Россия)

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: В данной статье анализируется актуальная правовая база, регулирующая правовой статус Государственного совета Российской Федерации, описывается процесс реформирования данного органа, его основные задачи и функции, порядок осуществления деятельности. На основании этого делается вывод о значении Государственного совета Российской Федерации и о возможных путях совершенствования его правового статуса.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, Государственный Совет, поправки к Конституции Российской Федерации, реформа, единство и эффективность публичной власти, федеративные отношения.

Государственный Совет Российской Федерации (далее – Госсовет РФ) начал свое существование вследствие реформы, произошедшей в мае 2000 года. Ранее Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, чьи полномочия были закреплены в ФЗ от 5 декабря 1995 года № 192-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» стал признан устаревшим в соответствии со статьей 8 Проекта федерального закона «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации». Коррективы были внесены в проект закона В.В. Путиным – Президентом РФ, предполагали значительные перемены в формировании Совета Федерации и означали, что верхняя палата Федерального Собрания должна была перейти на постоянный формат работы, обеспечив активное прохождение через нее законодательных инициатив. Но данный проект не был принят, так как поступили предложения по формированию согласительной комиссии и появилась идея организовать деятельность по внесению поправок в Конституцию России. В итоге предложения были спроектированы в реальность и закон все же приняли. После этого, а

именно 27 июля 2000 года В.В. Путин издал распоряжение № 313-рп «О Государственном совете Российской Федерации» об одобрении предложения высших должностных лиц субъектов Российской Федерации о создании Государственного совета Российской Федерации и о рекомендации палатам Федерального Собрания Российской Федерации представить предложения о статусе и составе Государственного совета Российской Федерации.

Позже, осенью того же года Президент РФ подписал Указ №1602 «О Государственном Совете РФ», в котором был определен статус Госсвета. А именно, Госсвет РФ – совещательный орган, призванный содействовать реализации полномочий главы государства по вопросам обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти».

Однако, Госсвет РФ не получил законодательного закрепления своего правового статуса до момента внесения поправок в Конституции России.

На общероссийском голосовании 1 июля 2020 г. были одобрены поправки в Конституцию РФ, а перед Госсветом РФ открылся новый горизонт, который согласно ч. 1 ст. 3 гл. 1 Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» выразился в приобретении Государственным Советом Российской Федерации конституционного статуса. Исходя из нововведений, указанных в пункте е5 статьи 83 новой редакции Конституции, Государственный Совет Российской Федерации, функционирующий с 2000 г., определен как конституционный государственный орган, который в соответствии с положениями конституционной поправки формирует Президент РФ. Целью служит обеспечение согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти, определения основных направлений внутренней и внешней политики Российской Федерации и приоритетных направлений социально-экономического развития государства.

К компетенции Госсвета РФ относится участие в разработке стратегических задач и целей внутренней и внешней политики Российской Федерации, формирование государственной политики в области социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. Госсвет способствует согласованному функционированию и взаимодействию органов, входящих в единую систему публичной власти, в целях соблюдения и защиты прав и свобод граждан Российской Федерации (ч. 2 ст. 3 гл. 1 ФЗ № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации»).

В ст. 5 и 6 гл. 2 данного ФЗ подробно описываются основные задачи и функции Госсовета РФ. К основным задачам относятся: содействие Президенту РФ по вопросам обеспечения и взаимодействия органов публичной власти, определения основных направлений внутренней и внешней политики РФ, и приоритетных направлений социально-экономического развития государства; подготовка предложений Президенту по важнейшим вопросам гос. строительства, укрепления основ федерализма и местного самоуправления, по вопросам, касающимся взаимоотношений РФ, ее субъектов, муниципальных образований; рассмотрение по предложению Президента РФ проектов федеральных законов и указов, имеющих общегосударственное значение, а также обсуждение основных параметров проекта федерального закона о федеральном бюджете на очередной финансовый год и на плановый период, а также информации Правительства РФ о ходе исполнения федерального бюджета и о реализации национальных целей развития страны.

Основные функции данного конституционного органа РФ прямо вытекают из его задач. То есть можно сказать о том, что конституционная норма о Госсовете РФ также предлагает рассматривать целью его формирования определение основных направлений внутренней и внешней политики Российской Федерации, а также приоритетных направлений социально-экономического развития государства.

Исходя из вышеизложенного, целью формирования Государственного Совета согласно Конституции России, является обеспечение согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти. Таким образом и исходя из функций и задач данной ветви власти, на сегодняшний день можно говорить о более широком охвате вертикали управления Госсоветом РФ. Поэтому возможно, что в значительной степени полномочия Госсовета будут сконцентрированы в направлении унификации государственной политики через единую систему публичной власти, которая тоже в скором времени должна получить развитие в федеральном законодательстве.

Лицавкин Максим Юрьевич,
аспирант кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
Научный руководитель – проф. М.В. Мархгейм
(Белгород, Россия)

НОВЫЕ КОНСТИТУЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ СТАТУСА ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ

Аннотация: В статье рассмотрены новые конституционные аспекты в статусе действующего Президента Российской Федерации. Анализируются принятые в 2020 поправки к Конституции Российской Федерации.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, поправки к Конституции Российской Федерации, Президент Российской Федерации, статус Президента Российской Федерации, институт президента.

Конституционные преобразования 2020 г. затронули различные ключевые вопросы российской государственности, одним из которых – модернизация института Президента Российской Федерации.

Так, поправки были внесены в части изменения требований, предъявляемых к кандидатам на пост Президента Российской Федерации. Согласно ч. 2 ст. 81 Конституцию Российской Федерации, Президентом Российской Федерации может быть только лицо, постоянно проживающее в Российской Федерации не менее 25 лет. До внесения поправок этот срок составлял 10 лет. Таким образом, изменился ценз оседлости. Кандидатом на пост Президента Российской Федерации не может быть лицо, имеющее или имевшее гражданство иностранного государства либо вид на жительство, либо иное основание, дающее право проживать гражданину Российской Федерации на территории иностранного государства. В этой части требования ужесточились. Возрастной ценз не претерпел изменений.

Следующей поправкой, касающейся конституционно-правового статуса главы Российского государства, явилось ограничение срока пребывания в должности Президента Российской Федерации – одно и то же лицо не может занимать пост Президента Российской Федерации более двух сроков (ч. 3 ст. 81 Конституции Российской Федерации). Как отмечают Д.В. Парин и А.А. Абоян, «Одно и то же лицо не сможет занимать должность Президента РФ более двух сроков, что исключает положение, когда после небольшого перерыва, который связан с досрочным прекращением полномочий вновь избранного Президента,

лицо, которое замещало должность Президента два срока подряд, снова может претендовать на этот пост» [1, с. 59].

Целая группа поправок коснулась полномочий Президента Российской Федерации. Это, например, вопросы согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти. Так, Президенту Российской Федерации было предоставлено право обращаться с запросом в Конституционный Суд Российской Федерации о проверке конституционности проектов законов до их подписания и обнародования (п. «а» ч. 5.1 ст. 125). Данные изменения логично нашли свое отражение в Федеральном конституционном законе от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Таким образом, в Конституции Российской Федерации есть ряд конституционных изменений, которые затронули конституционно-правовой статус Президента Российской Федерации. Ввиду отсутствия федерального закона о статусе Президента Российской Федерации в конституционном тексте такие характеристики расширены и уточнены в целях повышения эффективности организации и функционирования публичной власти в России.

Литература

1. Парин Д.В., Абоян А.А. Поправки в Конституцию РФ и изменение роли главы государства // Образование. Наука. Научные кадры. 2020. № 1. С. 58-60.

Мокроусова Ксения Анатольевна

аспирант кафедры конституционного и международного права,
юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

Научный руководитель – д.ю.н., доцент А.Н. Нифанов

НЕКОТОРЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ АДМИНИСТРАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ «СИРИУС» КАК ИСПОЛНИТЕЛЬНО- РАСПОРЯДИТЕЛЬНОГО ОРГАНА

Аннотация. В статье рассмотрен первый опыт Администрации федеральной территории «Сириус» по осуществлению закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных (муниципальных) нужд федеральной территории. В ходе исследования изучено правовое обоснование проведения закупочной процедуры исполнительно-распорядительным органом федеральной территории.

Ключевые слова: федеральная территория, публично-правовое образование, исполнительно-распорядительный орган, закупочная процедура.

Федеральным законом от 22 декабря 2020 г. № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус» [1] создана первая федеральная территория в соответствии с положениями ч. 1 ст. 67 Конституции Российской Федерации [2, с.18] в редакции Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [3].

Решением Совета федеральной территории «Сириус» от 29 октября 2021 г. №1-2/11 был одобрен проект Устава первой федеральной территории и направлен на согласование в Правительство Российской Федерации [4].

В соответствии с п.1 статьи 10 Федерального закона № 437-ФЗ была установлена следующая система органов публичной власти федеральной территории:

1) Совет федеральной территории «Сириус» – представительный орган федеральной территории «Сириус», возглавляемый председателем Совета федеральной территории «Сириус»;

2) администрация федеральной территории «Сириус» – исполнительно-распорядительный орган федеральной территории «Сириус», возглавляемый главой администрации;

3) иные органы публичной власти федеральной территории «Сириус», если их образование предусмотрено Уставом федеральной территории «Сириус».

Таким образом, система органов публичной власти была сформирована, несмотря на имеющиеся споры ряда ученых о публично-правовом статусе первой федеральной территории, тем более, в отсутствие Федерального закона, единого для данного вида публично-правового образования.

Так, например, Зернов И.В. считает, что толковать понятие федеральной территории в конституционной юридической практике можно только в политическом смысле, т.к. внутренние воды и территориальное море, воздушное пространство над ними, наряду с федеральными территориями и территориями субъектов, являются составляющими понятия «территория Российской Федерации», которое закреплено в ч. 1. ст. 67 Конституции Российской Федерации [5, с.16].

Уставом первой федеральной территории закреплены также полномочия Администрации федеральной территории «Сириус», как её исполнительно-распорядительного органа [4].

В числе прочих, в учредительном документе нашло свое отражение закрепление полномочий по осуществлению закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных (муниципальных) нужд федеральной территории в рамках Федерального закона от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [6].

Учитывая неоднозначность выбора первой федеральной территории, обусловленного на наш взгляд, финансовыми вложениями в развитие федеральной территории «Сириус» и желанием поддержать и сохранить развитую инфраструктуру Олимпийских объектов, можно предположить, что в качестве примера функций заказчика, с учетом заключения Конституционного Суда Российской Федерации о невозможности придания статуса федеральной территории, равного статусу субъектов Российской Федерации [7], будет использован опыт территориально обособленного комплекса (инновационного центра «Сколково») при проведении закупочных процедур.

В соответствии с Федеральным законом от 28 сентября 2010 г. № 244-ФЗ «Об инновационном центре «Сколково» [8], Приказом №188-ПР от 4 октября 2021 г., утверждено Положение о закупках товаров, работ и услуг Некоммерческой организации Фонд развития Центра разработки и коммерциализации новых технологий (Фонд «Сколково») [9].

На основании названных нормативных документов, закупки осуществляются в соответствии с утвержденным положением, с четко регламентированной методикой рассмотрения, оценки и сопоставления заявок условиям тендерной документации.

Контракт в соответствии с методикой, заключается с исполнителем, предложившим лучшую цену, и подтвердившим свою способность к выполнению работ, путем предоставления документов о качестве материалов, наличия техники, персонала и т.д., набравшим большее количество сумм величин значимости всех критериев, предусмотренных документацией о закупке (максимальное количество составляет 100 процентов).

В данном случае, выигрывает и заказчик и исполнитель, минимизируя дополнительные риски, связанные с жесткими условиями, предъявляемые Федеральным законом о контрактной системе [6], в т.ч. с императивными нормами, направленными на недопущение нарушения федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [10].

Однако, Федеральным законом от 2 июля 2021 г. № 351-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [11], были внесены изменения и в Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [12]. Статья 9.2. указанного Федерального

закона была дополнена. Таким образом, к бюджетным учреждениям законодатель отнес и некоммерческие организации, созданные в целях обеспечения реализации предусмотренных законодательством Российской Федерации полномочий соответственно органов государственной власти (государственных органов), органов публичной власти федеральной территории или органов местного самоуправления в сферах науки, образования, здравоохранения, культуры, социальной защиты, занятости населения, физической культуры и спорта, а также в иных сферах.

Также изменения были внесены в статью 2 Федерального закона о контрактной системе, распространив действие данного закона в том числе на федеральные территории, органы публичной власти федеральных территорий, уполномоченные на осуществление нормативно-правового регулирования и контроля в сфере закупок, соответственно.

Таким образом, правовой пробел в сфере осуществления закупок исполнительно-распорядительным органом федеральной территории, в рамках действия федерального закона о контрактной системе был устранен, что позволило Администрации федеральной территории «Сириус», зарегистрированной в качестве юридического лица в Едином государственном реестре юридических лиц 8 февраля 2021 г. [13], провести свою первую закупочную процедуру. Таковой стала закупка у единственного поставщика в соответствии с требованиями п.32 ч.1. ст.93 Федерального закона о контрактной системе – заключение договора аренды нежилых помещений для нужд администрации федерального бюджетного учреждения территории «Сириус» 11 ноября 2021г. [14].

Изучая правовое основание применения Федерального закона о контрактной системе, необходимо также остановиться на важности контроля и надзора за соблюдением действующего законодательства в сфере расходования бюджетных средств.

В качестве надзора за соблюдением действующего законодательства исполнительно-распорядительным органом федеральной территории «Сириус» в настоящее время можно опираться на созданный отдел по надзору за исполнением федерального законодательства на федеральной территории «Сириус» Главного Управления по надзору за исполнением федерального законодательства Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Интересным представляется вопрос и об осуществлении контрольных функций Федеральной антимонопольной службы за соблюдением антимонопольного законодательства Администрацией Федеральной Территории «Сириус», т.к. федеральный законодатель отнес администрацию федеральной территории к бюджетному учреждению, выполняющему функции

заказчика в закупочных процедурах, со всеми вытекающими правовыми последствиями, в т.ч. и ответственностью должностных лиц за нарушение действующего законодательства.

Проектом Устава к иным органам федеральной территории относится Контрольно-счетная палата федеральной территории «Сириус», которая является постоянно действующим органом внешнего государственного и муниципального финансового контроля федеральной территории и обладает правами юридического лица.

Важность создания данного органа продиктована необходимостью прозрачности расходования бюджетных средств и контроля за соблюдением действующего законодательства в т.ч. исполнительно-распорядительным органом федеральной территории.

Остается надеяться, что для создания столь важного органа контроля не потребуется ждать истечения переходного периода до 31 декабря 2025 г., предусмотренного Федеральным законом № 437-ФЗ, а постоянно действующий орган будет зарегистрирован и начнет осуществлять свои функции в недалеком будущем.

В условиях многочисленных споров о создании федеральной территории и выборе именно «Сириуса» в качестве первопроходца, это, на наш взгляд, представляется важным.

Литература:

1. Федеральный закон от 22 декабря 2020 г. № 437-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О федеральной территории «Сириус»// URL: <https://cloud.consultant.ru>.
2. Конституция Российской Федерации. – Москва: Проспект, 2021. – 64 с.
3. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // URL: <https://cloud.consultant.ru/>.
4. Официальный сайт Федеральной территории «Сириус» URL: <https://cloud01.sochisirius.ru/index.php/s/JrsyZtMPiERBy3T#pdfviewer>.
5. Зернов И.В. Конституционные особенности статуса федеральной территории: вопросы теории и практики // Журнал о праве. 2021. № 1. С. 14-23.
6. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // URL: <https://cloud.consultant.ru/>.
7. Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 г. № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской

Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // URL: <https://cloud.consultant.ru/>.

8. Федеральный закон от 28 сентября 2010 г. № 244-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об инновационном центре «Сколково» // URL: <https://base.garant.ru/12179043/>.

9. Официальный сайт Инновационного центра «Сколково» // URL: <https://dochub.sk.ru/foundation/documents/p/tenders.aspx6>.

10. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О защите конкуренции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021) <https://base.garant.ru/12148517/>.

11. Федеральный закон от 2 июля 2021 г. № 351-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: <https://cloud.consultant.ru/>.

12. Федеральный закон от 12 января 1996 года № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // URL: <https://cloud.consultant.ru/>.

13. Выписка из Единого государственного реестра юридических лиц. Официальный сайт ФНС России URL: <https://egrul.nalog.ru/index.html>.

14. Официальный сайт Главная Портал Закупок // URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html>.

Петербургский Андрей Павлович,
аспирант кафедры конституционного и
международного права юридического института НИУ «БелГУ»
(Москва, Россия)

Научный руководитель – проф. М.В. Мархгейм
(Белгород, Россия)

РАЗВИТИЕ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ В РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию развития правового регулирования судебного контроля в российском государстве. Автором представлены результаты анализа правовых актов 1918-1991 гг., подтверждающие самостоятельность отечественной функции судебного контроля.

Ключевые слова: судебный контроль, судоустройство, судопроизводство, частные жалобы, приговоры, решения.

В современный период судебный контроль является неотъемлемой функцией государства со сформировавшейся конституционно-правовой базой. В рамках данного исследования обратимся к истокам становления правового регулирования заявленной функции в российском государстве.

В числе первых актов, оказавших влияние на рассматриваемую сферу правоотношений, явился Декрет ВЦИК от 7 марта 1918 г. № 2 «О суде», которым в целях достижения единообразия кассационной практики, учреждался в столице верховный судебный контроль. В его состав входили представители областных народных судов (ст. 6).

Контрольный функционал Верховного судебного контроля состоял в следующем:

в случае отмеченных им противоречий в толковании законов различными кассационными инстанциями, выносил объединяющие принципиальные решения, которые кассационными инстанциями принимаются впредь к руководству;

в случаях же обнаружения неустранимого противоречия между действующим законом и народным правосознанием, верховный судебный контроль делал законодательным органам представления о необходимости издания нового соответствующего закона.

Несмотря на обособление подобного рода специальной структуры, указанным декретом вводилась ограниченность судебного функционала деятельностью законодательного органа советской власти, поскольку он мог отменять решения верховного судебного контроля.

Дальнейшее формализованное развитие судебного контроля также было связано с принятием правовых актов, посвященных судоустройству. Так, в ст. 82 Декрета ВЦИК от 30 ноября 1918 г. «О Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» устанавливалось, что в каждом судебном округе для рассмотрения кассационных и частных жалоб на приговоры, решения и действия Народных Судов и ближайшего контроля над ними учреждается Совет Народных Судей. В аналогичном Декрете 1920 г. ст. 84 была воспроизведена в идентичной формулировке. Таким образом, в государстве учреждалась специальная судебная инстанция для реализации контроля.

Кроме судоустроительного аспекта развития судебной функции, последняя также закреплялась через соответствующий объект в рамках судопроизводства.

К примеру, согласно п. 4 Декрета СНК РСФСР от 20 июня 1924 г. губернский суд осуществлял наблюдение и контроль за деятельностью судебных переводчиков.

На наш взгляд, п. 17 Положения о дисциплинарных судах 1926 г. наделял краевые, областные и губернские дисциплинарные суды, а равно дисциплинарные суды автономных республик контрольным функционалом в отношении нижестоящих судов. В частности,

право требовать от окружных и уездных (или соответствующих им) дисциплинарных судов отчеты о их деятельности, для представления таковых в соответствующий исполнительный комитет и в Главный Дисциплинарный Суд;

право инструктирования, надзора и контроля за деятельностью окружных и уездных (или соответствующих им) дисциплинарных судов без организации в этих целях специального аппарата.

В Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1923 г. был отражен широкий по содержанию объект судебного контроля. Обратим внимание, несмотря на наименование раздела «Производство в порядке надзора», в тексте ст. 440 использован термин «контроль». Так, Председатель Верховного суда имел право потребовать дело для контроля в любой стадии процесса из всех судебных органов РСФСР. В свою очередь председатели краевых (областных) судов, главных судов автономных республик и областных судов автономных областей имели право потребовать для контроля дела из судебных органов их края (области) и республики.

При этом все органы, требующие дело для контроля, кроме районного прокурора, были вправе приостановить исполнение приговора, что следует из Постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 г. «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР».

Подобного рода образом складывались и регулирование судебного контроля в рамках гражданского судопроизводства. Согласно Основам гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик контроль за правильным и своевременным исполнением судебных решений осуществлялся судьей (ст. 56).

О расширении объекта судебного контроля позволили сделать вывод и установления акта более позднего периода. К примеру, Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 23 декабря 1988 № 14 предписывало судам обеспечить контроль за исполнением решений об удовлетворении жалоб, имея в виду, что соответствующее должностное лицо должно сообщить о мерах, принятых по исполнению решения, не позднее чем в месячный срок с момента его вынесения (п. 22).

Контрольный функционал был адресован судьям различных судебных инстанций. В первом случае в соответствии с Законом от 30 ноября 1979 г. «О Верховном Суде СССР» Председатель Верховного Суда СССР организовал

работу по осуществлению контроля за выполнением руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР (ст. 35).

Что касается второго варианта, то, к примеру, судьи по административному и исполнительному производству по поручению председателя районного (городского) народного суда осуществляли контроль за работой судебных исполнителей п. 2 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о судеустройстве (приняты ВС СССР 13.11.1989 г.).

Конечно, важный этап становления в российском государстве судебного контроля связан учреждением Конституционного Суда РСФСР. Как отмечалось в Законе РСФСР от 6 мая 1991 г. «О Конституционном Суде РСФСР» в согласии с принципами разделения властей конституционный контроль передавался в ведение судебной власти как наиболее беспристрастной и независимой. Учреждение Конституционного Суда РСФСР должно послужить укреплению конституционного строя Российской Федерации, утверждению начал законности в правотворчестве и правоприменении.

Отметим, что в правовых актах рассматриваемого периода легализовали не только функцию судебного контроля, которая была связана с рассмотрением дел по существу, но также и в направлении оперативного контроля. К примеру, Приказом Минюста СССР от 5 ноября 1976 г. № 26 «О соблюдении судами установленных законом процессуальных сроков рассмотрения гражданских и уголовных дел» председателям Верховных судов союзных и автономных республик, краевых, областных, городских судов, судов национальных округов, районных (городских) народных судов, военных трибуналов предписывалось установить повседневный контроль за прохождением дел и материалов, поступивших в суд, своевременностью их регистрации и оформления.

Уточним, что материалы судебной практики также неоднократно подчеркивали значимость судебного контроля.

Так, Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 1 августа 1964 г. № 23 «Об улучшении работы судов по рассмотрению гражданских колхозных дел» обязывало судебную коллегия по гражданским делам Верховного Суда РСФСР, Верховные суды АССР, краевые, областные суды, суды автономных областей и национальных округов усилить надзор и контроль за работой нижестоящих судов по рассмотрению гражданских колхозных дел.

Позднее Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 16 августа 1984 г. № 15 «О руководящих разъяснениях Пленумов Верховных Судов союзных республик» Верховным Судам союзных республик предписывалось усилить контроль за выполнением судами требований законов и руководящих разъяснений Пленумов Верховного Суда СССР и Верховных Судов союзных республик.

Такие рекомендации были неоднократны и касались не только общей организации деятельности судов, но и связывались с рассмотрением определенных категорий дел.

В порядке итога, отметим, что представленные результаты анализа правовых актов российского государства с 1918 по 1991 г. позволяют нам сделать вывод о наличии и развитии функции судебного контроля в государстве.

Чабаненко Лариса Владимировна

аспирант кафедры теории и истории государства и права
юридического института НИУ «БелГУ»

(Белгород, Россия)

Научный руководитель – проф. Г.С. Беляева

(Белгород, Россия)

К ВОПРОСУ О ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ

Аннотация. Автором в статье рассмотрены актуальные вопросы введения элементов электронного правления в повседневную жизнь. Дано определение понятия «административная услуга». Представлено правовое регулирование процесса цифровизации предоставления государственных и муниципальных услуг. Проанализирован зарубежный опыт предоставления цифровых административных услуг. Выявлены недостатки отечественного процесса цифровизации предоставления данных услуг. Сделан вывод о необходимости совершенствования доступных механизмов взаимодействия между субъектами предоставления государственных и муниципальных услуг.

Ключевые слова: административная услуга, государственные и муниципальные услуги, цифровизация.

Бесспорно, что современное «цифровое» общество следует рассматривать как шаг к формированию нового типа взаимоотношений власти и общества, построенного на моральных принципах управления, с точки зрения понятийно-ценностной платформы и методологии общения с гражданами, без границ и лишних бюрократических надстроек. Так, развивающиеся общественные отношения и новые потребности в прогрессивном развитии гражданского общества и демократического правового государства, как отмечает Н.В. Витрук, затрагивают все социальные сферы [1, с. 133].

Ввиду «цифровизации» общества происходит стремительное развитие общественных отношений, что закономерно приводит к использованию информационных технологий во всех сферах жизни, в том числе в сфере публичного администрирования. Необходимость введения элементов электронного правления в повседневную жизнь ни у кого не вызывает сомнений, поскольку это способствует улучшению жизни рядовых граждан, увеличивает доверие к органам государственной власти и органам местного самоуправления, уменьшает расход времени субъектам предпринимательской деятельности и физическим лицам, необходимого для получения услуги, что способствует повышению уровня реализации конституционных прав граждан.

Заметим, что анализируя современную систему предоставления государственных и муниципальных услуг, можно прийти к выводу, что она находится лишь на пути своего становления. Это объясняется тем, что в настоящее время процедурные аспекты предоставления данных услуг проходят этап реформирования, по промежуточным итогам которого заметно, что многие государственные и муниципальные услуги возможно получить онлайн, применив определенные информационные системы.

Вместе с тем, информационное обеспечение предоставления административных услуг является таковым, что имеет некоторые практические недостатки: например, отсутствие у ряда граждан технической возможности получения услуги через сеть Интернет.

Обращаясь к правовому регулированию, заметим, что отечественное законодательство не содержит категории «административная услуга», данная юридическая конструкция является теоретической.

Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» в ст. 2 даёт толкование понятий «государственная услуга» и «муниципальная услуга», указывая, что под ними понимается деятельность по реализации функций определённого органа государственной власти или, соответственно, местного самоуправления. Вместе с тем в правовой науке их объединяют в группу, поименованную как административные услуги.

Так, на наш взгляд, административная услуга – это, прежде всего, результат осуществления властных полномочий субъектом предоставления административных услуг по заявлению физического или юридического лица, направленный на приобретение, изменение или прекращение прав и (или) обязанностей такого лица в соответствии с законом.

В целом, государственная политика в сфере предоставления административных услуг базируется, кроме незыблемых конституционных принципов, на началах оперативности и своевременности, рациональной

минимизации количества документов и процедурных действий, требуемых для получения государственных и муниципальных услуг, доступности и удобства для субъектов обращений и т.д.

В России созданный Единый портал государственных услуг призван отвечать на самые разнообразные запросы физических и юридических лиц, адресованных различным министерствам и ведомствам: например, получение удостоверения допуска российского перевозчика к международным автомобильным перевозкам, исполнение обязанности по предоставлению сведений о результатах теста на новую коронавирусную инфекцию для прибывающих на территорию Российской Федерации, составление декларации пожарной безопасности и прочее.

В целом, важным этапом в направлении цифровизации системы предоставления исследуемых услуг стало принятие Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 09 мая 2017 г. № 203. В частности, в ней указано, что одним из приоритетных сценариев развития информационного общества является предоставление государственных и муниципальных услуг в онлайн формате.

Нельзя отрицать, что цифровизация охватывает все институты власти. Публичное управление, как часть исполнительной власти, также требует непрерывного совершенствования технологии предоставления административных услуг и обработки информации. Налицо несколько взаимосвязанных тенденций, возникающих при цифровизации административных услуг.

Во-первых, цифровизация потенциально является предпосылкой для построения новой модели управления – электронного управления. Во-вторых, данные процессы неукоснительно обуславливают потребность в преобразовании правового фундамента государства – начиная от законодательного уровня, заканчивая регламентированием предоставления отдельных услуг.

Безусловно, что развитие информационных технологий является процессом, спрашивающим большого административного потенциала. Это требует тренингов и информационных кампаний для поощрения и объяснения сущности, принципов и задач цифровизации государственных и муниципальных услуг.

Обнаруживающиеся недостатки национальной стратегии и стандартов в области разработки автоматизированных информационных систем могут

привести к использованию разнообразных и несообщённых друг с другом технологий, а также к нерациональному использованию ресурсов, дублированию данных, повторному вводу идентичной информации и прочее.

Кроме того, в настоящее время всё ещё случаются ситуации, когда результат оказанной услуги в онлайн формате является неудовлетворительным для конечного «потребителя» услуги. В качестве примера приведём следующую ситуацию: соискатель должности профессорско-преподавательского состава представил справку об отсутствии судимости, полученную, как он утверждал, в личном кабинете портала «Госуслуг», с отметкой о подписании справки в электронной форме. Вуз отказал в приёме справки, посчитав её недействительной, так как, по его мнению, был лишён возможности проверить её подлинность. Вместе с тем, справка была подписана электронной подписью, что не требовало её дополнительного заверения [2]. Таким образом, налицо ситуация несовершенного механизма взаимодействия лиц, объединённых потребностью в предоставлении государственной услуги.

В юридическом сообществе в качестве положительного примера цифровизации любых юридических процессов приводится опыт Болгарии, где возможность предоставления государственных услуг в электронном виде реализована через RegiX интерфейс, который предоставляет возможность пользователям услуг автоматизированно предоставить и в дальнейшем получить эту услугу в электронном варианте, отправлять запросы в электронном виде, беспрепятственно получать информацию из базовых реестров, таких как реестр собственности, торговый реестр, реестр обязательств перед таможенной администрацией и т.д.

Таким образом, несмотря на основательную нормативную правовую базу для предоставления административных услуг через сеть Интернет, на практике это не всегда возможно, учитывая техническую оснащенность субъектов-участников оказываемой услуги, вида предоставляемой услуги. По нашему мнению, для лучшего обеспечения возможности получить государственную или муниципальную услугу через Интернет необходимо совершенствовать доступные механизмы взаимодействия между субъектами предоставления таких услуг в режиме онлайн, расширить доступ населения к сети Интернет, утвердить алгоритм работы для получения услуги в электронном виде, начиная от информирования о пакете документов и завершая получением результата услуги, удостоверенной в надлежащем формате, что в конечном итоге будет иметь лишь положительный эффект для реализации гарантированных Конституцией прав и свобод человека и гражданина.

Литература:

1. Витрук Н.В. Актуальные проблемы модернизации конституционного правосудия в России // Журнал российского права. 2011. №10 (178). С. 119-133.
2. СПС КонсультантПлюс. Вопрос-ответ // Онлайнинспекция.РФ: электронный ресурс. 2017. URL: онлайнинспекция.рф (дата обращения: 14.06.2017). Номер в ИБ: 27956.

Шамаева Карина Вахитовна,
соискатель кафедры конституционного и
международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
(Москва, Россия)

К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В данной работе представлен авторский подход, аргументирующий состоятельность конституционно-правовой ответственности субъектов Федерации; приведены доводы о необходимости ее отграничения от смежных правовых явлений.

Ключевые слова: юридическая ответственность, конституционно-правовая ответственность, конституционно-правовой ответственности субъектов Российской Федерации.

Вопросы конституционно-правовой ответственности являются предметом пристального внимания ученых-конституционалистов [1, с. 12-17; 2, с. 3-8; 3, с. 3-6]. Консенсус относительно места такой ответственности в системе конституционных отношений, и, в частности, ее восприятие как элемента статуса субъекта права (в том числе, субъекта Российской Федерации) пока отсутствует. Тем не менее, в качестве элемента гарантии статуса или элемента непосредственно статуса, во взаимосвязи с последствиями разрешения споров между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти ее субъектов, наличие этого конституционно-правового института не отрицается. Рассматривая конституционно-правовую ответственность как элемент правового статуса субъекта в составе России, мы основываемся на следующих положениях:

– это опосредованный конституционно-правовыми нормами вид юридической ответственности, обеспеченный принудительной силой

государства и характеризующийся неблагоприятными последствиями для субъекта ответственности;

– справедливость, законность, гуманизм, обоснованность, целесообразность и неотвратимость как ее общие принципы;

– основание для привлечения к конституционно-правовой ответственности – совершение конституционного деликта (правонарушения, посягающего на общественные отношения в сфере публичной власти);

– специфические меры конституционно-правовой ответственности, налагаемые уполномоченными субъектами.

Конституционно-правовая ответственность выполняет функцию политико-правового воздействия на субъекты конституционно-правовых отношений, и в этом смысле реализует праввосстановительную функцию конституционного правопорядка.

Конституционно-правовая федеративная ответственность не нашла своего текстуального закрепления ни в Конституции России, ни в конституциях и уставах субъектов Федерации. По мнению Х.А. Тхабисимова, это отрицательная парадигма отечественного законодательства, обусловленная исторической определенностью правотворчества страны. Надо полагать, отмечает далее исследователь, что конституционно-правовая ответственность Федерации в сфере федеративных отношений существует в принципиально иной форме, чем ответственность субъектов Федерации. Это не ответственность Федерации перед ее субъектами, а ответственность совершившего конституционный деликт в сфере федеративных отношений федерального органа власти перед уполномоченной инстанцией также федерального уровня. Таким образом, субъектами федеративной ответственности являются Федерация, субъекты Федерации, федеральные органы государственной власти и органы государственной власти субъектов Федерации» [4, с. 408-415]. На наш взгляд, вывод весьма принципиальный, смешивающий технико-юридическую и концептуальную точку зрения на предмет и позволяющий заметить, что картина совершенно изменится путем введения такого субъекта конституционно-правовых отношений как народ Российской Федерации. Тем не менее, ставя акцент на форме реализации, Федерация и субъект Российской Федерации в вышеприведенном мнении не исключаются из числа субъектов конституционно-правовой ответственности. Хотя весьма распространенным в научной среде является подход, согласно которому не существует ответственности субъекта Федерации; субъектом ответственности может являться конкретный орган государственной власти

субъекта Российской Федерации [5, с. 62-63]. Конечно, отмечает А.А. Кондрашев, в «чистом» виде говорить об ответственности субъекта Российской Федерации как государственного образования в смысле его ликвидации или снижения его статуса в контексте действующей Конституции РФ нельзя. Например, из положений Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении в Российской Федерации», предусматривающих введение в субъекте Федерации федерального управления и приостановку деятельности соответствующих органов, не следует однозначный вывод власти об ответственности именно субъекта. Хотя и изменяется его правовое состояние субъекта как части федеративного государства [6, с. 10-14].

Не отрицая феномен конституционно-правовой ответственности субъекта Федерации, А.С. Агапов, выделил следующие ее особенности: отсутствие на конституционном уровне, что препятствует полноценному законодательному регулированию; реализация действующих законодательных мер конституционно-правовой ответственности субъектов Российской Федерации затруднена или практически невозможна ввиду несовершенных юридических конструкций и сложной процедуры их использования; институт судебного контроля за нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации в целом довольно противоречив и нередко неэффективен в связи с отсутствием механизма принудительного исполнения соответствующих судебных решений и не может восполнить отсутствие полноценного института конституционно-правовой ответственности субъектов Российской Федерации [7, с. 7].

Дефинитивно Кондрашев А.А. предлагает рассматривать понятие ответственности субъекта Российской Федерации в широком (ответственность самого субъекта как государственно-территориального образования и ответственность его органов и должностных лиц) и узком (ответственность самого субъекта, связанная с ограничением или ликвидацией его правового статуса как государственно-территориального образования) смыслах. Автором также представлены убедительные, на наш взгляд, аргументы в пользу необходимости использования в научном обороте понятия «конституционно-правовая ответственность субъекта федерации и его органов» вместо терминов «федеральное вмешательство», «федеральная интервенция» или «федеральное принуждение», так как использование последних потенциально способно исказить понимание правовой природы санкций, применяемых к субъектам Федерации [8].

Развивая указанный подход, ученые полагают, несмотря на нетождественность понятий «федеративная ответственность» и «конституционно-правовая ответственность субъектов Федерации» (первое понятие по содержанию шире второго, поскольку федеративная ответственность допускает и ситуацию ответственности Федерации в лице ее государственных органов и должностных лиц), в отдельных случаях, когда речь идет о федеративной ответственности субъектов Российской Федерации вполне допустимо использование в качестве синонима понятие «конституционно-правовая ответственность субъектов Федерации» [9, с. 36-43]. В данном ключе высказывался профессор С.И. Некрасов: «ответственность субъектов внутрифедеративных отношений носит односторонний характер – в действующем российском законодательстве отсутствуют нормы, предусматривающие конституционную ответственность федеральных органов государственной власти за невыполнение (ненадлежащее выполнение) своих обязанностей как субъектов внутрифедеративных правоотношений (равно как и за неправомерное нарушение прав и полномочий другой стороны – органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [4, с. 5-13]. Ситуация не изменилась и сейчас.

Между тем, как представляется, двусторонний характер федеративной ответственности, будучи признан, являлся бы весомой и логичной конституционной гарантией суверенитета, к примеру, республик в составе Российской Федерации в пределах их территории и республиканских полномочий.

Литература

1. Кивель В.Н. Понятие и общая характеристика юридической ответственности как элемента конституционно-правового статуса личности // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 8. С. 12-17.
2. Трофимова Г.А. Понятие конституционно-правовой ответственности как отраслевого вида юридической ответственности // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 7. С. 3-8.
3. Чепус А.В. Теоретико-правовое содержание понятия юридической ответственности как конституционно-правового института // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 5. С. 3-6.
4. Тхабисимов Х.А. Конституционно-правовая ответственность в федеративных отношениях Российской Федерации и ее субъектов // Системы власти и права

автохтонных народов Кавказа, Российской империи, Советов (XVIII-XX вв.): сравнительный анализ. Пятигорск, 2016. С. 408-415.

5. Битюцкий Е.В. Конституционная модель современного российского федерализма: Дис. ... канд. юрид. наук. Пенза, 2017. 286 с.

6. Кондрашев А.А. Правовой статус субъекта Российской Федерации: опыт доктринального исследования // Правоведение. 2003. № 6. С. 10-14.

7. Агапов А.С. Конституционно-правовая ответственность в федеративных отношениях: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2008. 19 с.

8. Кондрашев А.А. Теория конституционно-правовой ответственности в Российской Федерации: Автореферат дис. ... докт. юрид. наук. М., 2011. 56 с.

9. Заметина Т.В. Конституционно-правовые основы федеративной ответственности // Ленинградский юридический журнал. 2012. № 2. С. 36-43.

10. Некрасов С.И. Конституционно-правовая ответственность субъектов внутрифедеративных отношений в Российской Федерации: специфика состава конституционного деликта, применяемых санкций, классификации // Государство и право. 2005. № 8. С. 5-13.

Шерстнев Валерий Николаевич,

аспирант кафедры конституционного и

международного права

юридического института НИУ «БелГУ»

(Краснодар, Россия)

Научный руководитель – проф. М.В. Мархгейм

(Белгород, Россия)

СОВРЕМЕННОЕ КОНСТИТУЦИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СУДОУСТРОЙСТВА В РОССИИ

Аннотация. В рамках работы автором представлены результаты анализа современного текста Конституции Российской Федерации, раскрывающие базовый уровень закрепления, определения судоустройства в государстве.

Ключевые слова: судоустройство, суд, принципы, судья, присяжные заседатели.

В соответствии энциклопедической трактовкой судоустройство представляют совокупностью принципов и норм, определяющих организацию и деятельность системы судебных органов [1].

Однако в теории права распространен подход, согласно которому судоустройство ассоциируют с такими элементами, как общие принципы организации и деятельности судебной власти, судебная система в узком смысле (как система судебных учреждений), формы судопроизводства, основы статуса судей, народных заседателей, присяжных заседателей, и иные вопросы организации деятельности судов, в том числе функционирование органов судейского сообщества. Есть мнение, что все представленные элементы следует объединить в рамках понятия «судебная система», объясняя это тем, что это соответствует федеральному конституционному закону «О судебной системе Российской Федерации», который не ограничивается формализацией системы судебных учреждений, раскрывая в общем виде принципы функционирования судебной власти, статус ее представителей и т.д. [1]. Полагаем, такой подход некорректен и в этой связи предпочтительно использовать термин «судоустройство», содержательно выходящий за пределы судебной системы. Кроме того, совокупность традиционно включаемых в судопроизводство элементов, регулируется не только названным федеральным конституционным законом, но и рядом иных специальных законов. Поэтому по доктринальным и нормативным основаниям, считаем обоснованным использовать употребление в рамках данной работы термина «судоустройство».

Уточним, что судоустроительный аспект динамичен. Конституционные изменения 2020 года затронули и его. В рамках нашего исследования вне сравнительно-правового аспекта представим результаты анализа современного текста Конституции Российской Федерации, нормами которого закрепляются основы судоустройства в России.

Итак, основным принципиальным положением рассматриваемой темы является конституционная норма ст. 10 об осуществлении в России государственной власти на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. При этом органы судебной власти, как и органы законодательной и исполнительной власти самостоятельны.

Уточним, что в современной Конституции нормы, связанные с судоустройством, встречаются более, чем в половине ее глав.

В Главе 3 «Федеративное устройство» непосредственно термин «судоустройство» встречается в п. «о» ст. 71 в контексте предметов ведения Российской Федерации. В данной же норме также следует отметить п. «г» об установлении системы федеральных органов судебной власти, порядка их организации и деятельности.

Подчеркнем, что в Конституции России приведенная норма является единственной, использующей термин «судопроизводство».

В рамках предметов совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов обнаружен аспект легализации кадров судебных органов (п. «л» ст. 72).

Главы о Президенте Российской Федерации и Федеральном Собрании Российской Федерации в результате конституционных изменений 2020 г. пополнились нормами, имеющими отношение к судоустройству в рамках полномочий главы государства и парламента.

Так, в соответствии с п.п. «е» и «е.3» ст. 83 Президент Российской Федерации:

представляет Совету Федерации кандидатуры для назначения на должность Председателя Конституционного Суда Российской Федерации, заместителя Председателя Конституционного Суда Российской Федерации и судей Конституционного Суда Российской Федерации, Председателя Верховного Суда Российской Федерации, заместителей Председателя Верховного Суда Российской Федерации и судей Верховного Суда Российской Федерации; назначает председателей, заместителей председателей и судей других федеральных судов;

вносит в Совет Федерации представление о прекращении в соответствии с федеральным конституционным законом полномочий Председателя Конституционного Суда Российской Федерации, заместителя Председателя Конституционного Суда Российской Федерации и судей Конституционного Суда Российской Федерации, Председателя Верховного Суда Российской Федерации, заместителей Председателя Верховного Суда Российской Федерации и судей Верховного Суда Российской Федерации, председателей, заместителей председателей и судей кассационных и апелляционных судов в случае совершения ими поступка, порочащего честь и достоинство судьи, а также в иных предусмотренных федеральным конституционным законом случаях, свидетельствующих о невозможности осуществления судьей своих полномочий.

Соответственно к ведению Совета Федерации отнесено назначение на должность лиц, представленных Президентом Российской Федерации, а также прекращение полномочий по представлению Президента Российской Федерации (п.п. «ж», «л» ч. 1 ст. 102, ч. 1 ст. 128 Конституции Российской Федерации). Здесь же уместно указать положения ч. 2 ст. 128 из главы о судебной власти, предписывающей назначение Президентом Российской Федерации в порядке, установленном федеральным конституционным законом председателей, заместителей председателей и судей других федеральных судов.

В российской Конституции традиционно обособлена самостоятельная глава, посвященная органам судебной власти (в рамках данного исследования

не обращаем внимание на причины трансформации наименования этого структурного элемента Конституции). Примечательно, что из 10 норм, непосредственно касающихся судебной власти 9 посвящены судоустройству. Данный факт расцениваем в качестве прикладного аргумента в пользу широкой содержательной интерпретации судопроизводства, выходящего за пределы судебной системы.

Если следовать буквальному толкованию ч. 3 ст. 118 Конституции, то судебную систему Российской Федерации составляют только Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, федеральные суды общей юрисдикции, арбитражные суды, мировые судьи субъектов Российской Федерации. В таком ракурсе мы расцениваем судебную систему, как часть судоустройства.

Важна конституционная фиксация принципов судоустройства, выразившаяся в наличии следующих основополагающих начал:

- конституционность установления судебной системы Российской Федерации (ч. 3 ст. 118, 3 ст. 128);
- законность установления судебной системы Российской Федерации (ч. 3 ст. 118, ч.ч. 2, 3 ст. 128);
- запрет создания чрезвычайных судов (ч. 3 ст. 118).

Ряд принципов традиционно сопоставим с статусом судей: принцип независимости судей (ч. 1 ст. 120), принцип подчинения судей только Конституции Российской Федерации и федеральному закону (ч. 1 ст. 120), принцип несменяемости судей (ч. 1 ст. 121), принцип неприкосновенности судей (ч. 1 ст. 122).

Статьи 125 и 126 Конституции России посвящены характеристике высших органов судебной власти – Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации.

Конституционный Суд Российской Федерации – высший судебный орган конституционного контроля в Российской Федерации, осуществляющий судебную власть посредством конституционного судопроизводства в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации на всей территории Российской Федерации; состоит из 11 судей, включая Председателя Конституционного Суда Российской Федерации и его заместителя.

Верховный Суд Российской Федерации – высший судебный орган по гражданским делам, разрешению экономических споров, уголовным, административным и иным делам, подсудным судам общей юрисдикции и арбитражным судам, образованным в соответствии с федеральным

конституционным законом и осуществляющим судебную власть посредством гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства. Верховный Суд Российской Федерации осуществляет в предусмотренных федеральным законом процессуальных формах судебный надзор за деятельностью судов общей юрисдикции и арбитражных судов и дает разъяснения по вопросам судебной практики.

Представленные выше нормы были скорректированы конституционными поправками 2020 г. Не обошли эти поправки и судей, для которых ст. 119 теперь определяет широкий перечень цензов: судьями могут быть граждане Российской Федерации, достигшие 25 лет, имеющие высшее юридическое образование и стаж работы по юридической профессии не менее пяти лет, постоянно проживающие в Российской Федерации, не имеющие гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства. Судьям судов Российской Федерации в порядке, установленном федеральным законом, запрещается открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации. При этом федеральным законом могут быть установлены дополнительные требования к судьям судов Российской Федерации.

На наш взгляд, важнейшим положением, определяющим судостроительный порядок в стране, является конституционное установление ст. 124 о том, что финансирование судов производится только из федерального бюджета.

Таким образом, в Конституции Российской Федерации выявлен необходимый минимум, определяющий основы судостроительства в государстве. Эти нормы включены практически во все главы Конституции и в специальной главе, посвященной судебной власти из 10 статей 9 посвящено именно судостроительству.

Литература

1. Энциклопедия юриста, 2005 // https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_law/2205/%D0%A1%D0%A3%D0%94%D0%9E%D0%A3%D0%A1%D0%A2%D0%A0%D0%9E%D0%99%D0%A1%D0%A2%D0%92%D0%9E (дата обращения 05.11.2021 г.).

Андреева Светлана Юрьевна,
студентка юридического института НИУ «БелГУ»
Научный руководитель – д.ю.н., доцент А.Е. Новикова
(Белгород, Россия)

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ СПОРЫ И СПОСОБЫ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

Аннотация: Данная научная работа посвящена анализу избирательных споров как гарантии защиты прав граждан в сфере избирательного права и процесса. Выявлена подсудность рассматриваемого вида споров для надлежащего их рассмотрения, а также приведена судебная практика, способствующая наиболее полному исследованию избирательных споров в рамках проведения избирательных кампаний. Отмечены правовая основа разрешения избирательных споров, а также круг субъектов, обладающих правом обращения в суд.

Ключевые слова: избирательные споры, суд, избирательное право, заявление, голосование.

Под избирательными спорами необходимо понимать своеобразные конфликтные ситуации, которые могут возникнуть в процессе подготовки и проведения выборов. Также они могут иметь место и после объявления результатов выборов. В связи с этим такие споры возникают на местном, региональном и федеральном уровнях.

Избирательный спор характеризуется некоторыми признаками, среди которых можно выделить:

- а) участие, как минимум, двух сторон в разрешении спора;
- б) отношение спора к нормам избирательного права;
- в) объектом спора может выступать протокол итогов голосования, испорченный бюллетень или факт нарушения тайны голосования;
- г) разрешение спора четко урегулировано нормами закона, конфликтующие стороны не могут никаким образом внести иные правила.

Еремина Е.П. токует избирательные споры как конфликты, возникающие в ходе практического применения норм избирательного права [1]. Э.И. Девицкий, исследуя особенности судопроизводства таких споров, выделяет несколько их категорий [2]. Так, по характеру они могут относиться к сфере пассивного или активного избирательного права. Большое значение имеет стадия подготовки к выборам. Споры могут возникать либо при регистрации кандидатов, либо в период проведения предвыборной агитации, либо непосредственно на голосовании, либо при подсчете голосов.

Основными нормативными правовыми актами, регулирующими рассмотрение избирательных споров, являются Гражданский процессуальный кодекс, Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Жалобы по поводу защиты избирательных прав граждан разрешает также Конституционный Суд Российской Федерации. Он имеет полномочие по заявлению лица рассматривать дела о противоречии какой-либо нормы избирательного законодательства Конституции Российской Федерации (статья 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»). Вообще следует отметить, что возможность граждан использовать судебную защиту является неотъемлемым правом, предусмотренным в статье 46 Конституции Российской Федерации.

Если мы говорим о рассмотрении избирательных споров в судах общей юрисдикции, необходимо обратиться к вопросу об их подсудности (совокупность норм, которые могут позволить определить принадлежность дела к определенному суду).

Существует два вида подсудности: территориальная (определяет уровень суда, где будет рассмотрено дело) и родовая (определяет конкретный суд, где будет решен спор). В отношении избирательных споров нет каких-либо специально установленных правил определения подсудности, что в некоторых случаях приводит к негативным последствиям.

Так, из судебной практики можно привести пример, когда истец подал в районный суд жалобу. Ее суть состояла в нарушении закона субъекта Российской Федерации участковыми избирательными комиссиями. Суд, приняв к производству дело, посчитал, что истец определил неправильную подсудность дела и перенаправил его в другой районный суд по причине упразднения указанных участковых избирательных комиссий на территории, относящейся к данному суду. Полагалось, что заинтересованным лицом в этом случае нужно считать избирательную комиссию субъекта. В данной ситуации дело относилось к Избирательной комиссии Иркутской области.

Областной суд отменил определение о передаче дела в другой районный суд и указал, что первый суд (куда истец подал заявление изначально) при распределении дела не учел содержание жалобы от гражданина. Он просил отменить решение участковых избирательных комиссий по поводу итогов голосования, поскольку оно не соответствует закону. Указанные комиссии, хоть и недействующие, подсудны территориально первому районному суду [3]. Подобные ситуации толкуются судами по-разному, поскольку в сложившейся аналогичной ситуации иные суды принимают противоположные решения.

Гражданский процессуальный кодекс предусматривает оспаривание нарушений избирательных прав граждан путем подачи заявления (ст. 244.20), в то время как Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» называет это «обжалование» нарушений указанных прав (ст. 75). Соответственно, можно сделать вывод, что нормы, касающиеся избирательных споров в данных нормативных правовых актах, являются практически аналогичными по смыслу. Федеральный закон «Об основных гарантиях...» указывает, что к избирательным спорам можно отнести оспаривание решений, действий или бездействия избирательных комиссий, а Гражданский процессуальный кодекс к этому добавляет также обжалование указанных решений и действий в отношении общественных объединений и органов публичной власти. Существует ограниченный круг лиц, которые могут обращаться в суд в связи с нарушением законодательства в области выборов или референдума. Это могут быть:

- 1) избирательные блоки и объединения;
- 2) избиратель или группа избирателей;
- 3) прокурор в целях защиты прав неопределенного круга лиц;
- 4) кандидаты или их доверенные лица;
- 5) избирательные комиссии любого уровня;
- 6) политические партии;
- 7) наблюдатели, участвующие в выборах;
- 8) группа инициативных граждан, которые участвуют в референдуме;
- 9) органы государственной власти любого уровня, органы местного самоуправления, а также депутаты различного уровня власти.

Срок давности, предназначенный для обжалования или оспаривания нарушений, связанных с избирательным правом или процессом, в суде равен трем месяцам от момента, когда лицо узнало или должно было узнать, что его права в этой сфере нарушены, однако, существуют частные случаи, когда заявление о нарушении должно быть подано в более краткие сроки. Существенной проблемой в этой области можно назвать неудачное, на наш взгляд, решение законодателя отменить возможность восстановить пропущенный срок для защиты конституционно обусловленных избирательных прав граждан. Как указывает на то Конституционный Суд Российской Федерации в своем Постановлении от 20 января 2021 г. № 2-П, законодательное сокращение сроков судебного оспаривания в области защиты избирательных прав обусловлено, прежде всего, временными рамками проведения избирательного процесса. Также считается, что все подобные споры

необходимо решать максимально быстро и эффективно в рамках различных этапов избирательного процесса.

Однако такой подход оценили далеко не все ученые-теоретики. Так, М.С. Матейкович считает, что такое решение противоречит конституционным нормам в том случае, когда заявитель пропускает срок по причинам, от него независящим [4]. Кроме того, необходимо отметить, что процессуальное российское право прямо предусматривает восстановление сроков давности в некоторых ситуациях. Таким образом, можно судить о том, что установленное положение в некоторой степени ограничивает права заявителей, обращающихся по поводу избирательного спора.

Как известно из многих отраслей российского законодательства, решение суда должно быть исполнено с момента вступления его в законную силу. Данный срок наступает после истечения срока на обжалование, однако, законом предусмотрены случаи немедленного исполнения решения суда для споров, связанных с избирательным законодательством. Кассационная жалоба на нарушение прав в этой сфере в ходе кампании при референдуме или избирательной кампании на выборах может быть подана в течение пяти дней после принятия решения. Такое положение обусловлено, на наш взгляд, также выводом Конституционного Суда Российской Федерации о быстром и эффективном разрешении дел, проходящих во время подготовки к выборам или референдуму.

Таким образом, можно сделать вывод, что гражданин, принимая участие в выборах, может оказывать влияние на политическое развитие своего государства. Избирательные споры, возникающие как в процессе подготовки и проведения выборов, так и после их окончания, регулируются исключительно действующим законодательством, в частности, Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации и Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Соответственно, конфликты, возникающие в сфере нарушения избирательных прав граждан должны решаться в судебном порядке, в том числе в судах общей юрисдикции и Конституционном Суде Российской Федерации. Законодательство, которое регулирует судопроизводство по разрешению избирательных споров, находится в системе, состоящей из разных групп правил, которые обладают индивидуальными особенностями.

Литература

1. Девицкий Э.И. Особенности судопроизводства по делам о защите избирательных прав граждан. Избирательные споры: теория и практика. № 1. Иркутск. 2006. 83 с.

2. Еремина Е.П. Разрешение избирательных споров. Современные политические процессы. Тамбов: Тамбовский государственный университет. 2006. 49 с.
3. Игнатенко В.В. Избирательные споры в судебной практике: сборник судебных решений федеральных судов (ч.3). Иркутск, 2003. С. 82-87.
4. Матейкович М.С. Защита избирательных прав граждан в Российской Федерации. М.: Изд-во МГУ, 2003. 57 с.

Багрова Оксана Олеговна,
студентка юридического института НИУ «БелГУ»
Научный руководитель – д.ю.н., доцент А.Е. Новикова
(Белгород, Россия)

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ЦЕНЗЫ

Аннотация: Настоящая статья посвящена проблемам применения избирательных цензов, которые имеют место в российском, а также зарубежном избирательном законодательстве. Избирательные цензы представляют собой условия, при соблюдении которых лицо получает возможность воплощать свои права. Уделено внимание характеристике моделей регулирования избирательных цензов, которые сложились в странах романо-германской и англо-саксонской правовых систем.

Ключевые слова: избирательные цензы, гражданство, избирательное право, условия, избиратель, ограничения.

Российское избирательное право содержит в себе ряд принципов, одним из которых является всеобщность. Данное положение представляет собой наделение человека активным и пассивным избирательным правом вне зависимости от происхождения, пола, вероисповедания и убеждений. Однако государством устанавливаются некоторые цензы в виде гражданства, возраста, судимости, оседлости, образования и др. Таким образом, в избирательном праве используется такое понятие, как ценз. По мнению И.Б. Борисова, он представляет собой условие, при выполнении которого лицо получает возможность осуществлять свои права [1]. Некоторые российские ученые, например, О.Ю. Гусева, под цензом понимают запреты, требования к избирателям и строгие ограничения, которые определяются рядом обстоятельств [2]. Обращаясь к Большому юридическому словарю, можно установить, что избирательные цензы представляют собой ряд условий,

которые устанавливает Конституция или предусмотренные федеральные законы, для реализации избирательного права гражданина [3].

Профессор А.С. Автономов приравнивает избирательные цензы к требованиям, которые предъявляет государство гражданам. Он приводит в пример ранее существовавший имущественный ценз, который представлял собой наличие имущества установленной законом величины для получения права избирать и быть избранным. Предполагалось, что чем больше стоимость имущества, тем выше налог, соответственно, лицо, уплачивая высокие налоги, допускалось до выборов [4]. Соответственно, можно прийти к выводу, что избирательные цензы как явление толкуются разными учеными по-своему, однако, все они приходят к единому мнению, что это определенные условия, которые предусматриваются установленными в государстве законами в целях возможности осуществления избирательных прав граждан.

Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» содержит в себе положение, согласно которому активным избирательным правом обладает гражданин Российской Федерации, достигший на момент голосования 18 лет. В России возможность использования избирательного права возникает в дату рождения человека согласно документу, удостоверяющему личность, а в соответствии с законодательством Австрии, например, человек достигает установленного возраста на 1 января года, в котором проводится голосование, для того, чтобы участвовать в выборах в Национальный совет [5].

Пассивное избирательное право в России доступно гражданам, достигшим 18-летнего возраста, при избрании их депутатами в представительный орган муниципального образования и при достижении определенного возраста в соответствии с Конституцией Российской Федерации при избрании высшим должностным лицом и в депутаты в законодательный орган государственной власти. Таким образом, можно отметить, что в России существует возрастной ценз.

Следует также упомянуть, что в статье 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» установлен лишь минимальный предел для активного избирательного права, максимального нет в отличие от иных стран. Так, например, в Латинской Америке установлен максимальный возрастной порог при использовании активного избирательного права. В Бразилии действует закон, согласно которому лица старше 70 лет могут голосовать только по предварительному заявлению. На наш взгляд, причиной тому стал вопрос состояния здоровья таких избирателей. Нередко у людей пожилого возраста можно заметить проблемы с восприятием и пониманием информации.

Некоторые и вовсе теряют интерес к политической жизни страны, например, когда нуждаются в постоянном уходе.

Общепринято, что возраст лица (будь то избиратель или кандидат) определяется на момент проведения самого голосования.

В Российской Федерации в отношении кандидата в Президенты также есть возрастной ценз. Согласно Конституции Российской Федерации, им может стать лицо, достигшее 35 лет. Полагаем, что это объясняется необходимостью опыта в различных сферах жизни и моральной зрелостью.

Законность установления возрастного ценза для лиц, осуществляющих пассивное избирательное право, была предметом жалобы в Конституционном Суде Российской Федерации, по итогам рассмотрения которой в Определении от 21 февраля 2002 г. № 27-О была сформирована следующая позиция: возрастной и иные существующие цензы являются защитой конституционно установленных целей и не нарушают принцип равенства при осуществлении избирательных прав. Они призваны защитить конституционно-правовой строй и основы демократии. Нельзя считать данные ограничения недопустимыми, поскольку они призваны обеспечить адекватное выражение воли избирателей, исходя из опыта, знаний и зрелости избираемого лица.

Еще одним утвержденным ограничением является ценз оседлости. В соответствии с поправками в Конституцию Российской Федерации в июле 2020 года установлено, что на должность Президента РФ может быть избрано лицо, проживающее на территории России не менее 25 лет. Обращаясь к законодательству США, следует отметить, что там ценз оседлости для кандидата в Президенты составляет 14 лет. Некоторые страны выдвигают требования, в соответствии с которыми кандидаты в президенты должны прожить в избирательном округе, который они представляют, установленный период времени, как это установлено, например, в ФРГ. На наш взгляд, ценз оседлости необходим, в первую очередь для того, чтобы кандидат был знаком с экономическим, политическим, социальным положением того или иного округа или страны, знал обо всех актуальных проблемах граждан и представлял ход решения их проблем.

Ценз гражданства выражается в разной форме. Так, могут быть установлены: требование иметь гражданство страны, на территории которой будут проходить выборы; подтверждение факта отсутствия гражданства иностранного государства; точный срок, не менее которого лицо должно состоять в гражданстве; основания, в соответствии с которыми лицо должно приобрести гражданство (либо исходя из факта рождения на территории данного государства (по праву почвы), либо из состояния гражданства родителей данного лица (по праву крови)); требование подтверждения

отсутствия двойного гражданства. Таким образом, ценз гражданства представляет собой документальное подтверждение отсутствия каких-либо связей с иными государствами. Однако, если то предусматривает международный договор, граждане могут воспользоваться своим пассивным правом на территории России, будучи гражданами иностранного государства.

На наш взгляд, наиболее важным цензом в отношении лица, намеренного реализовать свои избирательные права, является ценз дееспособности. Данное положение установлено Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Здесь нужно вести речь об электоральной дееспособности лица, имеющей прямое отношение к остальным избирательным цензам, влияющим на осуществление пассивного или активного избирательного права. Дееспособность определяется состоянием психического здоровья и вменяемостью человека. Кроме того, лица, не достигшие 18-летнего возраста, не могут считаться дееспособными. Недееспособными следует считать граждан, признанных таковыми в соответствии со вступившим в законную силу решением суда. Федеральный закон наравне с недееспособными лицами ставит в один ряд тех, кто содержится в местах лишения свободы по вступившему в законную силу приговору суда.

В настоящее время в мире установлены различные избирательные цензы. В некоторых странах они претерпевают изменения (например, в России с принятием поправок в Конституцию Российской Федерации в 2020 году). Так, можно отметить следующие изменяющиеся избирательные цензы:

1. Повышение или снижение возрастного избирательного ценза. К примеру, Индия в 1988 году снизила возрастной порог для использования активного избирательного права с 21 года до 18 лет в выборах депутатов в нижнюю палату парламента. В Корее произошла аналогичная ситуация, где возраст был снижен с 20 лет до 19 лет. В Российской Федерации вносились предложения по снижению возраста, с которого можно голосовать. Предлагалось снизить порог с 18 до 16 лет [6]. Возможной причиной тому может быть распространенность процедуры эмансипации, предусмотренной статьей 27 Гражданского кодекса Российской Федерации.

2. Отмена или принятие цензов, исходя из национальности. Так, кандидатом на президентских выборах на о. Фиджи до 1997 года могло быть лицо исключительно фиджийского происхождения. Такое требование просуществовало 10 лет, однако, с 1997 года национальный ценз полностью исключили и допустили до выборов лиц любой расы и национальности [7].

3. Введение или отмена иных цензов, которые для системы считаются нестандартными. Так, например, польское Правительство высказало

предложение по установлению психологического ценза в отношении лиц, реализующих пассивное избирательное право. Предлагалось ввести специальные психологические тесты, которые бы выступали допуском кандидатов до выборов, однако, инициатива осталась проектом и не была поддержана Сеймом Польши.

Резюмируя все вышеизложенное, можно прийти к следующим выводам. Избирательные цензы, рассматриваемые в данной статье, представляют собой совокупность условий, запретов и ограничений, устанавливаемых Конституцией Российской Федерации и соответствующими федеральными законами, в целях реализации избирательных прав граждан. В частности, на территории России действуют следующие виды избирательных цензов: ценз оседлости, гражданства, дееспособности, возрастной ценз. Наряду с отечественным избирательным законодательством рассмотрены также нормы об избирательных цензах в зарубежных странах. Критериально такие цензы идентичны российским, но обладают спецификой правового регулирования.

Литература:

1. Борисов И.Б., Головин А.Г., Игнатов А.В., Комиссаров Ю.Ю. Выборы в мире: избирательные цензы. М: РОИИП, 2015. 336 с.
2. Гусева О.Ю. Виды избирательных цензов. Научные проблемы водного транспорта. Вестник ВГАВТ. 2013. С. 15.
3. Ермаков В.Д., Крылова М.А., Додонов В.Н. Большой юридический словарь. Инфра-М. 2001. С. 193.
4. Маклаков В.В. Сравнительное избирательное право: Учебное пособие. М.: Норма. 2003. 208 с.
5. Конституции стран мира на русском языке. URL: <https://legalns.com>
6. Лысенко В.И., Головин А.Г. Избирательное законодательство и выборы в современном мире. М.: МедиаПресс, 2009. 862 с.
7. Лысенко В.И. Избирательное законодательство и выборы в современном мире. Вып. 4: Европейско-Азиатский регион. М.: МедиаПресс, 2015. 1342 с.

Безух Татьяна Андреевна,
студентка юридического института НИУ «БелГУ»
Научный руководитель – д.ю.н., доцент А.Е. Новикова
(Белгород, Россия)

ЭЛЕКТРОННОЕ ГОЛОСОВАНИЕ В РОССИИ

Аннотация: Статья посвящена различным электронным способам осуществления голосования в рамках выборов и референдума, а также их цифровизации в целом. На основе доктринальных позиций выявлены положительные и негативные стороны электронного голосования. С учетом анализа практического опыта России и зарубежных стран по введению электронного голосования выделены особенности такого метода и отличительные черты от стандартной, очной формы голосования. Кроме того, осуществлено разграничение между электронным дистанционным голосованием и электронным голосованием на цифровых избирательных участках. Отдельное внимание уделено контролируемой и неконтролируемой среде электронного голосования. Научная работа включает результаты анализа автоматизированной системы (ГАС «Выборы») и возможные пути ее совершенствования с учетом развития цифровизации.

Ключевые слова: голосование, технические средства, избирательные права, выборы, электронные технологии.

Научно-технический прогресс касается всех сфер нашей жизни, в том числе политической, в частности, участия в выборах или референдуме с помощью специальных технических средств. Электронное голосование является новшеством для российского избирательного права, оно регламентировано Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» и представляет собой голосование без использования специального бумажного бюллетеня с использованием технического средства (ст. 2) [1]. В научной литературе есть другой подход к данному виду голосования. Так, по мнению М.М. Курячей, его можно охарактеризовать как голосование, проведенное с помощью Интернет-сети [2, с. 31]. Дистанционный формат голосования она отождествляет термином «интернет-выборы», что, на наш взгляд, толкуется слишком узко и не раскрывает в полной мере сущность определения.

Электронное голосование имеет свои преимущества. Во-первых, необходимо говорить об экономии времени избирателя, который посредством смартфона, а также с помощью иных гаджетов, имеющих доступ в сеть

Интернет, может зайти по соответствующей ссылке на сайт и отдать свой голос. Во-вторых, электронные средства значительно экономят бюджет, предназначенный для печати бюллетеней и иных документов, необходимых для голосования.

Кроме плюсов важно отметить и недостаток такой системы. Электронная среда способна хранить в себе персональные данные множества граждан, что может породить проблемы в области информационной безопасности персональных данных граждан. Таким образом, ставится вопрос о действительной тайне голосования при авторизации на сайте самого голосования. Еще один минус – проблемы отсутствия доступа к глобальной сети «Интернет». Согласно публикации в СМИ от 2020 года, 25 тысяч населенных пунктов России живут без интернета и телефонии (всего в настоящее время их более 150 тысяч) [3]. То есть, данные населенные пункты вообще не имеют возможности поучаствовать в выборах в форме электронного голосования.

В настоящее время в России разработана государственная автоматизированная система (ГАС «Выборы»), с помощью которой можно проводить электронное голосование, в автоматическом режиме считать голоса, формировать итоги и составлять протокол. Как полагает Н.В. Киселева, наиболее успешной можно признать технику применения QR-кодов для внесения данных с представленных протоколов участковых избирательных комиссий (указанная техника позволяет быстро ввести всю информацию на документе в государственную автоматизированную систему «Выборы» и сформировать итоги голосования) [4, с. 37]. Многие авторы, в том числе В.И. Лафитский, полагают, что внедрение цифровых технологий в процесс подготовки и проведения выборов заслуживает положительных оценок. Кроме того, избирательное законодательство только начинает свой путь развития в, так называемый, «век модернизации» [5, с. 18]. Предполагается, что в дальнейшем возможности реализации активного избирательного права граждан будут расширены как на специальных цифровых избирательных участках, так и на интернет-сайте Единого портала государственных и муниципальных услуг.

В настоящее время электронное голосование является альтернативой традиционному голосованию (для него важным признаком было наличие бумажного бюллетеня). Признание электронного голосования законным базируется на двух основных признаках: наличия специального бюллетеня в электронной форме и использование установленных технических средств, которые позволили бы установить итоги голосования в электронном формате. Указанное электронное голосование может проходить в дистанционной форме и в форме голосования на избирательных участках. Последнее основывается на

использовании электронных средств в отношении цифровых избирательных участков при помощи комплекса электронного голосования и комплекса обработки избирательных бюллетеней.

Дистанционное голосование базируется на применении сайта «Госуслуг» и «Единого портала государственных и муниципальных услуг». Для его проведения необходимо располагать персональным компьютером, смартфоном или иным электронным устройством, имеющим выход в сеть Интернет, что, прежде всего, не требует от человека похода на избирательный участок и присутствия на момент голосования в определенном городе или регионе. Следует проводить четкие отличия между электронным дистанционным голосованием, которое представляет собой удаленность гражданина от избирательного участка, и электронным голосованием на цифровых избирательных участках. В последнем случае голосование проводится непосредственно в помещении избирательного участка.

В Европе, в частности в Швейцарии, Великобритании проводятся эксперименты по внедрению электронного голосования. Эстония уже имела опыт проведения выборов такого формата. В России практика введения дистанционного голосования началась с 2009 года, когда проводились выборы в Волгоградской области. В соответствии с Федеральным законом № 103-ФЗ от 29.05.2019 года дистанционным можно считать голосование, проведенное без применения традиционно установленного бумажного бюллетеня и основано на специально разработанной системе, которая имеет соответствующее программное обеспечение для работы портала государственных и муниципальных услуг [6]. Данное определение в соответствии с упомянутым Федеральным законом относится к проведению дистанционного голосования в городе Москва.

Согласно официальному интернет-сайту Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, Москва стала первым в России регионом, где было применено голосование с применением дистанционных технологий. Указано, что было задействовано три избирательных округа, которые определялись согласно выбору самих жителей. От граждан г. Москвы требовалось зарегистрироваться на региональном сайте mos.ru и подать электронное заявление, подтверждающее согласие на участие в электронном голосовании [7].

Следует обратить внимание на контролируемую и неконтролируемую среду электронного голосования. Данные термины упоминаются в Руководстве по наблюдению за использованием новых технологий голосования, которое является основным источником, регулирующим деятельность мониторинговых комиссий ОБСЕ в плане контроля процесса выборов и обеспечения его

«прозрачности» [8]. Так, контролируемая среда представляет собой голосование со сканированием бюллетеней и прямой записью непосредственно на избирательном участке. Предполагается, что избиратель с помощью специально установленных сенсорных или кнопочных устройств может зарегистрировать свой выбор.

Неконтролируемая среда тождественна дистанционному голосованию, которое осуществляется с любого местоположения гражданина посредством сети Интернет. Отдельно нужно выделить смешанную среду (форму) электронного голосования, которая представляет собой голосование гражданина непосредственно на избирательном участке с помощью применения компьютерных технологий, где учтенные голоса собираются и отправляются на центральный сервер системы.

Таким образом, можно подвести итог анализу данной темы и отметить, что электронное голосование в России признается на законодательном уровне и представляет собой такое голосование, где не требуется использование бумажного носителя, а все необходимые данные зафиксированы с помощью технических средств. Такой формат проведения голосования вызвал одобрение со стороны общественности и ученых, а, значит, предполагает дальнейшую модернизацию данной отрасли. При этом основной целью проведения электронного голосования является, прежде всего, упрощение проведения выборов для населения и соответствие данной процедуры законодательству и технологиям современного мира.

Литература:

1. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ г. «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (ред. от 04.06.2021 г.) // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.
2. Курячая М.М. Электронное голосование как этап развития непосредственной демократии // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 11.
3. Литвинова М. Объять необъятное: 25 тыс. населенных пунктов живут без интернета и телефонии. 2020. URL: <https://iz.ru/1041574/marta-litvinova/obiat-neobiatnoe-25-tys-naselennykh-punktov-rossii-zhivut-bez-interneta-i-telefonii> (дата обращения: 22.10.2021 г.).
4. Киселева Н.В. Электронное голосования в России: понятие и виды. Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. № 19. 2020.
5. Лафитский В. И. Тенденции развития избирательного законодательства в современном мире // Избирательное законодательство и практика. 2017. № 3.

6. Федеральный закон от 29.05.2019 г. № 103-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва» // СЗ РФ. 2019. № 22. Ст. 2659.

7. Дистанционное электронное голосование. Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. URL: <http://www.cikrf.ru/analog/ediny-den-golosovaniya-2019/dstantsionnoe-elektronnoe-golosovanie/> (дата обращения: 05.11.2021 г.).

8. Handbook for the Observation of New Voting Technologies. Warsaw, 2013. P. 18. URL: <http://www.OSCE.org/odhr/elections/104939?download=true> (дата обращения: 06.11.2021 г.).

Вишневский Владислав Михайлович,
студент юридического института НИУ «БелГУ»
Жданов Георгий Юрьевич,
студент юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

ПРАВА И СВОБОДЫ КАК ЭЛЕМЕНТЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ

Аннотация: В данной статье рассмотрены права, свободы и обязанности человека и гражданина в качестве ключевого элемента правового статуса личности в России. В ходе исследования было установлено, что конституционно-правовой институт, закрепляющий права, свободы и обязанности человека и гражданина, играет важную роль в построении взаимоотношений между личностью и государством, обеспечивает деятельность российского государства как правового. Сделан вывод относительно соотношения между правовым статусом и правовым положением личности.

Ключевые слова: конституция, правовое положение человека и гражданина, правовой статус личности, права и свободы человека и гражданина, конституционализм.

Правовое положение личности неразрывно связано с конституционализмом. Мыслители эпохи Просвещения, в частности Шарль Монтескье [1] и Жан-Жак Руссо [2], оказали значимое влияние не только на развитие права французского государства, но и всей будущей Европы. Их идеи легли в основу Великой Французской революции, а также Декларации прав

человека и гражданина 1789 года и Конституции Первой Республики Франции 1791 года, закрепив на официальном уровне естественные права и свободы французских граждан.

Современный цивилизационный мир на вершину пирамиды своих ценностей выдвигает идею прав и свобод человека и гражданина, нашедшую своё практическое отражение путём конституционного закрепления (ст. 2 российской Конституции) [3].

Данный феномен развития государственно-общественных отношений не имеет случайного происхождения. Он вызван, в первую очередь, негативным опытом развития и закрепления в базовых, основных законах государства – конституциях – правового положения человека и гражданина. Особенно этот факт можно заметить в развитии конституционализма XX века, когда в большей части Европы господствовал тоталитарный государственно-паровой режим.

Большинство норм тоталитарного права является фикцией, поскольку они (правовые нормы) не способны регулировать те общественные отношения, которые сами же и закрепляют. Сразу отметим, что в большей части данная функция относится к виду нереализуемых предписаний. Это те права и свободы граждан, которые никак не могли быть реализованы в условиях господства тоталитарной машины и направлений деятельности партийного руководства. К примеру, в Конституции (Основном законе) СССР 1936 года [4] декларировались основные демократические права и свободы человека, однако, реализация их на практике была по большей части невозможна или формальна (например, свобода слова выражалась в свободе говорить и писать то, что разрешено партией и не более того).

Следует подчеркнуть, что российский конституционализм строился в эпоху разлома советской модели государства и права (модель социализма) и перехода к демократическому, либеральному общественно-государственному развитию, в том числе и идей конституционализма [5, с. 88].

Ныне действующая Конституция Российской Федерации 1993 года закрепляет базовые основы развития и взаимоотношений по модели «человек-общество-государство» уже на принципах взаимной ответственности между гражданином и государством, а также на таких демократических ценностях, как: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства.» (ст. 2), «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ.» (ст. 3), «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и

свободное развитие человека.» (ст. 7) и «В Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности.» (ст. 8 Конституции РФ) [3].

Федеральная Конституция, как и предыдущие советские Конституции, начинается с преамбулы, которая несёт в себе идею приоритета правового статуса (прав и свобод) граждан Федерации: в ней утверждаются такие принципы, как: сохранение единства территории, суверенность государства, принцип равноправия и самоопределения народов, ключевым моментом обозначена общая ответственность всех народов России за её настоящее и будущее [6, с. 39].

Критерием определения места личности в государстве служит понятие правового статуса (положения) личности, выработанного наукой конституционного права. Так, Д.М. Демичев отмечает, что «правовой статус личности закреплён в Конституции и основан на концепции прав человека. Он базируется в международно-правовых документах, которые устанавливают общие правовые стандарты прав и свобод личности, определяют тот уровень, ниже которого государство не может опускаться» [7, с. 85].

В советский период И.Е. Фарбером, основателем саратовской научной школы конституционного права, была сформулирована проблема правового положения личности, актуальная и для современного российского конституционализма, заключающаяся в том, «что есть в социальном плане вопрос о взаимоотношении власти и личности, а в юридическом – об отношении государственной власти к основным правам человека, о конституционном механизме закрепления этих прав в конституциях при помощи институтов гражданства и конституционных правах и обязанностях» [5, с. 87].

Критерием определения места личности в государстве служит понятие правового статуса (положения) личности, выработанного наукой конституционного права. Так, Н.В. Витрук под правовым положением личности понимал «систему юридических прав, свобод и обязанностей как основу, ядро, стержневой элемент правового положения личности» [8, с. 29]. Отождествляла правовой статус личности и правовое положение личности и С.Б. Селецкая, утверждая, что «правовое положение граждан является составной частью теории о гражданской правосубъектности» [9, с. 151]. М.Н. Раджабов, поддерживая данную точку зрения, выдвигает гипотезу, согласно которой «в абстрактной форме термины «правовой статус» и «правовое положение» имеют одинаковое содержание и значение. Кроме того, надо помнить, что в праве термины «правовое положение» и «правовой статус» не исключают друг друга, а наоборот дополняют» [10, с. 38].

Законодатель на первое место выводит и закрепляет личные (гражданские) права и свободы человека и это неспроста. Тем самым он подтверждает содержание статьи 2 Конституции России, которая признаёт, что «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью»; уже затем идёт перечисление социальных, экономических, политических прав. Правовед И.Е. Фарбер отмечал, что «социально-экономические и политические права служат основой и гарантией для личных конституционных прав, находясь с ними в неразрывной взаимосвязи, поскольку только социальные условия осуществления данных прав наполняют реальным содержанием личные права» [11, с. 146].

В последних двух конституциях РСФСР личные (гражданские) права шли после экономических, социальных и других прав, что характеризует подход советского законодательства к правовому статусу личности.

В свою очередь, данное показывает, что смена правовых ценностей российской демократической и российской советской Конституций, кардинально сменила взгляд государственной власти на правовой статус её объекта (гражданина).

Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции России «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». Из отмеченного нами конституционного положения следует, что права и свободы личности в Российской Федерации вытекают не только из внутренних нормативных правовых актов, но и также из внешних, т. е. из международных договоров, которые ратифицированы Россией.

В 1996 году Российская Федерация подписала и ратифицировала Европейскую Конвенцию «О защите прав человека и основных свобод», принятую в Риме в 1950 году. Такой шаг выпустил дополнительной гарантией защиты прав и свобод граждан, выражающейся в возможности обращения в Европейский Суд по правам человека [5, с. 173]. Это позволило российскому законодательству в правовой сфере расширить каталог прав, свобод и обязанностей граждан до общеевропейского уровня. Без всякого сомнения – эта одна из заслуг отечественного конституционализма.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что проблемы «полноценного» действия современного российского конституционализма обусловлены различными причинами. В качестве примера можно отметить особенность развития российского общества, которое пережило кризис перехода от социалистического к демократическому государству, надлом прежних и

построение новых конституционных основ развития общества и государства российского [5, с. 91]. Помимо доктринального закрепления прав и свобод человека и гражданина, важную роль играют гарантии их практической реализации. В совокупности права, свободы и гарантии их соблюдения выступают в качестве правового механизма регулирования отношений между гражданином, с одной стороны, и государством, с другой. Права и свободы предоставляют возможность человеку быть субъектом любых правовых отношений, обладать правоспособностью и, как следствие, реализовать свои интересы, являясь неотъемлемым условием свободного развития личности.

Литература:

1. Монтескье Ш.Л. Избранные произведения / Общ. ред. и вступ. ст. М. П. Баскина. М.: Гослитиздат, 1955. 573 с.
2. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре // Руссо. Трактаты. М.: 1969. С. 151–257.
3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 года №6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года №7-ФКЗ, 05 февраля 2014 № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
4. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (Утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 года). Москва: Юрид. Издательство НКЮ СССР, 1937 г.
5. Тупиков Н.В. Свобода человека и современный Российский конституционализм // Вестник СГЮА. 2020. №3 (134). С. 85-93.
6. Федеральный конституционный закон от 26 апреля 1997 г. (в ред. 2008 г.) «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» // Режим доступа: СПС «Консультант Плюс».
7. Демичев Д.М. Основы права: учебное пособие / Д.М. Демичев, С.П. Кацубо, И.И. Эсмантович. Минск: Вышэйшая школа, 2018. 359 с.
8. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности / Н. В. Витрук; Российская акад. правосудия. М.: Норма, 2008. 447 с.
9. Селецкая С.Б. Правовое положение ограниченных в дееспособности и недееспособных граждан в свете реформы гражданского законодательства // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2015. №6. С.151-158.
10. Раджабов М.Н. «Гражданско-правовой статус иностранцев в Республике Таджикистан». Дис. канд. юрид. наук. г. Душанбе. 2004. 186 с.

11. Фарбер И.Е. Свобода и права человека в Советском государстве / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Саратов. юрид. ин-т им. Д. И. Курского. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1974. 189 с.

Иванчикова Елена Витальевна,
студентка юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)
Научный руководитель – д.ю.н., доцент А.Е. Новикова
(Белгород, Россия)

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ВЫБОРАХ И РЕФЕРЕНДУМАХ

Аннотация: научная статья посвящена исследованию особенностей ответственности за нарушение законодательства о выборах и референдумах. В работе отражены и охарактеризованы особенности конституционной, административной, уголовной ответственности как разновидностей юридической ответственности в области избирательных правоотношений.

Ключевые слова: выборы, законодательство о выборах и референдумах, избирательное право, избирательный процесс, нарушение, референдум, юридическая ответственность.

Выборы – важнейший и ключевой по значимости правовой институт, сопровождающий избирательный процесс большинства стран мира. Более того, это механизм, функционирование элементов которого должно осуществляться в строгом соответствии с посвященными ему положениями и правилами. Наличие формально определенных регламентов формирует потребность в особой охране общественных отношений, возникающих у субъектов в рамках избирательного права и процесса. Лица, которые пренебрегли нормативными правовыми положениями, регулирующими процедуру и порядок проведения выборов и референдумов, и нарушили законодательство, привлекаются к ответственности. Как и в любой другой отрасли права ответственность за нарушения избирательного законодательства дифференцируется по степени тяжести совершенных нарушений и характеру ущерба, нанесенному исследуемым правоотношениям.

В юридической доктрине нарушения, посягающие на избирательные правоотношения, выделены в качестве самостоятельной группы общественно опасных деяний, являющихся наказуемыми. В связи с этим исследование

вопросов ответственности за нарушение законодательства о выборах и референдумах представляет большую теоретическую и практическую ценность.

Юридической ответственности в целом и ответственности за нарушение законодательства о выборах и референдумах – в частности, свойственны некоторые особенности, позволяющие выделить ряд принципиальных признаков:

- санкционирование государством;
- применение мер принуждения государственного характера;
- наличие факта правонарушения;
- применение санкций к правонарушителю;
- реализация мер государственного принуждения в установленной действующим законодательством процессуальной форме [3, с. 90-97].

Ответственность за нарушение избирательного законодательства различна по характеру, природе и своему содержанию. Так, выделяют уголовную, конституционную и административную ответственность.

Ответственность в избирательном праве многие деятели юридической мысли относят к конституционной ответственности субъектов избирательного процесса [7], в то время, как другими учеными обосновывается теория отнесения ответственности в избирательном праве к категории самостоятельной по своей природе разновидности юридической ответственности за нарушение действующих положений избирательного законодательства [2].

Конституционная ответственность применяется специально уполномоченными органами государственной власти к кандидатам, избирательным объединениям, членам избирательной комиссии, комиссии референдума и иным лицам, участвующим в избирательном процессе. Конституционно-правовая ответственность за нарушение законодательства о выборах и референдуме реализуется в следующих формах:

- предупреждение о недопустимости нарушения избирательного законодательства;
- отказ в регистрации кандидата, списка кандидатов;
- отмена регистрации кандидата, списка кандидатов;
- приостановление/досрочное прекращение полномочий члена избирательной комиссии, комиссии референдума;
- отстранение члена участковой комиссии от участия в работе комиссии, удаление наблюдателя из помещения для голосования.

Анализ вышеперечисленных конституционно-правовых санкций за нарушение законодательства о выборах и референдумах позволяет сделать вывод о том, что существо таких мер государственного принуждения состоит в

ограничении деятельности определенных субъектов избирательного процесса без наступления негативных последствий, свойственных привлекаемых к административной и уголовной ответственности лиц.

К еще одной особенности конституционной ответственности следует отнести реализацию таковой в процессуальной форме, регламентированной положениями как федерального законодательства, так и актов подзаконного характера, к которым, в частности, относят инструкции Центральной избирательной комиссии Российской Федерации [6, с. 10].

Привлечение лица, совершившего общественно опасное деяние в исследуемой области, к административной ответственности оправдано в случаях осуществления подкупа, незаконного вмешательства в деятельность избирательных комиссий, использования профессионального и делового преимущества для победы на выборах и другие деяния, отнесенные главой 5 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации к административным правонарушениям [1]. Наличие нарушений законодательства о выборах и референдумах, влекущих помимо ущерба общественным отношениям к привлечению административной ответственности лиц, его совершивших, обусловлено специальным правовым статусом субъектов, к которым законодатель относит членов избирательных комиссий, кандидатов, государственных и муниципальных служащих и др.

Административная ответственность наступает только в случае отсутствия в действиях нарушителя состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ). Как правило, за нарушение избирательного законодательства лицо привлекается к административной ответственности в форме штрафа, который представляет собой разовое взыскание определенной суммы в доход соответствующего бюджета бюджетной системы страны. Правоприменительной практике известны случаи комбинации штрафных санкций с конфискацией предмета административного правонарушения (например, решение, санкционированное судом, о конфискации агитационного материала и др.) [5, с. 346-349]. На сегодняшний день имеют широкое распространение такие нарушения, влекущие к привлечению лиц к административной ответственности, как нарушения в подсчете голосов, в организации голосования вне помещений голосования, в заверении копий протоколов по итогам голосования [8].

Под уголовной ответственностью за нарушение законодательства о выборах и референдумах понимается совершение виновным лицом общественно опасных деяний, отнесенных УК РФ к преступлениям и причиняющих ущерб охраняемым законодательством общественным отношениям в области реализации гражданами своих избирательных прав. К

преступлениям исследуемой области профильный кодифицированный нормативный правовой акт относит:

- фальсификацию документации, посвященной выборам и референдумам;
- фальсификацию общих итогов голосования;
- нарушение порядка финансирования избирательных кампаний и иные виды преступлений, предусмотренные УК РФ.

Законодательной новеллой стала дифференциация таких уголовно-наказуемых деяний, как фальсификация итогов голосования и фальсификация избирательных документов [4, с. 49-57]. Данная трансформация позволяет различать свойственные представленным составам преступления особенности субъекта, объекта, объективной и субъективной стороны деяния.

Уголовно-правовое законодательство предусматривает различные виды и формы санкций, применяемых к наказуемому, которые зависят от вида совершенного преступления.

Примечателен факт наличия возможности одновременного наступления административной и уголовной ответственности. Например, действия непосредственных исполнителей, охватываемые умыслом организатора преступления, в большинстве своем приводят к привлечению лиц к административной ответственности, в то время как сам организатор будет привлечен к уголовной ответственности.

Подводя итоги проведенного исследования, мы можем сформулировать вывод о том, что нормы законодательства о выборах и референдумах – фундаментальные нормоположения, которые являются обязательными к исполнению участниками избирательных правоотношений. Вышеизложенные положения о разновидностях и особенностях юридической ответственности за нарушение законодательства о выборах и референдумах способствуют решению не только предлагаемой в научной доктрине задачи по совершенствованию законодательных положений исследуемой области, но и задач по оптимизации мер по борьбе с нарушениями, препятствующими проведению честных выборов и референдумов.

Литература

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ // Российская газета. 2001. № 256.
2. Бровченко В.Н. Юридическая ответственность в избирательном праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 195 с.
3. Голиева Ф.О., Лолаева А.С. Ответственность за нарушение законодательства о выборах // Инновационные аспекты развития науки и техники, 2021. С. 90-97.

4. Демин А.П. Классификация основных видов юридической ответственности в избирательном процессе // Правоприменение. 2020. Т.4. № 2. С. 49-57.
5. Кучиев А.Х. Проблемы деятельности судов общей юрисдикции по защите избирательных прав граждан Российской Федерации // Научные труды студентов Горского Государственного аграрного университета «Студенческая наука – агропромышленному комплексу». Владикавказ, 2017. С. 346-349.
6. Масловская М.В. Ответственность в российском избирательном праве / М.В. Масловская, Е.А. Морозова // Огарёв-Online. 2016. № 8 (73). С. 10.
7. Матейкович М.С. Защита избирательных прав граждан в Российской Федерации: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Тюмень, 2003. 452 с.
8. Ответственность членов избирательных комиссий за нарушения законодательства о выборах: учебно-методическое пособие для участковых избирательных комиссий. Екатеринбург, 2019. 32 с.

Кобылинская Лариса Анатольевна,
студентка юридического института НИУ «БелГУ»
Научный руководитель – д.ю.н., доцент А.Е. Новикова
(Белгород, Россия)

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА КАК ИСТОЧНИК ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Автором осуществлен анализ роли судебной практики как источника избирательного права в развитии избирательного законодательства Российской Федерации. В частности, автор рассматривает различные точки зрения ученых о правовых позициях, выраженных в актах Конституционного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова. избирательное право, избирательные правоотношения, Конституционный Суд Российской Федерации, судебный прецедент, Конституция Российской Федерации, защита избирательных прав граждан.

С принятием Конституции РФ 1993 г. были провозглашены принципы народовластия и разделения властей (ч. 1 ст. 3, ст. 10 Конституции РФ) [1]. В случае правового казуса судебная власть в качестве самостоятельной ветви посредством реализации правосудия помогает устранять пробелы в законодательстве, по результатам которой складывается судебная практика. В годы советской власти судебная практика не выступала источником правового регулирования отношений, так как признание ее в качестве источника права

считалось посягательством на принципы социалистической законности [2, с. 380]. В наше время все больше ученых-юристов, историков придерживаются позиции, что Россия, в отличие от англосаксонской правовой семьи, пойдет по другому пути признания актов судебной власти в качестве источника права [2, с. 380].

Судебная практика играет важную роль в российской правовой системе. Правовые позиции, выраженные в актах Конституционного Суда РФ, можно выделить на федеральном уровне из судебной практики в качестве источника права. Они приобретают юридическую силу после официального опубликования и являются обязательными на территории РФ для всех лиц. Решения Конституционного Суда РФ являются «помощником» для правоприменительных органов, так как они «определяют условие и порядок применения норм, принятых органами законодательной и исполнительной власти» [3, с. 48].

В научной литературе сложились две противоположные точки зрения по поводу решений Конституционного Суда РФ в качестве одних из источников избирательного права. Большинство придерживаются того, что они играют колоссальную роль в регулировании избирательных правоотношений и их можно включить в систему источников избирательного права. В качестве аргументов то, что при разрешении конкретного правового спора, касающегося избирательных прав, Конституционный Суд РФ принимает решение по спору, которое связано с конкретной категорией избирательных правоотношений. Данное решение тем самым имеет обязательную юридическую силу для всех участников такой категории спора. Этой точки зрения придерживаются такие видные деятели, как С.А. Авакьян [4, с. 528], Н.В. Витрук [5, с. 105], Б.С. Эбзеев [6, с. 7].

Есть и противоположное мнение, которое сведено к тому, что решения Конституционного Суда РФ слишком «превозносят». Сторонники данной позиции утверждают, что Конституционный Суд РФ лишь корректирует законодательство, а не создает новую правовую норму, тем самым правовые акты не могут иметь силу нормативного акта [7, с. 64-65]. Но данная позиция противоречит пониманию правотворчества в целом. В соответствии с Конституцией РФ [1], а также Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде РФ» [8]. в случае противоречия Конституции РФ акты или же его положения становятся недействительными. Таким образом, он устанавливает своего рода своеобразное «верховенство закона».

Конституционный Суд РФ изменяет и прекращает избирательные правоотношения и тем самым создает «своеобразные нормы права» [9, с. 54]. С учетом постоянного реформирования избирательного законодательства

Российской Федерации, появились исследования (например, С.С. Бабаняна [10, с. 166-168]) по поводу влияния конституционного правосудия на формирование законодательных актов в избирательном праве. Можно привести в качестве примера Постановление Конституционного Суда РФ от 15.01.2002 № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 64 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и ст. 92 Федерального закона «О выборах депутатов государственной Думы РФ» в связи с жалобой гражданина А.М. Траспова [11]. Данным постановлением было признано противоречащим Конституции РФ положение указанных статей: в случае незаконного отказа в регистрации кандидата ограничивало полномочия суда по отмене результатов голосования, тем самым сужая и ограничивая право голоса и право граждан на судебную защиту [11].

В качестве иного примера можно упомянуть постановление Конституционного Суда РФ от 12.03.2021 № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 1.1 статьи 38 и пункта 1 статьи 39 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина С.С. Цукасова» [12].

В этом постановлении пункт 1.1 статьи 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [13] признан не соответствующим Конституции Российской Федерации в той степени, в которой система действующего законодательства не регулирует данное положение закона о том, что суд рассматривает дело об отмене решения избирательной комиссии о регистрации кандидата в связи с подачей в избирательную комиссию документов для уведомления о его предложении и регистрации, содержащей неполные информация о кандидате или не соответствует требованиям законодательства, необходимость учета того факта, что кандидат не был уведомлен (несвоевременно) об этих нарушениях избирательной комиссией как обстоятельство, препятствующее отмене решения избирательной комиссии о регистрации кандидата, если эти нарушения были очевидны для избирательной комиссии и кандидат.

А также не противоречащим Конституции РФ в той степени, в котором данное положение обязывает Избирательную комиссию в отношении всех кандидатов проверять представленные ими документы в установленный законом срок, а в случае неполной информации о кандидатах - отсутствие

любыми документами комиссия по объявлению выдвижения кандидата и его регистрации предусмотрена законом или при несоблюдении требований закона о подготовке документов, для уведомления кандидатов об этих недостатках.

Из вышеизложенного можно отметить, что Конституционный Суд РФ, выявив «пробельность» закона, признал отдельные пункты закона неконституционными, что повлекло утрату юридической силы данных положений.

В области избирательного права можно выделить некоторые позиции Конституционного Суда РФ:

по поводу внесения сведений о судимости кандидата при выдвижении (Постановление Конституционного Суда РФ от 10 октября 2013 г. № 20-П) [14];

по поводу вопросов, связанных со сбором подписей при выдвижении кандидата (Постановление Конституционного Суда РФ от 17 ноября 1998 г. № 26-П [15]);

по поводу вопросов, связанных с проведением предвыборной агитации (определение Конституционного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 1272-О [16]).

Подводя итог исследования, стоит сказать, что принятие Конституции РФ 1993 г. и провозглашение принципов народовластия и разделения властей послужило развитию и становлению судебной практики в Российской Федерации. Судебная власть в качестве самостоятельной ветви посредством реализации правосудия помогает устранению пробелов в законодательстве. На федеральном уровне из судебной практики в качестве источника избирательного права можно выделить акты и правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации. В литературе сложились различные точки зрения по поводу признания решений Конституционного Суда Российской Федерации в качестве одного из источников избирательного права. Некоторые считают, что Конституционный Суд Российской Федерации лишь корректирует законодательство, тем самым, не создавая новой нормы права. Другие придерживаются того, что дать толкование Конституции Российской Федерации без создания соответствующей новой нормы «практически невозможно» [4, с. 528]. По нашему мнению, в настоящее время судебная практика является «катализатором» действующего избирательного законодательства. Она восполняет пробелы в законодательстве, тем самым способствует исключению возникновения дефекта в законодательстве и справедливому разрешению избирательных споров. Поэтому мы придерживаемся второй точки зрения и считаем, что судебная практика является важным источником избирательного права.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г. // Российская газета. 2020. № 144.
2. Саидов А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности): Учебник / Под ред. В.А. Туманова. М.: Юристъ. 2003. 448 с.
3. Кучин М.В. Судебное нормотворчество: концептуальные основы: монография. Москва: Издательство Юрайт. 2021. С. 48.
4. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М. 1997. 528 с.
5. Витрук Н.В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: понятие, природа, юридическая сила и значение // Конституционное правосудие в посткоммунистических странах: Сборник докладов. М., 1999.2) О Конституционном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 N 1-ФКЗ // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447. 105 с.
6. Эбзеев Б.С. Толкование Конституции Конституционным Судом Российской Федерации: теоретические и практические проблемы // Государство и право. 1998. № 5. С. 5-12.
7. Богданова, Н.А. Конституционный Суд РФ в системе конституционного права // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1997. № 3. С. 64-65.
8. О Конституционном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.
9. Захаров И.В. Избирательное право Российской Федерации: учебник и практикум для вузов / под ред. И.В. Захарова, А.Н. Кокотова. М: Издательство Юрайт. 2022. 322 с.
10. Бабаян, С.С. Место органов конституционной юстиции в системе гарантий защиты избирательных прав граждан Российской Федерации // Бизнес и закон. 2015. № 1. С. 166-168.
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.01.2002 № 1-П // СЗ РФ. 2002. № 6. Ст. 626.
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.03.2021 № 6-П // СЗ РФ. 2021. № 12. Ст. 2131.
13. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12 июня 2002 г. N 67-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.
14. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.10.2013 г. № 20-П // СЗ РФ. 2013. № 43. Ст. 5622.

15. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.11.1998 г. № 26-П // СЗ РФ. 1998. № 48. Ст. 5969.

16. Определение Конституционного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 1272-О // Электронный ресурс: Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ URL: <https://base.garant.ru/71720464/> (дата обращения: 23.11.2021).

Крайнюкова Анастасия Андреевна,
студентка юридического института НИУ «БелГУ»
Научный руководитель – д.ю.н., доцент А.Е. Новикова
(Белгород, Россия)

ГОЛОСОВАНИЕ В ЭПОХУ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ: РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ

Аннотация: С началом пандемии COVID-19 образовалось много вопросов, касающихся электоральной сферы. Главный из них – «Как теперь будут проходить выборы в России?». Болезнь наглядно показывает, насколько хрупкой и ломкой является жизнь человека. Страх за себя, за близких и родных вызывает множество эмоций и напрямую влияет на принимаемые решения. В данной статье рассматриваются методы организации голосования в период пандемии коронавирусной инфекции, анализируются риски и возможности новых способов волеизъявления граждан, делается вывод о преобладании позитивных изменений в электоральной сфере.

Ключевые слова: пандемия, COVID-19, коронавирусная инфекция, выборы, голосование, электронное голосование, дистанционное голосование

В 2020 году мировое сообщество столкнулось с беспрецедентным вызовом – появлением инфекции COVID-19. Стремительное распространение, опасность для жизни и здоровья, тяжёлые последствия, сложность выявления и лечения представляют реальную угрозу для человечества. За небольшой промежуток времени болезнь, «шагая по планете», охватила несколько континентов и переросла в пандемию, оказавшую глубокое влияние на все сферы деятельности людей.

Избирательный процесс не стал исключением. Выступая на заседании Центральной избирательной комиссии Российской Федерации (далее – ЦИК РФ), Глава Роспотребнадзора А.Ю. Попова отметила: «очень важно, чтобы проведение выборов всех уровней, охватывающих всё взрослое население России, проходило на основе главного принципа, который у нас в

стране существует и который мы должны реализовать – сохранение жизни и здоровья граждан» [1, с.2].

С этой целью Роспотребнадзор совместно с ЦИК РФ разработали отдельные рекомендации для участников голосования, избирательных комиссий, а также для наблюдателей и представителей СМИ [2].

Самым главным нововведением стала возможность трехдневного голосования, опробованная в ходе Общероссийского голосования по поправкам в Конституцию Российской Федерации. Такой формат голосования позволил развести потоки граждан, избежать очередей и массового скопления людей.

В Белгородской области с 17 по 19 сентября 2021 года проходили следующие избирательные кампании: выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва; досрочные выборы Губернатора Белгородской области и дополнительные выборы в органы местного самоуправления по отдельным избирательным округам.

Все три дня на территории области работали 1 263 избирательных участка, расположенных в просторных хорошо проветриваемых помещениях библиотек, домов культуры, школ, ВУЗов [3]. Для безопасного перемещения участников выборов на каждом участке была предусмотрена схема движения, при которой входящие и выходящие не пересекаются между собой. Вся площадь помещения для голосования была разделена на определенные секторы, ограниченные линиями разметки. Это способствовало соблюдению гражданами социальной и физической дистанции (1,5 м).

Особое внимание было уделено дезинфекционному режиму. Перед входом на избирательный участок каждому избирателю измерялась температура тела, производилась санитарная обработка рук, а также выдача одноразовой медицинской маски, индивидуальной ручки и перчаток [2, с.5]. Чтобы снизить риск заражения членов участковых избирательных комиссий, было решено обеспечить их защитными экранами и перегородками, а также рекомендовано использовать бесконтактный способ взаимодействия с остальными участниками избирательного процесса.

Анализирую сложившуюся ситуацию, глава ЦИК РФ Э.А. Памфилова еще раз напомнила об эффективности использования средств индивидуальной защиты и выразила надежду на дальнейшее развитие полученного опыта [1, с.3].

Пандемия внесла свои коррективы в избирательный процесс, ускорив темпы введения электронного голосования. Дистанционное электронное голосование – это возможность проголосовать там, где удобно с любого цифрового устройства при условии наличия подтвержденной учетной записи на госуслугах. Пока такая возможность была доступна только для семи регионов

нашей страны. Голосование осуществлялось в несколько простых действий: подача заявления о дистанционном способе участия в выборах; авторизация на сайте электронных выборов через аккаунт госуслуг; подтверждение входа с помощью кода из смс-сообщения; получение электронного бюллетеня и голосование.

Голосование посредством сети Интернет в условиях коронавирусной инфекции стало предметом широкого обсуждения, развернув дискуссии относительно целесообразности и прозрачности такого формата, фактически разделив людей на два лагеря.

Первые – так называемые консерваторы, отмечают, что цифровой мир по-прежнему остаётся уязвимым и незащищенным перед кибератаками. В процессе голосования может произойти не только нарушение порядка подсчёта голосов, но и утечка персональных данных избирателей, что само по себе является недопустимым. Е.И. Колюшин видит риск такого нововведения в том, что оно приводит к неравенству избирателей в виду разного уровня владения современными технологиями и обеспеченности техническими устройствами [4, с. 25-30].

Сторонники цифрового подхода совершенно справедливо отмечают, что новый формат расширяет избирательные границы для людей с ограниченными возможностями. В настоящее время в Российской Федерации проживает около 12,1 млн. инвалидов (около 9 % населения страны) [5]. В Белгородской области проблеме доступа на избирательные участки данной категории населения уделяется большое внимание: предусматриваются специальные кабины для голосования инвалидов-колясочников; устанавливается дополнительное освещение для инвалидов по зрению, организовывается дежурство волонтеров. Конечно, законодатель предусмотрел возможность «домашнего голосования» для тех, кто по состоянию здоровья не сможет лично посетить избирательный участок. Однако дистанционный формат позволит людям с ограниченными возможностями реализовать свое избирательное право, не выходя из дома без помощи посторонних лиц. К тому же, преимущества онлайн-голосования заключаются в значительной экономии средств бюджетов, упрощении и ускорении процедуры подсчёта голосов избирателей [6, с. 22-28].

Стоит отметить, что введение дистанционного голосования рассматривается законодателем не в качестве обязательного, исключая традиционный формат выборов. Напротив, цифровизация избирательного процесса призвана стать дополнительным инструментом, охватывающим электоральное сообщество. Электронный вариант участия в выборах позволит снизить нагрузку на избирательные участки, ведь вероятнее всего дистанционным способом отдать свой голос воспользуется молодёжь и люди среднего возраста. В то же время люди старшего поколения и те, кто по каким-

либо причинам не могут воспользоваться такой возможностью, смогут спокойно и безопасно сделать свой выбор лично с помощью бумажного бюллетеня.

Пандемия короновируса COVID-19 создала серьёзные препятствия для демократии и демократических ценностей. Страхи, потери, тревога, эмоциональная и психологическая напряжённость, все это оказало влияние на наши решения. Однако, не смотря на существующие электоральные риски, используемые новации в большей степени оказали позитивное влияние, способствовали успешному, а главное безопасному проведению избирательных кампаний.

Литература:

1. Роспотребнадзор: Ситуация с COVID-19 позволяет проводить выборы // Российская Газета. 2021, 19 июля.
2. Рекомендации по профилактике рисков, связанных с распространением коронавирусной инфекции (COVID-19), при подготовке и проведении выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва, иных выборов и референдумов, назначенных на единый день голосования 19 сентября 2021 г. (утв. Главным государственным санитарным врачом РФ 08.07.2021 г.) // <https://www.consultant.ru/>
3. Официальный сайт Избирательной комиссии Белгородской области <http://www.belgorod.izbirkom.ru/>
4. Колюшин Е.И. Правовые проблемы дистанционного электронного голосования // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 2. С. 25-30.
5. Официальный сайт управления культуры Белгородской области // <http://www.belkult.ru/>
6. Котикова Д.В. Правовое регулирование дистанционного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы: проблемы, их решения и перспективы совершенствования // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 5. С. 22-28.

Мандриков Анатолий Юрьевич,
студент юридического института НИУ «БелГУ»
Научный руководитель – к.ю.н., доцент А.А. Безуглая
(Белгород, Россия)

НАЦИОНАЛЬНАЯ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассмотрены базовые правовые положения, регулирующие соотношение норм национального и международного права и а. Особое внимание в работе было уделено анализу российских и международных доктринальных материалов о вопросах взаимодействия двух правовых систем. Рассмотрена современная судебная практика по вопросам рассматриваемой темы и обозначены наиболее явные тенденции развития взаимодействия правовых систем.

Ключевые слова: конституция, национальная правовая система, международный договор, международная правовая система, Европейский Суд по правам человека.

Крайне сложно представить отечественную науку конституционного права без имени Николая Васильевича Витрука. Помимо значимых достижений на посту судьи Конституционного Суда России, под авторством Николая Васильевича также было выпущено огромное число научного материала, посвященного развитию правового статуса гражданина и личности в России и развитию конституционализма в целом. Труды Н.В. Витрука, бесспорно, являются необходимой базой для подготовки юридических кадров высшей квалификации. Однако, к сожалению или счастью, наша национальная и международная правовые системы представляет собой довольно мобильную, динамичную и с каждым годом развивающуюся структуру. Особенно ярко это выражается в связи с ежегодным нарастанием процесса глобализации, вынуждающей национальное законодательство оперативно реагировать на принципиально новые явления. В рамках нашего исследования мы проанализируем взгляды Н.В. Витрука о роли международных договоров и международного законодательства в национальной правовой системе Российской Федерации, выделим незыблемые элементы данного взаимодействия и те, которые под влиянием различных факторов были частично или полностью видоизменены.

В своих трудах Николай Васильевич неоднократно отмечал, что вопрос о соотношении национальной и международной правовых систем всегда вызывал достаточное число споров, посвященных теме определения верховенства одной

системы над другой. Говоря о том, что же из себя представляют принципы и нормы международного права, автор высказывал следующую позицию: «Под общепризнанными принципами международного права следует понимать основополагающие установления международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом в целом, в силу этого они имеют императивный характер и отклонение от них недопустимо. Под общепризнанной нормой международного права понимается правило поведения, принимаемое или признаваемое международным сообществом, которое также имеет императивный характер и обязательно к соблюдению» [1, с. 80]. Аналогичные трактовки данных терминов мы можем заметить и в современных трудах под авторством Л.А. Нудненко [2, с. 31], В.Г. Стрекозова [3, с. 20] и др.

Особое внимание при исследовании обозначенной проблемы автор уделял части 1 статьи 17 Конституции России, которая устанавливает, что «в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права» [4]. По мнению Н.В. Витрука, данное конституционное положение отражает значение международного права в системе законодательства России. Исходя из данных положений, автор приходит к выводу о том, что признанные Российской Федерацией нормы международного права по юридической силе находятся на равном уровне с Конституцией России [4].

Также автор обращал внимание на то, что «международные договоры Российской Федерации обладают приоритетом перед всеми видами законов в Российской Федерации, но уступают по юридической силе самой Конституции РФ» [1, с. 81], что подтверждается положением ч. 4 ст. 15 Конституции. Автор подчёркивал принадлежность Российской Федерации больше к монистической концепции взаимодействия международного права с национальной правовой системой. Высказанное автором мнение, на наш взгляд, является верным, но требует выделения ряда особенностей, возникновение которых связано с обостряющейся политической обстановкой.

Еще в 2008 году Николай Васильевич высказал идею о «введении правила об обязательной проверке на соответствие Конституции РФ не вступивших в силу международных договоров, которые затрагивают права и свободы человека и гражданина» [1, с. 81], частичную реализацию которой мы можем заметить в настоящее время. В последние десять лет законодатель старается различными способами возвысить национальную правовую систему над международной.

Рассматривая данный вопрос, нельзя не вспомнить о важнейших поправках, внесённых в Федеральный конституционный закон «О Конституционном суде Российской Федерации» федеральным конституционным законом от 14.12.2015 № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» [5], наделяющих Конституционный Суд Российской Федерации правом на рассмотрение дел о возможности исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека.

Таким образом, в ст. 104.4 Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации» закреплены возможные варианты итогового решения по делу, таковыми могут выступить:

– признание Конституционным Судом возможности исполнения в целом или в части в соответствии с Конституцией России решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека;

– признание невозможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека в связи с несоответствием с Конституцией России. Данные изменения являются крайне значимыми для взаимодействия национальных правовых норм с международными. По своей сути они подчёркивают главенствующую роль национального законодательства.

Одним из самых запоминающихся случаев реализации нового полномочия Конституционного суда РФ стало дело о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией России Постановления ЕСПЧ от 31 июля 2014 года по делу «ОАО» «Нефтяная компания «ЮКОС» против России». Так, Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации была признана невозможность исполнения в соответствии с Конституцией России [6], что вызвало неоднозначную оценку среди международных и отечественных юристов.

Еще одним законодательным новшеством являются внесённые изменения в федеральную Конституцию от 14 марта 2020 г. Ещё в январе 2020 года Президент Российской Федерации во время ежегодного послания Федеральному собранию высказал мысль, чётко устанавливающую основное направление развития законодательства России в сфере взаимодействия с международным правом, которая звучала следующим образом: «... требования международного законодательства и договоров, а также решения международных органов могут действовать на территории России только в той части, в которой они не влекут за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина, не противоречат нашей Конституции» [7]. Высказанная Президентом мысль нашла своё отражение в Законе Российской Федерации о

поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020, внесшем значительные изменения в положение статьи 79, дополнив её следующим образом: «Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации» [8]. Внесённые изменения вызвали крайне неоднозначную оценку со стороны международных юристов. Так, в заключении Венецианской комиссии [9] было обозначено, что выбор между исполнением или неисполнением решений ЕСПЧ невозможен, ссылаясь на ст. 46 статью Конвенции о защите прав человека и основных свобод [10], которая указывает на обязательность исполнения решений ЕСПЧ.

Подводя общий итог, следует отметить, что в трудах Н.В. Витрука заложен базовый материал, необходимый для понимания основ взаимодействия Российской Федерации и международного сообщества в правовой плоскости. Вместе с тем мы можем говорить о возрастающем противоборстве национальной и международной правовых систем в вопросах осуществления правосудия на основании международных договоров и соглашений. Поправки, внесённые в Конституцию Российской Федерации в 2020 году, ещё точнее обозначили главенствующую роль Конституции Российской Федерации и постановлений Конституционного Суда Российской Федерации над решениями, принятыми Европейским Судом по правам человека.

Литература:

1. Витрук Н.В. Верность Конституции; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Российский государственный университет правосудия. 2-е изд. Москва: РГУП, 2016. 270 с.
2. Нудненко Л.А. Конституционное право: учебник для среднего профессионального образования. 7-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2021. 531 с.
3. Стрекозов В.Г. Конституционное право: учебник для среднего профессионального образования. 7-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2019. 256 с.
4. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
5. Федеральный конституционный закон от 14.12.2015 № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде

Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 51. Ст. 7229.

6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.01.2017 № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 5. Ст. 866.

7. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 15.01.2020 // Российская газета, 2020. № 7.

8. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.

9. Russian Federation Opinion On The Draft Amendments To The Constitution (As Signed By The President Of The Russian Federation On 14 March 2020) // European Commission For Democracy Through Law (Venice Commission).

10. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.

Обухова Анастасия Михайловна

студентка юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель – д.ю.н., доцент А.Е. Новикова

(Белгород, Россия)

ИНСТИТУТ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ КАК ОСНОВА ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ВЫБОРОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В представленной статье автор, придерживаясь мнения о необходимости активного участия наблюдателей в выборах, рассматривает институт наблюдателей как фактор демократических выборов в России, а также нормативное регулирование правового статуса наблюдателей.

Ключевые слова. Наблюдатель, институт наблюдателей, избирательные права граждан, избирательный процесс, выборы, легитимность выборов.

Для того чтобы обеспечить открытость, законность и, так называемую, «чистоту» выборов существует институт наблюдателей в избирательном

процессе. Наблюдатель способен еще на первичной стадии избирательного процесса обнаружить нарушения и повлиять на его законность. Стоит отметить, что институт наблюдателей пока еще молодой элемент избирательного процесса, который неминуемо будет претерпевать изменения, однако уже сейчас он представляет собой неотъемлемую часть российского государства, позиционирующего себя как демократическое.

Институт наблюдателей представлен совокупностью лиц – граждан того или иного государства и иностранных граждан, имеющих статус наблюдателя, осуществляющих полномочия по удостоверению законности процедур голосования, подсчета голосов на выборах и определения результатов голосования [1].

Правовой статус наблюдателей объединяет в себе гражданство, дееспособность, права, запреты, обязанности, гарантии и ответственность.

Правовой статус наблюдателя регулируется на основе следующих нормативных правовых актов: ст. 36 Федерального конституционного закона от 28.06.2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» [2], ст. 30 Федерального закона от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [3], ст. 33 Федерального закона от 22.02.2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» [4], а также ст. 5.6 и ст. 5.25 Кодекса Российской Федерации об административных нарушениях [5]. При анализе вышеперечисленных нормативных правовых актов, можно сделать вывод – они имеют идентичный характер регулирования правового статуса наблюдателя. Так, во всех вышеуказанных федеральных законах содержится идентичное понятие наблюдателя, которым может быть гражданин Российской Федерации, достигший возраста 18 лет, обладающий активным избирательным правом на участие в выборах или референдуме. Наблюдателями не могут быть выборные должностные лица, лица, находящиеся в их непосредственном подчинении, а также судьи, прокуроры.

При обобщении изложенного в п. 6 ст. 36 федерального конституционного закона «О референдуме Российской Федерации», п. 9 ст. 30 федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», п. 6 ст. 33 федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» наблюдатель вправе: наблюдать за выдачей бюллетеней избирателям; присутствовать при голосовании вне помещения для голосования; наблюдать за подсчетом числа

избирателей, внесенных в список избирателей, избирательных бюллетеней, выданных избирателям, погашенных избирательных бюллетеней; обращаться с предложениями и замечаниями по вопросам организации голосования к председателю участковой избирательной комиссии, а в случае его отсутствия – к лицу, его замещающему; осуществлять фото-, видеосъемку с места, которое определил председатель избирательной комиссии, при этом предварительно уведомив об этом членов избирательной комиссии; присутствовать и наблюдать при подсчёте голосов избирателей на таком расстоянии, чтобы видеть отметки избирателей в бюллетенях; обжаловать в суд или в вышестоящую избирательную комиссию действия или бездействие членов избирательной комиссии, решения избирательной комиссии. Наблюдатель не вправе: совершать действия за избирателя или за члена избирательной комиссии такие как: выдача бюллетеней избирателю, заполнение и подпись за избирателя избирательного бюллетеня и документов о получении его; участвовать в непосредственном подсчёте голосов избирателей; совершать действия направленные на препятствование работы избирательной комиссии; вести предвыборную агитацию во время дней голосования; совершать действия направленные на нарушение тайны голосования; участвовать в принятии решений соответствующей избирательной комиссией.

Отдельное внимание стоит уделить правам наблюдателей в избирательном процессе. По мнению Е.И. Христофоровой, «законодатель крайне обобщенно изложил права данных категорий лиц, не предусмотрел возможности оперативного воздействия на органы государственной власти, органы местного самоуправления, иных субъектов, осуществляющие публичные полномочия. Законодатель не учел специфику деятельности общественного наблюдателя, особенность которой заключается в том, что его деятельность фактически осуществляется в краткосрочный период – для голосования» [6]. Не можем согласиться с данной точкой зрения. В п. 6 ст. 33 Федерального закона от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» предусмотрен достаточно широкий перечень прав наблюдателей, в том числе в п. 10 ст. 33 вышеупомянутого закона предусмотрено право наблюдателя обжаловать решения и действия (бездействия) избирательной комиссии, в которую он направлен, в непосредственно вышестоящую избирательную комиссию или в суд. Приведенная норма позволяет сделать вывод о том, что наблюдатель на законных основаниях может повлиять на решения и действия (бездействия) избирательной комиссии, если это противоречит избирательному законодательству.

Избирательным законодательством не оставлены без внимания и гарантии, которыми наделены наблюдатели: обеспечение полного обзора действий членов участковой избирательной комиссии; увеличенная форма протокола об итогах голосования должна находиться в поле зрения наблюдателей и на расстоянии, необходимом для восприятия содержащейся в ней информации; помещение для голосования должно быть оборудовано таким образом, чтобы места выдачи бюллетеней, места для тайного голосования и ящики для голосования, технические средства подсчета голосов при их использовании одновременно находились в поле зрения наблюдателей; председатель участковой избирательной комиссии обязан предложить наблюдателю присутствовать при проведении голосования вне помещения для голосования не позднее чем за 30 минут до предстоящего выезда (выхода) для проведения такого голосования; участковая избирательная комиссия обязана обеспечить равные с выезжающими для проведения голосования членами участковой избирательной комиссии с правом решающего голоса возможности прибытия к месту проведения голосования не менее чем двум членам участковой избирательной комиссии с правом совещательного голоса, наблюдателям, назначенным разными кандидатами, избирательными объединениями; по требованию наблюдателя участковая избирательная комиссия немедленно после подписания протокола об итогах голосования (в том числе составленного повторно) обязана выдать заверенную копию протокола об итогах голосования.

Вмешательство наблюдателей в действия комиссии не допускаются. Решением участковой избирательной комиссии наблюдатели, нарушающие порядок работы комиссии, тайну голосования и пытающиеся повлиять на волеизъявление граждан, участвующих в референдуме, удаляются из помещения для голосования. Данное решение может быть обжаловано как самими наблюдателем, так и делегировавшим его органом в территориальную комиссию.

Таким образом, институт наблюдателей в избирательном процессе играет роль обеспечения контроля процедуры выборов, что придает легитимность этой процедуре. При нарастающем недоверии граждан к законности процедуры выборов очень важно, чтобы был инструмент для снижения уровня этого недоверия, поскольку в демократическом государстве, каким провозглашает себя Россия, выборы должны проходить открыто и честно, с соблюдением избирательного законодательства, а также с учетом мнения всех граждан страны, а не мнения отдельных категорий лиц.

Литература

1. Болховитина Т.С. Общественный мониторинг избирательного процесса в России как условие эффективности результатов электорального участия граждан // Научные ведомости. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2014. № 8 (179). С. 156-159.
2. О референдуме Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ (ред. от 18.06.2017 г.) // СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2710.
3. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 04.06.2021 г.) // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.
4. О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Федеральный закон от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ (ред. от 04.06.2021 г.) // СЗ РФ. 2014. №8. Ст. 740.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 22.08.2021 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1 (часть I). Ст. 1.
6. Христофорова, Е.И. К вопросу развития института общественных наблюдателей в России. Рязань: Издательство «Концепция», 2016. 254 с.

Ушакова Лилия Юрьевна,

студентка юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель – д.ю.н., доцент А.Е. Новикова

(Белгород, Россия)

НОТАРИАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ В РОССИЙСКОМ ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРАВЕ

Аннотация: Статья посвящена анализу действий нотариуса в рамках избирательного процесса. К таковым, исходя из положений действующего законодательства, отнесены следующие: удостоверение сделок, свидетельствование юридических фактов и др. Кроме того, статья содержит примеры из практики, на основе которых можно выделить как положительные, так и негативные аспекты деятельности нотариуса и выявить направления для дальнейших преобразований законодательства в сфере взаимодействия нотариуса и субъектов избирательного процесса.

Ключевые слова: нотариальные действия, свидетельствование, избирательное право, удостоверение, нотариус, кандидат.

Согласно Конституции Российской Федерации, граждане вправе избирать и быть избранными в органы публичной власти, участвуя тем самым в управлении делами государства. В ходе выборов обеспечивается легитимность публичной власти, что, по словам Н.В. Витрука, зависит «от степени единения государства с обществом, от полноты выражения и защиты общественных интересов в сочетании с корпоративными, групповыми интересами, интересами индивидов» [1, с. 193].

Основным законом, регулирующим отношения в российском избирательном праве, является Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», который подробно раскрывает вопросы порядка подготовки и проведения выборов, реализации гражданами своего активного и пассивного избирательного права и иные аспекты, непосредственно связанные с выборами или референдумом.

Избирательный процесс в некоторых случаях требует производства нотариальных действий в целях соблюдения гарантий использования гражданами своих избирательных прав. Основы законодательства РФ о нотариате (утв. ВС РФ 11 февраля 1993 № 4462-1; ред. от 02 июля 2021 г.) предполагают, что нотариус может совершать нотариальные действия в отношении выборов. К ним относится удостоверение сделок, свидетельствование и удостоверение юридических фактов. Основная задача нотариуса – соблюдать реализацию прав и законных интересов граждан, которые предусмотрены Конституцией Российской Федерации.

Данная статья направлена на рассмотрение действий нотариуса в сфере публичных избирательных правоотношений. Таким образом, можно выделить следующее:

1. Нотариус полномочен свидетельствовать подпись кандидата, который баллотируется в конкретном избирательном округе по причине нахождения в местах содержания под стражей либо в медицинском учреждении по причине болезни. Данное положение содержится в Федеральном законе от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», а также регулируется ст. 80 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате. Таким образом, следует отметить, что нотариус во исполнение своих полномочий должен определить гражданина по документу, удостоверяющему его личность, и убедиться в том, что конкретное лицо действительно поставило свою подпись. Кроме того, нотариусом свидетельствуется и содержание документа, его соответствие указанному Федеральному закону. Однако в данном случае нотариус не может удостоверять факты, содержащиеся в документе.

В заявлении должны быть указаны сведения о персональных данных человека, а именно фамилия, имя собственное и отчество гражданина (если оно есть), серия и номер паспорта, дата его выдачи и орган, а также о код подразделения органа, который выдал паспорт. Также указывается гражданство, сведения об образовании лица (диплом) и сведения о судимости, в том числе снятой или погашенной. Закон не предусматривает порядок свидетельствования подписи лица, находящегося на лечении, соответствующим учреждением здравоохранения, а также администрацией учреждения, где лицо находится под стражей, что считается, на наш взгляд, существенным пробелом в российском законодательстве.

2. Нотариусы полномочны удостоверить сведения о лицах, которые являются сборщиками подписей избирателей за каких-либо кандидатов или партии, а также удостоверить подписи указанных лиц. Право собирать подписи получают лица, достигшие 18 лет и являющиеся гражданами Российской Федерации. Нотариус обязан собрать данные о таких лицах в соответствии с документами, удостоверяющими их личность и указать фамилию, имя, отчество, дату и место рождения, серию и номер паспорта или иного удостоверяющего документа, дату и орган выдачи, код подразделения и место регистрации. Как полагает И.А. Ильенко, данная процедура является лишней и только затягивает время на сбор соответствующих документов. Он объясняет это тем, что все данные о сборщиках передаются в итоге в избирательную комиссию, которая сама может проверить достоверность предоставленных сведений по имеющемуся регистру избирателей [2]. На наш взгляд, следует согласиться с мнением И.А. Ильенко, поскольку, например, в соответствии со ст. 48 Федерального закона от 22 февраля 2014 № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», ЦИК РФ проверяет достоверность сведений, касающихся кандидатов, которые включены в федеральные списки кандидатов, и другие сведения, которые предоставляют политические партии. Таким образом, данный орган имеет полномочие обращаться в соответствующие органы с целью проверки достоверности сведений, указанных в п. 4 ст. 48 Федерального закона № 20-ФЗ.

На практике можно столкнуться с проблемой неурегулированности правоотношений по удостоверению сведений о таких лицах. Это обусловлено отсутствием данных норм в Основах законодательства о нотариате, в актах соответствующих министерств и ведомств, Федеральной нотариальной палаты. В судебной практике существуют случаи, когда суд отказывал кандидату из-за того, что удостоверение лиц, собирающих подписи за данного кандидата, не соответствует требованиям законодательства. В заявлении, как это отмечено в Определении СК по административным делам Верховного Суда РФ от 28

ноября 2011 г. № 46-Г11-32, отсутствовали сведения об органе, в котором выдали паспорт гражданина Российской Федерации.

3. Нотариус также свидетельствует о подписи депутата представительного органа или избранного главы муниципального образования. Указанное полномочие предусмотрено ч. 18 ст. 37 Федерального закона № 67-ФЗ. Как показывает практика, листы, оформленные нотариусом, могут содержать ошибку в дате составления документа, названия муниципального образования или фамилии должностного лица. Подобные ошибки влекут недействительность документа. Центральная избирательная комиссия Российской Федерации в 2013 году утвердила перечень нарушений, согласно которым подписи, собранные за того или иного кандидата, могут быть признаны недействительными, отразив это в своем Постановлении от 27 марта 2013 г. № 168/1222-6. Соответственно, можно выделить: отсутствие специальной удостоверительной надписи о том, что лицо поставило свою подпись при нотариусе; отсутствует на листе поддержки кандидата гербовая печать нотариуса; отсутствие нотариального действия в реестре регистрации нотариуса, а также отсутствие удостоверительной надписи, которая должна быть на листе поддержки кандидата; отсутствие удостоверительной надписи нотариуса, которая предполагает факт, что персональные данные конкретного лица установлены. То есть, возможно не полностью указано имя гражданина, фамилия или отчество, нет расшифровки подписи.

4. Нотариус полномочен удостоверить доверенности для представителя по финансовым вопросам от кандидата или избирательного объединения. Это исходит от предписанной обязанности кандидатов и избирательных объединений иметь свой избирательный фонд, который предназначен для финансирования избирательной кампании. Федеральный закон № 67-ФЗ предоставляет таким субъектам право назначать собственных представителей по финансовым вопросам, а некоторых случаях предусматривает для них это как обязанность.

Соответственно, доверенность от кандидата или избирательного объединения должна быть удостоверена лично нотариусом. Как указывает Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации», представитель по финансовым вопросам получает доверенность, удостоверенную самим кандидатом в президенты с оттиском печати, которая предназначена для финансовых документов (ст. 59). Приложение № 3 Методических рекомендаций по организации деятельности избирательных комиссий указывают на примерную форму такой доверенности [ссылка на них].

Прежде, чем удостоверить доверенность, в обязанности нотариуса входит проверка дееспособности гражданина. Это устанавливается, во-первых, в соответствии с документом, удостоверяющим личность, а, во-вторых, при личной беседе с лицом. Это делается для того, чтобы установить адекватность гражданина и оценить, понимает ли он значение своих действий. Данное положение регулируется Регламентом совершения нотариусами нотариальных действий, утвержденным Приказом Минюста России от 30 августа 2017 г. № 156. Если обратиться к практической стороне работы нотариуса, можно выделить некоторые недочеты. Так, нотариусу может быть достаточно сложно удостоверить на доверенности на имя представителя по финансовым вопросам, которое не имеет статуса юридического лица.

Таким образом, можно сделать некоторые выводы по поводу реализации нотариальных действий в российском избирательном праве. Данные действия являются востребованными для процесса проведения выборов или референдума. Их отсутствие может существенно сказаться на данном процессе. Основными нотариальными действиями можно считать удостоверение личности человека нотариусом и удостоверение фактических бесспорных обстоятельств и существующих юридических фактов. Они совершаются в основном за время регистрация гражданина в качестве кандидата или регистрации какого-либо избирательного объединения.

Литература:

1. Витрук Н.В. Право, демократия и личность в конституционном измерении: (история, доктрина, практика). Избранные труды (1991-2012 гг.). – М.: Норма, 2012.
2. Ильенко И.А. Нотариальные действия в избирательном праве // Избирательное право. 2015. № 2. С. 14-21.

Фирулин Никита Дмитриевич

студент юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель – проф. М.В. Мархгейм

(Белгород, Россия)

Н.В. ВИТРУК И КОНСТИТУЦИОННОСТЬ ИНСТИТУТА СУДИМОСТИ: УСТРЕМЛЕНИЯ НАСТОЯЩЕГО ГУМАНИСТА

Аннотация. В статье проанализировано особое мнение к Постановлению Конституционного Суда РФ от 19 марта 2003 г. № 3-П, в котором высказаны аргументы, что институт судимости и тесно связанным с

ним механизм рецидива и квалифицирующего признака «неоднократность преступлений» противоречат фундаментальным общеправовым принципам.

Ключевые слова: Витрук Н.В., особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации, судимость, правовые принципы.

Николай Васильевич Витрук в своем особом мнении к Постановлению Конституционного Суда РФ от 19 марта 2003 г. № 3-П [1] высказал свое резко негативное отношение к институту судимости и тесно связанным с ней механизму рецидива и квалифицирующего признака «неоднократность преступлений» и отметил их противоречие фундаментальным общеправовым принципам, в том числе и древнему принципу *non bis in idem*, закрепленному в ч. 1 ст. 50 Конституции Российской Федерации, в п. 7 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. и в ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Если бы такое мнение было положено в основу этого постановления, то несправедливый, по его мнению, институт судимости потребовал бы пересмотра или вовсе был бы уничтожен.

Объясняя свой взгляд на правовую природу института судимости, Н.В. Витрук отмечал: «Судимость как явление «объективного» и «субъективного» уголовного права, заменившее «неблагонадежность» времен царизма и «контрреволюционность» времен красного террора и гражданской войны, аморальна (безнравственна), противоречит принципам права, справедливости и гуманизма и представляет собой рудимент прошлого, тоталитарного режима» [1]. Действительно, названные правовые явления имели похожие на современную судимость правовые последствия, однако следует сказать, что они имели, во-первых, сугубо политический характер, а во-вторых, реализовывались зачастую несудебными органами, тогда как судимость является специфичным уголовно-правовым последствием, которое является последствием признания совершенного деяния преступлением и наложения наказания за него вступившим в законную силу приговором суда. Тогда как административный надзор за «неблагонадежными элементами» и вообще признание лиц таковыми находилось в ведении чинов жандармского корпуса, который в свою очередь подчинялся III Отделению Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, а контрреволюционные деяния, согласно ст. 58.1 УК РСФСР 1926 г., вовсе являются самостоятельными преступлениями и представляют собой «всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти Рабоче-Крестьянских Советов и существующего на основании Конституции Р.С.Ф.С.Р. Рабоче-Крестьянского

Правительства, а также действия в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т.п.» [2], п уголовная ответственность за них налагается как судом, так и внесудебными органами («двойки», «тройки» и т.д.).

При этом, например, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. закрепляет в качестве обстоятельства «увеличивающего вину и наказание» «... повторение того же преступления или учинение другого после суда и наказания за первое, и впадение в новое преступление, когда прежнее, не менее важное, было прощено виновному вследствие общего милостивого манифеста, или по особому Монаршему снисхождению ...» [3, с. 76], то есть сущностный аналог судимости. В свою очередь УК РСФСР, не закрепляя судимость как институт, все же оперирует этой категорией в качестве квалифицирующего признака в статьях Особенной части (например, в ст. 117). Таким образом, можно сделать вывод, что понятия «судимость», «неблагонадежность» и «контрреволюционность» не являются тождественными и не имеют между собой прямой связи историко-правового правопреемства, а значит аргумент Н.В. Витрука представляется не совсем корректным в этом контексте.

Витрук Н.В. говорит, что «... согласно уголовно-правовой доктрине и положениям Уголовного кодекса Российской Федерации лицо, отбывшее наказание, искупившее свою вину, продолжает находиться под подозрением в возможности совершения им нового преступления. Это подозрение является публичным «клеймом» государства. Судимость как своеобразный уголовно-правовой испытательный срок для лица, отбывшего наказание, по существу, означает превентивное, продолжающееся уголовное наказание, которое становится дополнительным наказанием в случае совершения нового преступления.» [1].

Такое подозрение действительно имеет место быть, и оно существенно ущемляет личные права лица, находящегося в таком состоянии, однако нам кажется неправильным понимание судимости как дополнительного наказания. Она является одним из элементов уголовной ответственности наряду с наказанием. Судимость действительно тесно связана с наказанием – оно определяет, как само наличие, так и продолжительность этого состояния, однако сама по себе судимость не может и не должна являться наказанием. Она скорее призвана для реализации механизма превенции преступлений, а не самого исправления осужденного. К механизму превенции помимо более строго наказания за повторное преступление следует также относить и

общеправовые последствия судимости, например, невозможность занятия определенных должностей судимыми лицами.

При этом в специализированном законодательстве такие последствия судимости могут иметь бессрочный характер, то есть вовсе не зависеть от погашения или снятия судимости, например, требования, предъявляемые к лицу, претендующему на замещение должности прокурора, согласно ч. 2 ст. 40.1 Федерального закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», содержат формулировку о том, что такое лицо не «имело или имеет судимость» [4]. До вступления в силу Федерального закона от 29 июня 2015 г. № 194-ФЗ [5] такое положение противоречило ч. 6 ст. 86 УК РФ, так как до этого погашение или снятие судимости аннулировало все ее последствия.

Также Николай Васильевич обращает внимание на следующее противоречие Уголовного кодекса : «... С одной стороны, лицо, совершившее преступление, но освобожденное от наказания, считается несудимым (часть вторая статьи 86). Иными словами, государство считает возможным признать искупившим вину лицо, не отбывшее наказание в полном объеме. С другой стороны, лицо, отбывшее наказание и, следовательно, также искупившее вину, продолжает считаться судимым в течение установленного законом срока (вплоть до восьми лет). В то же время государство допускает возможность досрочного снятия судимости: если осужденный после отбытия наказания вел себя безупречно, то по его ходатайству суд может снять с него судимость до истечения срока погашения судимости (часть четвертая статьи 86).» [1]. Однако мы считаем, что такое положение несколько не противоречит назначению уголовной репрессии. Так как практически любое основание для освобождения от наказания предполагает положительный пенитенциарный эффект в части исправления осужденного, доказанный объективными фактами, либо объективную утрату им общественной опасности, а их применение, равно как и снятие судимости, всегда находится под контролем суда (за исключением истечения сроков давности исполнительного приговора), тогда как отбытие наказания в полной мере не может гарантировать исправления осужденного, а закон все же требует освобождения его от правоограничений.

Далее Н.В. Витрук отмечает, что «Нельзя согласиться с характеристикой судимости («прежней судимости») как фактора, определяющего повышенную общественную опасность с лица, отбывшего наказание (степень такой опасности презюмируется в зависимости от характера ранее совершенного преступления), и совершенного им нового преступления (при условии включения судимости в качестве квалифицирующего признака преступления). Лицо не может нести бремя дополнительных ограничений прав

и свобод в результате того, что оно отбыло наказание за совершенное преступление, равно как предыдущее преступление, уже погашенное отбыванием наказания за него, не может влиять на уголовно-правовую оценку последующего неправомерного поведения, характер и степень его общественной опасности.» [1]. С данной позицией мы также не можем согласиться в части неправильности дифференциации наказания, так как, устанавливая более строгое наказание в связи с рецидивом преступления законодатель, как нам кажется, стремится объективно реагировать на профессионализацию преступности. Осознание того, что последствия повторного преступного поведения будут такими же, как и в первый раз, с высокой долей вероятности будет приводить не исправившихся ранее осужденных лиц только к новым преступлениям, а из-за улучшения умений криминальной направленности и усиления мотивации таких лиц (например, в связи с вхождением их в преступную среду и социальной отчужденности) будет приводить к росту ущерба от их преступлений.

Безусловно, такая позиция Николая Васильевича Витрука продиктована самыми гуманными соображениями. Однако с формальной точки зрения, учитывая судимость при назначении наказания, суд вовсе не оценивает одно и то же деяние повторно. Сообразуюсь с требованиями принципа справедливости он дифференцирует наказание за конкретное преступление к конкретному осужденному. Согласно п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ сведения, характеризующие личность подсудимого, входят в предмет доказывания и должны быть представлены суду, а значит они также должны быть учтены при постановлении приговора. Именно к таким сведениям и надлежит относить факт наличия судимости.

К сожалению, статистика свидетельствует, что показатели рецидивной преступности медленно, но последовательно растут [6, с. 283], а это означает, что потребность в институте судимости, как основном методе борьбы с ней, будет сохраняться и потребует дальнейшего его развития, а не отмены и признания неконституционным и аморальным.

Литература:

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1 - 8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального

- (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан» // СПС <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.09.2021)
2. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СПС <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.09.2021)
3. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года / Издано проф. Имп. Училища правоведения... Н. С. Таганцевым. – 5-е изд., доп. – САНКТ-ПЕТЕРБУРГ: тип. М. Стасюлевича, 1886. – 714 с. // <https://www.prlib.ru/item/459770> (дата обращения: 25.09.2021)
4. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // СПС <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.09.2021)
5. Федеральный закон от 29.06.2015 N 194-ФЗ «О внесении изменения в статью 86 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.09.2021)
6. Адилов, З. А. О необходимости совершенствования законодательной регламентации института судимости в уголовном кодексе Российской Федерации / З. А. Адилов, Г. Б. Магомедов // Современный ученый. 2021. № 1. С. 283-286. // <https://www.elibrary.ru> (дата обращения: 25.09.2021)

Фурманов Дмитрий Андреевич,

студент юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель – д.ю.н., доцент А.Е. Новикова

(Белгород, Россия)

ФИНАНСИРОВАНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ

Аннотация: Статья посвящена проблемам финансирования избирательных кампаний. В разрезе данной тематики обобщены сложности, которые возникают в ходе проведения кампаний и варианты их решения. В работе осуществлен анализ основополагающих начал финансирования, в том числе основных принципов избирательных кампаний и их роли в надлежащем функционировании избирательного процесса в целом. Более подробно уделено внимание разновидностям источников финансирования избирательных кампаний и связанным с ними ограничениям; рассмотрены нормативные правовые акты, регулирующие процесс финансирования избирательных кампаний в России, а также актуальные составы преступлений, которые наиболее часто встречаются на практике. В статье проанализирована важность финансовой прозрачности той или иной избирательной кампании с целью исключить преимущество определенной партии или кандидата.

Ключевые слова: избирательная кампания, законодательство, финансирование, политическая деятельность, материальные средства.

Несмотря на постоянные нововведения в законодательстве, множество положений остаются неурегулированными. В частности, это сфера избирательного процесса, а именно финансирование избирательных кампаний как кандидатов в президенты, так и партий, а также избирательных объединений. Теория права толкует определение финансирования избирательных кампаний как совокупность действий, заключающихся в предоставлении каких-либо материальных средств или финансов организаторам и участникам избирательного процесса в целях обеспечения надлежащей организации и проведения выборов, а также формирования и функционирования избирательных кампаний партий и кандидатов в президенты [1].

На наш взгляд, нарушения в области финансирования избирательных кампаний порождают цепную реакцию для иных более глобальных проблем. Например, в их числе нарушение политического нейтралитета в демократическом государстве, а также недостаточный контроль за прозрачностью политической деятельности. На практике это выглядит как преимущество какой-либо партии или кандидата перед другими, например, при публикации в средствах массовой информации.

Прозрачность финансирования, прежде всего, необходима для того, чтобы обеспечить представительство интереса избирателей. Закон должен быть направлен на исключение влияния бизнеса в отношении той или иной избирательной кампании. Как полагает А.Б. Досакаев, это может привести к участию представителей крупных корпораций в принятии важных вопросов на государственном уровне, поскольку государственная власть в Российской Федерации имеет латентное влияние олигархических представителей. По его мнению, могут установиться общеобязательные нормы с учетом их выгоды [2].

Обращаясь к общим принципам финансирования избирательных кампаний, необходимо отметить, что все они базируются на Федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [3]. Так, первым принципом является обязательное создание избирательного фонда, что означает его финансирование не только со стороны государства, но и со стороны иных, установленных законом лиц. Немаловажен принцип лимитов (ограничений) доходов и расходов данного избирательного фонда, что обеспечивает равные возможности и условия для участвующих партий и кандидатов на выборах. В отношении финансовых средств избирательных кампаний закреплён принцип

их целевого использования, а также запрет на финансирование со стороны иностранных государств.

Н.Н. Чучелина утверждает, что основными принципами при финансировании избирательных кампаний является открытость, отчетность, гласность и ответственность [4]. Открытость финансирования обеспечивается подтверждением банка о расходах и доходах финансируемых средств. Такое подтверждение бывает двух видов в зависимости от ситуации: автоматическое предоставление сведений и предоставление информации в ответ на запрос от избирательной комиссии. Порядок отчетности финансирования установлен Центральной избирательной комиссией Российской Федерации, избирательной комиссией субъекта Российской Федерации и Центральным банком Российской Федерации.

Предполагается, что при проведении выборов в Российской Федерации необходимо минимизировать расходы на них ввиду того, что сам факт финансирования не дает никакой материальной пользы и не приносит богатство для общества. Кроме того, оно никаким образом не влияет на ВВП страны. Однако на практике возникает ситуация, когда избирательные кампании тратят огромные суммы денежных средств. Для того, чтобы посчитать стоимость данного мероприятия, следует сумму расходов на одного избирателя умножить на количество избирателей в определенном округе, что в целом может представлять несколько долларов. Законом установлено, что финансирование избирательных кампаний осуществляется за счет строго установленных источников. Таковыми могут быть избирательные комиссии любого уровня, физические или юридические лица, которые выступают пожертвователями в пользу избирательного фонда того или иного кандидата или партии, личные средства баллотирующихся кандидатов, также иные материальные средства, кроме тех, которые принадлежат иностранным физическим и юридическим лицам. Следует отметить, что лица, признанные иностранными агентами в Российской Федерации, не могут участвовать в финансировании избирательных компаний в соответствии с Постановлением ЦИК РФ № 8/60-8 от 02 июня 2021 года [5]. Последние положения имеют место, на наш взгляд, для того чтобы предотвратить скрытую информационную или так называемую шпионскую деятельность, избежать влияния иностранных государств на проведение избирательных кампаний внутри страны.

Обращаясь к нарушениям положений, связанных с финансированием избирательных кампаний, нужно отметить, что они регулируются статьей 141.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [6], где рассматривается расходование и передача денежных средств. Дело в том, что не все расходы проходят через официальные проверки избирательной комиссией, а только те,

которые выплачены из средств избирательного фонда кандидата или партии. Некоторые ученые предлагают создать отдельную форму сметы и указать все необходимые операции в рамках избирательной кампании и источник их финансирования. Незаконное финансирование избирательных кампаний также представляет собой передачу некоторых материальных ценностей, осуществление пожертвований, оказание услуг, выполнение работ и предоставление каких-либо товаров. Так, бывают случаи, когда кандидаты берут в пользование у юридических лиц автомобили без оформления договора аренды для осуществления своей предвыборной деятельности, что является грубым нарушением законодательства и недопустимо для кандидата. Полагаем, что данный случай является ярким примером незаконного финансирования избирательной кампании.

Таким образом, российское законодательство должно постоянно совершенствоваться и препятствовать незаконным махинациям в сфере финансирования предвыборных кампаний кандидатов и партий. Задача законодателя – не допустить превращение процесса выборов в очередной вид бизнеса, а также обеспечить строгие рамки в плане финансирования избирательных кампаний, которые кандидаты не смогут обойти.

Литература

1. Глечян С.А. Проблемы финансирования избирательной кампании в Российской Федерации // Новый юридический вестник. 2021. № 1 (25). С. 17-18. URL: <https://moluch.ru/th/9/archive/186/5820/> (дата обращения: 03.10.2021).
2. Досакаев А.Б. Проблемы финансирования избирательной кампании в Российской Федерации // Вестник Краснодарского университета МВД России, 2013. № 1. С. 17-20.
3. Федеральный закон от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (ред. от 23.05.2020 г.) // Российская газета. 2002, 15 июня; 2020, 25 мая.
4. Чучелина Н.Н. Основы финансирования избирательных кампаний в Российской Федерации // Право и власть. 2002. № 3. С. 50-59.
5. Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 02.06.2021 г. № 8/60-8 «Об Инструкции о порядке формирования и расходования денежных средств избирательных фондов политических партий, региональных отделений политических партий, кандидатов при проведении выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (ред. от 23.06.2021 г.) // Вестник ЦИК России. 2021. № 6.

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Чумакова Ирина Олеговна,
студентка юридического института НИУ «БелГУ»
Научный руководитель – д.ю.н., доцент А.Е. Новикова
(Белгород, Россия)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ КАК СУБЪЕКТ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В РОССИИ

Аннотация. В рамках представленной статьи рассмотрены некоторые проблемы участия политических партий в избирательном процессе, в частности, определения минимального количества участников политической партии, а также порядка выдвижения списка кандидатов на выборы.

Ключевые слова: политическая партия, избирательный процесс, выборы.

В настоящее время политические партии играют важную роль в процессе становления и развития любого государства. Как совершенно верно говорит Е.П. Дубровина, это «универсальный политический институт, связывающий государства и граждан и обеспечивающий представительство различных социальных интересов в государственных институтах» [1, с. 9]. Таким образом, мы можем констатировать, что именно представительный характер является наиболее значимой чертой любой политической партии, так как и их существование в целом обусловлено необходимостью представления интересов различных групп общества на государственном уровне.

Политические партии являются активными участниками избирательного процесса, чья деятельность регулируется Федеральным законом от 11 июля 2001 года № 95-ФЗ «О политических партиях» (далее – ФЗ «О политических партиях»). Однако несмотря на то, что данный закон существует уже больше двадцати лет, наличествуют некоторые проблемы, с которыми политическим партиям приходится сталкиваться в процессе выборов. Эти проблемы имеют различную природу. Некоторые из них мы рассмотрим далее.

Так, в числе проблемных вопросов, касающихся определения политической партии как субъекта избирательного процесса, определение ее численности. В настоящее время пп. «б» п. 2 ст. 3 ФЗ «О политических партиях» устанавливает, что в политической партии должно состоять не менее 500 членов. Однако, если мы проанализируем историю изменения

рассматриваемого закона, то увидим, что требования к численности партии постоянно менялись – от 10 тыс. в 2001 году до 40-50 тыс. человек в период 2004-2011 гг. Как мы видим, на сегодняшний день это количество составляет всего 500 человек.

В доктрине юриспруденции есть мнение, что такое резкое снижение количественного состава партии, позволяющей ей регистрироваться в качестве таковой, неоправданно [2, с. 10]. М.С. Саликов аргументирует свою позицию тем, что партия – это, прежде всего, совокупность людей, которые представляют на государственном уровне интересы значительного количества граждан, объединенных общими целями, идеями, взглядами на развитие политики и государства и пр. Следовательно, установление минимальной численности партии в количестве 500 человек, позволяет регистрировать совершенно абсолютно ненужные партии, которые нецелесообразно допускать к участию в выборах. На наш взгляд в позиции, высказанной М.С. Саликовым, есть доля истины, так как действительно кроме партий с достаточно определенной гражданской позицией, появляется возможность создания «нестандартных» политических партий, которые также могут быть субъектами избирательного процесса. Однако мы не считаем необходимым увеличивать минимальный порог членства в партии для признания ее официальной. Аргументируем свою позицию тем, что существование такой возможности – это характерная черта демократического, правового государства, где граждане могут влиять на государственное управление через своих представителей. Увеличение же минимального количества членов политической партии, на наш взгляд, ущемит интересы и права меньшинства.

Далее мы хотим обозначить еще одну проблему, вытекающую из возможности политической партии участвовать в выборах – это отсутствие в уставах подавляющего большинства партий детальной регламентации порядка выдвижения кандидатов. Как совершенно верно замечает Р.А. Загидулин, ФЗ «О политических партиях» не содержит подробной регламентации данной процедуры, отсылая к уставам самих партий [3, с. 35]. Последние же, в свою очередь, также не детализируют рассматриваемую процедуру. В итоге получается, что выдвижение кандидатов и составление списка фактически превращается в одобрение съездом проекта федерального списка, предложенного руководящим органом партии. При этом проект далеко не всегда доступен делегатам.

Таким образом, можно сделать вполне закономерный вывод о том, что существующий порядок нельзя считать удовлетворительным, так как

фактически процесс выдвижения кандидатов превращается в фикцию. Более того, нередко партии злоупотребляют возможностью включения в списки «сторонних» кандидатов, в том числе и спонсоров. Делается это для того, чтобы получить большее количество голосов на выборах и получить новый приток избирателей.

На наш взгляд, Р.А. Загидулин предложил очень эффективный способ решения указанных проблем – установить количественное ограничение на выдвижение сторонних кандидатов от партии в количестве не более 25 % от числа выдвинутых кандидатов. Более того, мы считаем необходимым закрепить обязанность каждой партии детализировать в своих уставах порядок составления и выдвижения кандидатов от партии на выборы. Также можно рассматривать необходимость введения такой обязанности на федеральном уровне путем внесения соответствующих изменений в ФЗ «О политических партиях».

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Политическая партия – это один из наиболее значимых субъектов избирательных правоотношений в России, обладающий широким спектром прав и обязанностей. Однако их современное правовое положение сопряжено с существованием ряда серьезных проблем, которые требуют своего устранения.

2. Активные дискуссии вызывает вопрос минимального количественного состава политической партии. В настоящее время для регистрации партии достаточно 500 участников, в то время как в более ранних редакциях ФЗ «О политических партиях» их количество варьировалось в разные периоды от 10 до 50 тыс. человек. На наш взгляд, такой низкий количественный ценз вполне обоснован, так как он позволяет большему количеству граждан и их объединений получить доступ к управлению государством и участию в политической жизни страны. Это же, в свою очередь, является залогом эффективного развития демократического правового общества и государства.

3. Одной из главных проблем участия политических партий в избирательном процессе является отсутствие детализированной и прозрачной процедуры выдвижения списка кандидатов, а также нередкое злоупотребление партиями своим правом на выдвижение в рамках списка «сторонних» кандидатов. На наш взгляд, Р.А. Загидулин предложил очень эффективный способ решения указанных проблем – установить количественное ограничение на выдвижение сторонних кандидатов от партии в количестве не более 25 % от числа выдвинутых кандидатов. Более того, мы считаем необходимым закрепить обязанность каждой партии детализировать в своих уставах порядок

составления и выдвижения кандидатов от партии на выборы, в том числе на федеральном уровне.

Литература

1. Дубровина Е.П. Политические партии как субъекты избирательного процесса в Российской Федерации: Автореф. дисс. к.ю.н. М., 2004. 112 с.
2. Саликов М.С. Партийная система России: динамика конституционно-правового регулирования // Российский юридический журнал. 2017. № 4. С. 7-11.
3. Загидулин Р.А. Некоторые проблемы правового регулирования участия политических партий в избирательном процессе // PolitBook. 2017. № 8. С. 33-37.

Карабутов Александр Александрович,
аспирант кафедры конституционного и
международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
Научный руководитель – проф. М.В. Мархгейм

НОВЕЛЛЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ГРАЖДАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Аннотация. В статье рассматриваются изменения Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» появившиеся за последние несколько лет. В частности, осуществляется характеристика нововведений, определяются возможные причины их появления и оценивается эффективность их применения на практике.

Ключевые слова: гражданство, гражданство Российской Федерации, законодательство о гражданстве, изменение законодательства о гражданстве, новеллы российского законодательства.

Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» является ключевым актом, регулирующим вопросы гражданства на территории нашей страны. В нем в развитие конституционных положений о гражданстве (ст. 6, 61, 62 и др.) содержатся основополагающие начала гражданства Российской Федерации, закреплены нормы, регламентирующие отношения, возникающие в рассматриваемой сфере, а также зафиксированы основания, условия и порядок приобретения и прекращения гражданства.

Перемены, происходящие в обществе, не только влияют на интерпретацию и конституционно-правовую новеллизацию гражданства Российской Федерации [1], но и требуют внесения изменений и в действующее законодательство. Такие «обновляющие процедуры» во многом определяют актуальность и действенность отечественной нормативно-правовой базы. Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» также не остался в стороне от этого процесса и, начиная с 2003 года, претерпевает различные внутренние трансформации. В текст данного закона посредством соответствующих федеральных законов, которых на сегодняшний день в общей сложности насчитывается более тридцати, было внесено большое количество изменений. В рамках же данной научной работы будут рассмотрены наиболее значимые изменения, появившиеся относительно недавно. По словам Н.В. Витрука, на содержание «законодательства о гражданстве решающее влияние оказывают потребности развития национальной экономики, конкретные особенности развития каждого государства, демографические процессы, миграционная политика, политические и иные разнообразные факторы [с. 140]

Итак, в последнее время законодатель особое внимание уделяет упрощению процедуры получения иностранными гражданами российского паспорта. Первые шаги в этом направлении были отмечены еще в 2014 году. Тогда Федеральным законом от 20 апреля 2014 года № 71-ФЗ в действие была введена статья 33.1, раскрывающая особенности признания иностранного гражданина носителем русского языка. После чего, в этом же году статья 14, посвященная упрощенному приему в гражданство Российской Федерации, дополнилась частью, в соответствии с которой, иностранные граждане, признанные в порядке, установленном статьей 33.1 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» носителями русского языка, могут обратиться с заявлениями о приеме в гражданство в упрощенном порядке, но при соблюдении ряда условий, среди которых был отказ от имеющегося у них иностранного гражданства. Причем ввиду событий, происходящих в 2014 году на территории Украины, в содержание Закона был включен целый пункт с порядком отказа украинцев от своего гражданства. Через шесть лет Федеральный закон от 24 апреля 2020 года № 134-ФЗ этот пункт «ликвидировал», а часть ранее обязательных условий, например, наличие законного источника к существованию, перевел в ранг необязательных.

Помимо этого, у граждан Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Молдова и Украины с введением в действие указанного акта появилась возможность подавать документы на приобретение российского

гражданства при получении вида на жительство без учета срока проживания на территории Российской Федерации.

Результатом перечисленных действий стало стремительное увеличение количества лиц, решивших получить российское гражданство, и в итоге приобретших его. Исходя из сводки основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации, в период с января по август 2020 года приобрело российское гражданство более 390 000 человек, а в обозначенный же период, но только 2021 года это число увеличилось примерно на 90 000¹. Причем основная масса иностранцев с приобретенным российским гражданством – это выходцы из бывших республик СССР.

Новые положения также затронули и процедуру получения гражданства иностранными гражданами, которые прошли и успешно завершили обучение в учебных заведениях страны. До недавнего времени, чтобы стать гражданином Российской Федерации, после учебы они должны были официально трудоустроиться и отработать не менее трех лет, при условии, что работодатель начислял в отношении них страховые взносы в Пенсионный фонд. Только после этого иностранец мог рассчитывать на российский паспорт. Сейчас же предоставляемые иностранным гражданином документы для получения гражданства должны свидетельствовать о том, что его трудовая деятельность длилась не менее одного года.

Такого рода изменения указывают на то, что иностранные выпускники российских образовательных учреждений ввиду уже прошедшей адаптации к российскому обществу стали востребованы на рынке труда. А с учетом того, что сейчас отдельное внимание уделяется качественному обмену опытом между ними и гражданами Российской Федерации и в образовательной, и в трудовой сфере, уровень этой востребованности в ближайшем будущем будет еще выше.

Рассматривая важные изменения, внесенные в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» за последние несколько лет, нельзя не уделить внимание новой коронавирусной инфекции (COVID-19), которая, безусловно, оказала влияние на трансформацию законодательства о гражданстве.

Как уже отмечалось, количество лиц, стремящихся получить российский паспорт, ежегодно растет. И какого-либо спада даже в период активного распространения коронавируса на территории Российской Федерации в этой

¹ Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь - август 2021 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL.: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/26086149/> (дата обращения: 15.11.2021).

тенденции не наблюдалось и не наблюдается. Это, на наш взгляд, обусловлено своевременной и разумной деятельностью законодателя с учетом сложных эпидемиологических условий. Так, в силу принятия Федерального закона от 18 марта 2020 г. № 63-ФЗ «О внесении изменений в статьи 35 и 41.5 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации»» с июня 2020 года начал действовать другой более короткий срок рассмотрения заявления о приеме в гражданство Российской Федерации: срок сократился с шести месяцев до трех.

Помимо этого, статья 33.1 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» дополнилась частью, в соответствии с которой, украинцы и белорусы, подпадающие под условия носителей русского языка, были освобождены от прохождения собеседования с участием специальной комиссии. В итоге для них упрощенный порядок получения российского гражданства.

Очевидно, что выбранный Российской Федерацией путь в плане трансформации законов, касающихся вопросов гражданства, ориентирован на постепенную ликвидацию порядков, затягивающих процесс получения российского гражданства, в первую очередь гражданами бывших союзных республик.

В целом, конечно, существуют и иные изменения законодательства о гражданстве, которые привлекают внимание, но в рамках данной научной работы были раскрыты наиболее значимые нововведения.

Таким образом, исходя из изложенного, можно сделать следующий вывод.

Актуальная правовая регламентация института российского гражданства выступает основой различных процессов, среди которых, например, проведение результативной миграционной политики страны, способной разрешить многие демографические, а также экономические проблемы.

Ввиду этого, совершенствование законодательства о гражданстве является первоочередной задачей, достижение которой должно происходить в условиях соблюдения конституционных норм, прав и свобод человека и гражданина.

В действующий Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» практически ежегодно вносятся изменения, свидетельствующие о реальных возможностях его совершенствования, о том, что они еще не исчерпаны и обязательно должны быть изучены и применены на практике в дальнейшем. Ведь только путем постоянных улучшений, можно добиться оптимальной внутренней наполняемости данного нормативно-правового акта, которая бы соответствовала и одновременно поддерживала государственную политику относительно вопросов гражданства Российской Федерации. Есть все

основания предполагать, что количество вносимых изменений приведет к принятию качественно нового федерального закона о российском гражданстве.

Литература:

1. Мархгейм М.В. Гражданство Российского государства: интерпретационные традиции и конституционно-правовые новеллы // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 7 (134). С. 50-52.
2. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М., 2008. 447 с.

**КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ:
СИМБИОЗ НАУКИ И ПРАКТИКИ**

Ответственный редактор – профессор М.В. Мархгейм

Подписано в печать 25.11.2021
Бумага офсетная. Усл. печ. листов 13,0 п.л.
Тираж 200 экз. Заказ № 1070.

Отпечатано в типографии ООО «ГиК»,
г. Белгород, ул. Калинина, 38-а,
Тел. (4722) 58-71-25 www.gikprint.ru girichev69@mail.ru
Св-во 001071155 от 13.04.2005 г.